

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЮГО-ВОСТОК ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

Часть I

Э.Л. Дубман

Поволжский фронт в середине XVI – XVII вв. Очерки истории

*Утверждено редакционно-издательским советом
университета в качестве монографии*

Самара
Издательство «Самарский университет»
2012

УДК 94(47).04
ББК 63.3(2)44-46
Ю15

Р е ц е н з е н т ы :

д-р ист. наук, проф. В.В. Кондрашин;
д-р ист. наук, проф. Е.П. Барина

Н а у ч н ы й р е д а к т о р

д-р ист. наук, проф. П.С. Кабытов

Ю15 **Юго-Восток Европейской России:** монография. Ч. I. Дубман Э. Л. Поволжский фронт в середине XVI – XVII вв. Очерки истории / Э. Л. Дубман. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2012. – 236 с.

ISBN 978-5-86465-569-6

Данная книга является продолжением цикла монографических исследований самарских историков, посвященных развитию европейского Юго-Востока в контексте формирования Российской империи. В ней рассмотрена история региона в начальный период его вхождения в состав Московского государства (вторая половина XVI – XVII вв.). Автор исследует деятельность различных участников этого процесса, анализирует систему их взаимоотношений в условиях поволжского фронта.

Предназначена для преподавателей высших и средних учебных заведений, студентов, краеведов и всех интересующихся российской историей.

УДК 94(47).04
ББК 94(47).04

ISBN 978-5-86465-569-6

© Дубман Э. Л, 2012
© Самарский государственный университет, 2012
© Оформление. Издательство «Самарский университет», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	4
Введение	6
Раздел I. Историко-культурные ландшафты (XIV – начало XVII вв.)	11
Ногайские кочевья в Волго-Уральском междуречье	12
Волжские «перевозы»	43
«И мы в тех местах, учиня крепости, велим людем многим стояти»	60
До русской крепости... (поселение «Samar» и «Самарское урочище» в XIV – начале XVI вв.)	69
«На Волге жить – все ворами слыть»: становление и эволюция волжского казачества	87
Взгляд со стороны	100
Между Казанью и Астраханью...	121
Раздел II. «Время фронта»: XVII столетие	135
Южное Средневолжье в Смутное время	136
Понизовой фронтир Московской Руси	149
Рыболовство Юго-Востока	161
Надеинское Усолье	178
Соляной промысел	194
«По досмотру и по описи и по чертежу... строить новую черту»	204
Вместо Сызранской черты...	216
Крупные вотчины Симбирского Правобережья	225
Авторские публикации	234

ОТ РЕДАКТОРА

Уважаемый читатель!

Вашему вниманию предлагается очередное издание из цикла монографических исследований самарских ученых, посвященных развитию европейского Юго-Востока в контексте формирования Российской империи¹. Отметим, что вопросы колонизации, освоения новых пространств являются традиционными для отечественного исторического сообщества начиная со времен С.М. Соловьева и В.О. Ключевского. Эта тематика в последние полтора десятилетия стала одним из главных направлений в рамках научно-исследовательской работы, ведущейся на историческом факультете Самарского государственного университета и, прежде всего, кафедре российской истории.

Данная проблематика была успешно апробирована в ходе выполнения различных программ, проектов и грантов. В 2011–2012 г. работы по отдельным ее аспектам проводились в ходе выполнения государственного задания НИР по теме «Государство, социум, этносы в освоении и развитии Юго-Востока Европейской России (середина XVI – начало XX в.)», а также в рамках выполнения постановления Правительства Самарской области от 26.05.2011 г. №194, п. 2 Плана мероприятий по изучению исторических материалов и определению даты основания города Самары.

Подготовленная Э.Л. Дубманом книга состоит из двух разделов: «Историко-культурные ландшафты (XIV – начало XVII вв.)» и «Время фронта: XVII столетие», – включающих в себя совокупность очерков, в которых рассматриваются отдельные аспекты истории региона в начальный период его вхождения в состав Московского государства (вторая половина XVI – XVII вв.). Автор исследует деятельность различных участников этого процесса, анализирует систему их взаимоотношений в условиях складывания так называемого «поволжского фронта». Разнообразие сюжетов, их своеобразная мозаичность отражают сложнейшие, противоречивые и нередко столь же «мозаичные» процессы, происходившие в ходе взаимодействия кочевых и земледельческих сообществ, борьбы различных сил, этно-

---

¹ Дубман Э.Л. Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф. Очерки истории Юго-Востока Европейской России. Самара, 2004; Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – XVII вв.) / под ред. Э.Л. Дубмана и П.С. Кабытова. Самара, 2007.

конфессиональных групп, государственного начала и казачьей вольницы. При всем пристальном внимании к изучению конкретики региональных сюжетов Э.Л. Дубман рассматривает историю европейского Юго-Востока на широком историческом фоне, в неотрывной связи с общероссийскими политическими, социальными и экономическими проблемами.

Несомненной является новизна и научная значимость такой обобщающей работы. Исследования велись в течение ряда лет, и главная трудность, которую предстояло преодолеть Э.Л. Дубману, состояла в первую очередь в формировании достаточно репрезентативной источниковой базы. Общим местом в изучении истории территории «понизовых городов» до начала XVIII столетия является практическое отсутствие приказного делопроизводства. Архив приказа Казанского Дворца, под практически полной юрисдикцией которого находился весь регион, сгорел в начале XVIII в. Фонды съезжих изб (за исключением архива Астраханской приказной палаты, однако ее делопроизводство отражает прежде всего XVII столетие и практически не содержит источников от второй половины XVI в.) также сохранились крайне фрагментарно. В связи с этими обстоятельствами любое серьезное изучение ранней «русской» истории региона должно основываться на фронтальном просмотре фондов и коллекций государственных учреждений, корпоративных собственников и т. п., деятельность которых хоть в какой-то степени была связана с начальным периодом освоения юго-восточных окраин Европейской России.

В течение нескольких лет профессор Э.Л. Дубман активно работал с материалами и документами, хранящимися в фондах Российского государственного архива древних актов. Кроме того, им была изучена новейшая научная литература. Немаловажное значение имела апробация многих аспектов исследуемой проблемы на международных, российских и региональных конференциях. В совокупности это и предопределило формирование концептуальных воззрений автора настоящей монографии.

Мы уверены, что эта книга вызовет интерес и будет полезной для преподавателей высших и средних учебных заведений, студентов, краеведов и всех интересующихся региональной и российской историей.

*Заслуженный деятель науки РФ,
доктор исторических наук, профессор
Петр Серафимович Кабытов*

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга посвящена одному из самых интересных и слабо изученных периодов в истории Юго-Востока Европейской России — времени вхождения его территории в состав Московского государства. Разгром Казанского и покорение Астраханского ханств, признание подданства Москве башкирами, установление фактически вассальных отношений со стороны Большой Ногайской Орды, последовавший в конце XVI столетия прорыв в Западную Сибирь сделали Россию единственно значимой реальной силой на всем Волжском пути, обширном лесостепном и степном пространстве.

С середины XVI в. резко изменяется геополитическая ситуация в огромном регионе: кочевые и оседлые народы, живущие на его территории, все в большей степени начинают ориентироваться на помощь и защиту могучего западного соседа. Вот как образно обрисовал ситуацию, сложившуюся во второй половине XVI в. на северо-западном побережье Каспийского моря, выдающийся русский историк С.М. Соловьев: «Утверждение в устьях Волги открыло Московскому государству целый мир мелких владений в Предкавказье: князья их ссорились друг с другом, терпели от крымцев и потому, как скоро увидели у себя в соседстве могущественное государство, бросились к нему с просьбами о союзе, свободной торговле в Астрахани, некоторые с предложениями подданства и таким образом незаметно волей-неволею затягивали Московское государство все далее и далее на восток, к Кавказу и за него»¹.

Характерно, что и западные соседи России достаточно быстро оценили стратегические успехи Московии на Юго-Востоке и новые возможности для развития отношений с нашей страной. В свое время К. Маркс писал: «Изумленная Европа, в начале царствования Ивана даже не подозревавшая о Московии, затиснутой между Литвой и татарами, была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на ее восточных границах, и сам султан Баязет, перед которой она трепетала, услышал впервые от москвитов надменные речи»². Не в меньшей степени это замечание относится и к рассматриваемому нами периоду, когда российское правительство смогло предложить «изумленным» западноевропейцам удобный путь в сказочные страны Востока.

Московская элита с большим трудом приходит к осознанию своей стратегии поведения и возможных направлений деятельности в

огромном регионе. Очень осторожно следует говорить о так называемой новой внешнеполитической линии, «проявившейся» в русской политике уже с середины XVI столетия и направленной на расширение территории страны на юге и юго-востоке за счет присоединения плодородных лесостепных пространств; военного, а затем и хозяйственного их освоения, приобретения удобных путей к богатым государствам Востока. Новое, как пишут зарубежные и отдельные российские историки, «имперское», «империалистическое», «экспансионистское» сознание формировалось у руководства страны чрезвычайно медленно. Выработка «идеологии поглощения» отставала от реальных действий, обусловленных сиюминутными обстоятельствами внешней политики, направленной прежде всего на оборону границ со степью и предупреждение нападений кочевников³. В какой-то степени можно согласиться со швейцарским историком А. Капеллером, считавшим, что российская экспансия вплоть до середины XIX в. определялась в основном стратегическими и внешнеполитическими, а не экономическими задачами⁴.

И все же нельзя не отметить, что именно с середины XVI столетия начинается постепенное превращение средневековой Московской Руси в имперское государство. Складывается новая идеология государственной власти, вырабатываются оригинальные принципы проведения административной и конфессиональной политики на многонациональных окраинах. Во вновь присоединенном пространстве от Соли Камской до Каспийского моря Россия приобретает богатейшие природные ресурсы, доходы от эксплуатации которых позволили в середине – второй половине XVII в. приступить к системным преобразованиям, ставшим своеобразной «стартовой» площадкой для будущих грандиозных реформ Петра Первого.

На протяжении второй половины XVI – XVII вв. можно говорить о складывании на Юго-Востоке пространства «фронта». В нем соседствовали друг с другом кочевые орды, вольные казачьи сообщества, пограничные и прибрежные, расположенные по важнейшим речным путям города-крепости; отдельные остроги и системы засечных черт, ареалы сельского и промыслового расселения. Все это разноэтничное, поликонфессиональное население, постоянно пополняемое и перемещиваемое мощными миграционными потоками, сезонными перемещениями, вынуждено было находить дополнительные возможности для взаимного общения, расселения и хозяйственной деятельности. Вместе с тем оно всегда было готово к вооруженному отпору, защите своих интересов. Во взаимодействии таких сообществ складывался особый менталитет «окраины», «погра-

ничья», людей, ушедших из-под жесткой государственной опеки и не желавших вновь вернуться под ее крыло. Квинтэссенцией подобных настроений и поведенческих стереотипов стали сообщества казачьей вольницы – яицкого, донского, волжского, терского, гребенского, основой для формирования которых были выходцы из самых различных этнических и конфессиональных сообществ Восточной Европы.

Зыбкость, фрагментарность и мозаичность процессов, происходивших в регионе в период начального российского освоения, являлись особой характерной чертой его исторического развития. Сокращалась территория кочевий степных народов. Постепенно под защитой засечных линий шаг за шагом расширялась к югу зона оседлого земледельческого и промыслового расселения, где складывалась поуздная система административно-территориального деления, местная воеводская администрация. Новые территории заселялись в основном мелко- и среднепоместными служилыми людьми по прибору и отчеству, крестьянами, ясачным населением Среднего Поволжья. Правительство вводило здесь, как и в южных пограничных уездах, особую практику «заказных городов», которая защищала основные категории местного военизированного населения от разорения их крупными привилегированными вотчинниками.

Последние десятилетия XVI–XVII вв. – время освоения огромных новых территорий, начальной колонизации – военно-государственной, промысловой, торговой и, наконец, земледельческой. К концу XVI в. сложились исходные южные и юго-восточные рубежи земледельческого расселения во вновь присоединенном регионе. В Приволжье они проходили по линии Тетюши – Алатырь – Темников, в Заволжье – по нижнему и среднему течению Камы. Именно отсюда в середине XVII столетия ареал оседлого расселения продвинулся в широтном направлении к югу до вновь построенных Симбирско-Корсунской и Закамской засечных линий.

В Предволжье к концу XVII в. границы земледельческого освоения спускаются ниже Сызрани и Кашпира. В Заволжье колонизационные процессы шли со значительным отставанием. Сельское оседлое расселение обеспечивало определенную устойчивость и постоянство в развитии процессов в лесостепных районах Юго-Востока.

Исследовать историю европейского Юго-Востока второй половины XVI – XVII вв. крайне трудно прежде всего из-за отсутствия репрезентативного корпуса сохранившихся документальных источников. Делопроизводство приказа Казанского Дворца, фактически полностью распорядившегося в рассматриваемом регионе, и боль-

шинства съезжих изб местных городов-крепостей практически не сохранилось. Отдельные коллекции документов, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов, например «Ногайские дела», и другие материалы не позволяют комплексно реконструировать процессы, происходившие на его территории. Поэтому единственно возможным способом получения достоверной информации является работа со всей совокупностью сохранившихся источников, в том числе и отложившихся в тех государственных учреждениях, которые лишь отчасти имели отношение к данному региону. Только такая методика сплошного фронтального обследования фондов центральных и местных архивохранилищ позволяет получить новые результаты.

Очерки, помещенные в предлагаемой книге, были написаны в разное время. Большинство из них публиковалось в виде статей в различных сборниках, научных и научно-публицистических журналах, других изданиях. При всей разнородности, стилевом разнообразии все они посвящены решению одной задачи – реконструкции важнейших процессов, происходивших на территории Юго-Востока Европейской России в начальный период его включения в систему экономических, социальных, политических отношений Московского государства. Собранные вместе и в определенной степени переработанные, эти материалы дают своеобразную картину событий, происходивших в огромном регионе и, отражая их отдельные стороны, позволяют в конечном итоге понять главное, а именно то, как формировалось пространство «фронта» юго-восточного пограничья России.

Работа над проблемами, затрагиваемыми в новом издании, проводилась в ходе выполнения различных программ, грантов и т. д. В последние годы автор целенаправленно занимался данной тематикой, в процессе выполнения государственного задания НИР, проводимых Самарским государственным университетом по теме «Государство, социум, этносы в освоении и развитии Юго-Востока Европейской России (середина XVI – начало XX в.)», а также в рамках выполнения постановления Правительства Самарской области от 26.05.2011 г. №194, п. 2 Плана мероприятий по изучению исторических материалов и определению даты основания города Самары.

Автор благодарит всех тех, кто помогал ему в работе:

Петра Серафимовича Кабытова и Юрия Николаевича Смирнова, с которыми обсуждал многие идеи, получившие впоследствии развитие в статьях и очерках;

Владимира Николаевича Мышкина и Дмитрия Алексеевича Сташенкова, способствовавших появлению ряда новых сюжетов по региональной истории;

Валентину Николаевну Зудину, без постоянной помощи и поддержки которой не было бы этой книги.

Примечания

¹ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 3: История России с древнейших времен. Т. 6. М., 1989. С. 474.

² Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. М., 1946. С. 159; Цит. по: Мавродин В.В. Образование единого Русского государства. Л., 1951. С. 257.

³ Бахтин А.Г. Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 65, 67–68; Капеллер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 1996. С. 28.

⁴ Капеллер А. Указ. соч. С. 21–22, 154. На наш взгляд, это произошло значительно раньше середины XIX в.

РАЗДЕЛ I

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ (XIV – НАЧАЛО XVII ВВ.)

НОГАЙСКИЕ КОЧЕВЬЯ В ВОЛГО-УРАЛЬСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ¹

В конце XV – начале XVII в. степное и лесостепное Предволжье и Заволжье было занято ногаями. Ногайская Орда занимала огромное пространство от Аральского моря на востоке до Волги и Дона на западе и от Каспийского моря на юге до лесов Башкирии на севере. В «Книге Большому Чертежу», первом систематическом описании России конца XVI – начала XVII в., говорилось, что от верховьев р. Бузулука (притока Самары) вплоть до «Синева» (Аральского) моря находились кочевья Большой Ногайской Орды². Население этого государства составляли кипчаки, либо, как их еще называли, половцы или куманы. Они появились в восточноевропейских степях в середине XI в., впоследствии были покорены монголами и стали основной этнической составляющей Золотой Орды.

Для ногаев, бывших типичными представителями кочевой цивилизации, все это пространство входило в ареал годового цикла кочевания. Характерные особенности такого кочевого образа жизни получили подробное описание в русских средневековых документах, сообщениях европейцев и восточных купцов, научных записках академических экспедиций XVIII в.

Традиционный кочевой образ жизни степняков не изменился и после начала экспансии Московского государства в Среднее и Нижнее Поволжье, Южное Приуралье. На протяжении всей второй половины XVI – XVII вв. московское правительство лишь номинально обозначало свое «присутствие» во внутренних районах Волго-Уральского междуречья. Хозяевами здесь оставались кочевые народы.

История ногаев достаточно хорошо изучена в отечественной исторической науке. Однако некоторые аспекты, в том числе реконструкция и привязка к конкретным природно-географическим ориентирам годового цикла их кочевых передвижений, исследованы далеко не окончательно. Цель нашей работы как раз и состоит в том, чтобы выявить географию годового цикла кочевания на примере ногайского сообщества с достаточно точной хронологическо-территориальной локализацией маршрутов выхода на летние и зимние пастбища и местонахождения весенних и осенних кочевий. Эти вопросы в основном относятся к историко-географической проблематике.

Из нескольких выделяемых специалистами систем кочевания (ареалов) у ногаев для изучения выбрана одна — поволжская. Но и эта система в силу различных процессов, происходивших в ногайском сообществе в конце XV — начале XVII в., претерпевала значительные изменения.

Для иллюстрации отдельных положений, а также для сравнения приводятся сведения о кочевании калмыков, казахов и других степных народов.

Источниковая база для такого исследования крайне невелика и представлена совокупностью сохранившихся от XVI—XVII столетий архивных и опубликованных документов, в основном дипломатического характера, в которых встречаются отдельные краткие сведения о системах кочевий, использовании различных сухопутных путей, особенностях хозяйствования и т. д. К архивным относятся материалы, отражающие взаимоотношения ногаев и калмыков с московским правительством и администрацией поволжских городов (прежде всего с астраханской) и находящиеся в настоящее время в фондах «Сношения России с ногайскими татарами» (Ф. 127) и «Сношения России с Калмыцким ханством» (Ф. 119) Российского государственного архива древних актов (РГАДА), а также отчасти, фрагментарно в некоторых других архивных коллекциях. Наиболее полная характеристика этих коллекций документов приведена в работах Н.Н. Рогожина и других исследователей³, и поэтому вряд ли имеет смысл подробно останавливаться на их повторном анализе. Отметим лишь, что в основном хранящиеся в этих фондах источники: книги, грамоты, отписки и др. — отражают делопроизводство, связанное с дипломатическими отношениями, деятельностью посольств и т. д. как со стороны кочевой знати, так и со стороны русского правительства. Таким образом, сам характер составления подобных документов предопределяет то, что сведения о хозяйствовании, кочевьях и т. п. встречаются в них лишь эпизодически, крайне фрагментарно и не позволяют воссоздать сколько-нибудь целостной картины. Вместе с тем следует отметить, что в наказах русским послам в Орду предписывалось сообщать максимум сведений о кочевьях и перемещениях степняков. Например, в наказе Д.И. Губину, отправленному к ногаям в 1534 г., говорилось: «...да про тамошныя ему дела отписать про все подлинно: где нагаи кочюют и где зимовали, и куды им чае итьти, и на сю сторону кто по синему леду на весне не перелезли...»⁴

Отметим, что начиная со второй половины XVIII в. книги, отписки и грамоты из этих фондов начали публиковать, причем нередко со значительными купюрами⁵. Наиболее ценными в этом от-

ношении являются публикации ногайских посольских книг в издававшемся Н.Н. Новиковым «Продолжении Древней Российской Вивлиофики». Историки используют это издание до настоящего времени. Однако публикации конца XVIII — начала XX в. представляют собой, как правило, выдержки из значительных по объему документов. Зачастую наиболее ценные для решения поставленных в данной работе вопросов текстовые фрагменты в них отсутствуют. Следует, кроме того, отметить, что в ряде изданий допущены искажения текста, отсутствует археографическое введение, нет строгих описаний и тем самым не удается воссоздать не только целостное представление о документе и его содержании, но нередко и о конкретных деталях, терминах, топонимах и т. д. Поэтому сверка с архивными прототипами таких изданий необходима.

В 1980-е гг. крупнейшим исследователем посольского делопроизводства Н.Н. Рогожиным было предпринято издание полных текстов такого рода книг, в числе которых и четыре «ногайские»⁶. Еще одну «ногайскую книгу» опубликовал В.В. Трепавлов⁷, и наконец в 2006 г. им же в соавторстве с Д.А. Мустафиной были изданы две книги, отражающие русско-ногайские отношения в 1551–1556 и 1557–1661 гг.⁸ Данные публикации осуществлены на современном научном уровне и могут быть использованы без дополнительного обращения к подлинникам (или копиям XVI–XVII вв.), находящимся в архивах.

Ряд материалов, в которых имеются свидетельства об образе жизни кочевников Заволжья, сохранился в отписках воевод русских городов, делах приказа Казанского Дворца и т. д., но таких документов, как правило, очень немного.

Для изучения данной темы могут быть использованы также записки иностранцев о Восточной Европе XIV–XVII вв. Часть из них побывала в Волго-Уральском регионе (Г. Рубрук, Э. Дженкинсон, А. Олеарий и др.); остальные описывали заволжских кочевников исходя из имеющейся на Западе литературы или со слов очевидцев (М. Меховский и др.). В основном эти описания носят фрагментарный характер, весьма лаконичны и нередко содержат ошибочные сведения.

При крайней скудости источниковой базы особую значимость для исследования проблемы летних кочевий имеют сведения, относящиеся к более позднему периоду, но позволяющие с известными оговорками выявить более раннее состояние хозяйства кочевников. К таковым прежде всего можно причислить описания участников академической экспедиции второй половины XVIII в. — П.С. Палла-

са, И.И. Лепехина, А. Гильденштедта, И.П. Фалька, С.Г. Гмелина, И.И. Готлиба и т. д., а также материалы «Топографических описаний» П.И. Рычкова, Т.Г. Масленицкого и других. К сожалению, эти авторы уже не застали в первоизданном виде те кочевые сообщества, которые рассматриваются в данном разделе, а именно ногаев.

Несмотря на то что литература, посвященная ногайскому сообществу, достаточно обширна⁹, по-настоящему обстоятельного, много-стороннего анализа кочевания ногаев в качестве основы хозяйственной деятельности степняков, как это сделано по отношению к некоторым их соседям, например казахам или калмыкам, не существует. Такая ситуация обусловлена крайней скудостью источников, а также тем, что рассматриваемые этносы очень рано уходят из Заволжья (ногаи) или в значительной степени меняют привычную систему хозяйствования и свой годовой цикл кочевания (калмыки).

Наиболее полное и скрупулезное рассмотрение истории Ногайской Орды произведено в обобщающей работе В.В. Трепавлова, имеющей энциклопедический характер. Однако исследователь, всесторонне изучив общество и государственность у степняков, только в самой общей форме затрагивает интересующие нас вопросы, отсылая читателя к сравнительно небольшой и, по его мнению, «превосходно и очень подробно»¹⁰ характеризующей систему кочевий ногаев статье Е.А. Поноженко и А.М. Асанова¹¹.

Следует отметить, что проблема географии и хронологии ногайских кочевий в разные сезоны годового цикла как системы, четко зафиксированной и отлаженной, рассматривалась историками либо очень упрощенно, либо вообще отрицалась. Некоторые исследователи вообще высказывали мнение о том, что ногайское скотоводство было нерациональным и способствовало уничтожению пастбищ, хотя большинство ученых придерживалось иных взглядов¹².

При всех вышеуказанных трудностях особую значимость для данной работы имеют исторические реконструкции кочевого цикла у сообществ, находившихся на соседних территориях (или даже заменивших ногаев в Поволжье, как это было с калмыками), но относившихся к более позднему времени – XVII–XIX вв. Такие реконструкции, созданные исследователями на основе хорошо сохранившейся источниковой базы, позволяют применить полученные результаты и к более раннему ногайскому сообществу.

По мнению специалистов, на протяжении XV–XVI вв. у ногаев сложились две основные системы (или годовых цикла) кочевания: арало-уральская и поволжская¹³. В данной работе рассматривается поволжский цикл, в случае необходимости дополняемый данными

арало-уральского. Тем более что, на наш взгляд, между двумя этими системами существовала определенная совместно используемая пограничная зона. Например, отдельные улусы располагались на зимние кочевья не только «по Сыр реке» или «за Енбою на Карабулу-не»¹⁴, но также по побережью Каспия в низовьях Яика и Эмбы, а весной поднимались вверх по обоим берегам Яика, соприкасаясь с улусами, шедшими на север из дельты и нижнего течения Волги.

Общеизвестно, что с наступлением тепла кочевья ногаев, а позднее калмыков в Заволжье начинали перемещаться на север, причем большая часть их не только доходила до южной границы лесостепной зоны (р. Самара), но и поднималась значительно выше вплоть до Камы и ее левобережных притоков. Остальные размещались южнее – по Иргизу и другим рекам степной зоны, на территориях, в меньшей степени благоприятных для летнего выпаса скота. Однако выявить конкретные маршруты движения кочевников, создать сколько-нибудь исторически реальную картину распределения пастбищ между отдельными улусами, размер пастбищных угодий, приходящихся на одну хозяйственную единицу кочевого общества, не представлялось возможным из-за фрагментарности источниковой базы. Сохранившиеся свидетельства, по мнению исследователей, слишком общи и малоинформативны.

По нашему мнению, эти трудности в определенной степени можно преодолеть, используя ряд приемов. Во-первых, необходимы более скрупулезная работа с материалами, содержащими сведения об исторической географии XVI–XVIII вв., и локализация приводимых в них топонимов на современной картографии Волго-Уральского региона. Во-вторых, динамику кочевий, направления и скорость кочевания отдельных орд можно выявить по датам отправки и встреч посольств, при сопоставлении времени их перемещения из мест кочевания до Касимова (Городка), Москвы, других ключевых пунктов, а также в обратном направлении. Вообще хронология отдельных событий в кочевых сообществах, особенно когда она весьма конкретна (число и месяц) и привязана к определенной, хорошо локализованной местности, дает чрезвычайно много для решения предложенной задачи. И наконец, необходима определенная «всеядность», то есть использование всей совокупности данных, содержащихся в документах и литературе по рассматриваемым территориям. Вполне очевидно, что последнее возможно при четко выраженной «региональности» изучения, когда исследовательская задача решается историками местных научных центров.

Для воссоздания хотя бы фрагментарной, но максимально полной при данном состоянии обеспеченности источниковой базой си-

стемы кочевий ногайского общества наиболее удобным является 1552 г. Комплекс самых различных перекрестных, взаимно дополняющих друг друга документальных материалов, идущих как от самих ногаев, так и от московских посольств в Орду, позволяет рассмотреть процесс перекочевок для этого года не как совокупность отдельных разрозненных данных, а в динамике, целостно. На это важное обстоятельство впервые обратили внимание Е.А. Поноженко и А.М. Асанов¹⁵. Кроме того, отдельные материалы, сохранившиеся за близкие данному кочевому циклу (1552 г.) годы, дают возможность представить систему кочевания еще более отчетливо. Важно отметить, что именно этими годами (конец 1540-х – 1553 гг.) завершился относительно спокойный период стабильного развития Ногайской Орды. Даже взятие русскими войсками Казани и присоединение территории Казанского ханства на первых порах не оказали сколько-нибудь непосредственного серьезного воздействия на внутрисполитическую систему Орды. Материалы за предшествующий период слишком фрагментарны и не позволяют создать относительно непротиворечивой картины, а сведения о кочевом сообществе, отражающие последующий (начиная с 1554 г.) период, показывают ногайское общество в состоянии кризиса, из которого оно, несмотря на отдельные периоды стабилизации и ремиссии, уже не смогло выбраться. Таким образом, важность избранного временного отрезка не вызывает сомнений. Отметим, что материалы, позволяющие судить о размещении кочевий в Заволжье и относящиеся к более позднему периоду, отражают совершенно иное ногайское общество и государство, существенно «обрезанное» в размерах, с катастрофически уменьшившейся численностью населения и скота. Соответственно, и система кочевий должна была трансформироваться, что и произошло в реальности. Можно предположить, что до начала Второй Смуты, по современной классификации, на всей территории Волго-Уральского междуречья существовало наиболее оптимальное соотношение между количеством кочевников, имеющимся у них скотом и пространством пастбищ от северного побережья Каспия до Камы, по которому они совершали свой годовой цикл. При этом в разное время года использовались практически все пастбища как по Волге, Уралу, северному побережью Каспия или Каме, так и находящиеся на волго-уральском водоразделе или в Рын-песках.

При рассмотрении географии, хронологии и всей системы перекочевок особую значимость приобретают точные даты появления в Москве людей, привозивших сведения из Ногайской Орды, и время, затраченное ими на то, чтобы добраться «из Ногаев» в столицу. Такие

сведения необходимы для определения хотя бы приблизительной хронологии совершения того или иного события в Орде, местонахождения улуса в данный момент, его перехода в новый район кочевий и т. д. Например, прибывший в Москву 13 октября (все даты, кроме особо указанных, даны по старому стилю) 1553 г. от бия Юсуфа и его мирз «вож» сообщал, что вместе с ногаями «...ехал он от Яика до Волги десеть день, а от Волги поспел до Городка в десять же день»¹⁶. Городком тогда называли Касимов. Таким образом, пересечь степь между Уралом и Волгой орда могла за 10 дней. Скорее всего, пространство между этими двумя реками было преодолено примерно на уровне современного г. Уральска на востоке и где-то между Саратовом и Сызранью на западе, т. к. добраться до Касимова из более удаленного пункта ниже по течению Волги за этот срок было практически невозможно из-за протяженности пути. В таком случае можно предположить, что скорость продвижения по заволжской степи – около 30 км в сутки, а на правобережье дневные перегоны составляли едва ли не 50 км. Характерно, что в свое время Гильом Рубрук проехал степи между Волгой и Яиком за 12 дней¹⁷. Еще одно свидетельство о времени в пути русских посланников относится к 1536 г., когда «казак Янбулат с товарищи» сообщали, что дорога от р. Урала до Волги, где переправлялись «ниже Казацких гор» (в районе современной Сызрани), заняла время сентября с 8-го по 17-е, а уже 7 октября они были в Москве¹⁸. В таком случае на весь путь от р. Урала до Москвы было затрачено около одного месяца, что, мы считаем, вполне правдоподобно и подтверждается еще несколькими подобными фактами. В 1552 г. осенью служилый татарин Т. Шийдяков дорогу от Переволоки (возможно, несколько ниже по Ахтубе) до Москвы преодолел также за один месяц.

Можно предположить, что месяц, затраченный на дорогу между Ордой (из низовьев Волги или от Яика) и Москвой, являлся при благоприятных условиях наиболее оптимальным сроком, если в пути не случались какие-либо длительные остановки или непредвиденные задержки.

Однако нередко переезд занимал от полутора до двух и более месяцев. Например, в том же 1552 г. году московские посланники «с Самара (видимо от устья реки Самары или от Самарского перевоза. – Э.Д.) шли до украины (до Елатьмова – города на Мещере, неподалеку от Касимова. – Э.Д.) месяц»¹⁹. Шесть недель затратили на дорогу приехавшие от Юсуфа в Москву в конце осени 1549 г. К. Кудинов и Е. Янсубин: но их маршрут был значительно длиннее и шел из-за Яика: «А как отпустил их Юсуф князь из-за

Яика с Карадувана тому 6 недель»²⁰. Шейдяк гонца своего Синалея отпустил с Яика «ниже Янсувека» 6 августа 1536 г., а в Москву тот приехал 24 сентября²¹. Разумеется, пространство между Ордой и Москвой преодолевали и за более длительный срок. Нередко караван передвигался значительно медленнее. Возможны были длительные остановки на переправах, в Касимове, других городах. Например, русский посол Д.И. Губин, выехав из Москвы 8 сентября 1534 г., достиг «Нагайских улусов» в низовьях Волги только 19 ноября²².

Это были сухопутные маршруты, ведущие из ногайских кочевий к Москве. Широкое распространение получили и речные пути, прежде всего по Волге. Видимо, они были более удобны и комфортны, но волжский путь из Астрахани вверх по Волге к Москве занимал не менее, а порой и более 2 месяцев²³.

В середине XVI в. западное крыло Ногайской Орды представляли улусы Кошумовичей (мирзы Белек Булат, Исмаил, Арслан и другие), Хасановичей (во главе с Хайдаром) и разместившиеся здесь в начале 1550-х гг. Шихимовичи (во главе с Ураз-Али, а затем его сыном Айсой)²⁴. Один из наиболее пространственных фрагментов, содержащий описание ногайских кочевий и включенный в состав сообщения «служилых татар», посланных к степнякам весной 1552 г., дает следующую информацию: «А Белек Булат мирза в те поры кочевал на Большом Узени за Волгою, а Исмаил кочевал за ним два днища на речке на Ачекаши Уну, а Арслан мирза пошел з Белек Булатом на Узени ж. А Юсуф князь с детьми кочевал на речке на Нарыни промеж Волги и Яика. А Касай мирза кочевал за Яиком. А отпустил их Белек Булат мирза (имеется в виду «служилых татар». — Э.Д.) с Усть Санграк, а с ним вместе послал ко царю и Великому князю посла своего Толуша... А как они пошли из Нагаи, тому пол 3 месяца. А кочевать Белек Булату се лето промеж Волги и Самара, на речке на Яике, от Казани днищ с шесть. А Исмаилю летовати блиско Яика на речках на Чеганех да на Тенгелех. А Арслану кочевати с Белек Булатом вместе на Кенили да на Кенилчике. А Юсуфу князю з детьми летовати на Иялгане, да на Тугалыке по обе стороны Яика. А Касаю летовати за Яиком. А Уразлы мирзиным детям Айса мирзе с братьею кочевати по Волге на Большом Иргизе. А Тягригула с таварищами Белек Булат мирза оставил у себя до осени...»²⁵ Создается впечатление, что при подготовке этого раздела текста его составители ошиблись, указывая летние кочевья Белек Булата и Исмаила, а также, возможно, весенние пастбища Юсуфа. Эту ошибку можно объяснить тем, что, описывая «летовья» ногаев, они соединили два различных, но созвучных и близких по написанию в средневековой

русской графике гидронима – Ик и Яик – под одним названием – «Яик». В первом случае его, видимо, следует отождествлять с притоком Камы рекой Ик; во втором случае – не совсем ясно с р. Ик или Яик; и наконец, с рекой Яик в 3-м и 4-м случаях. Характерно, что отчасти эту неточность заметили Е.А. Поноженко и А.М. Асанов, но исправить ее попытались весьма своеобразно. Цитируя текст по публикации в «Продолжении ДРВ», они его слегка «подправляют»: «...Летовати же Белек-булату сие лето промеж Волги и Самара, на речке на Кениле, от Казани дней шесть езды»²⁶. Мы сверяли этот текст в его опубликованном варианте в «Продолжении ДРВ» и в архивном, хранящемся в РГАДА. Исключая мелкие неточности, допущенные при публикации, они идентичны. Поэтому можно предположить, что ошибка или описка при определении летних кочевий Исмаила и Белик Булата была допущена людьми, готовившими это донесение в середине XVI в.

Содержание вышеуказанного фрагмента представляет особый интерес не только потому, что показывает места кочевий различных ногайских орд. Важно еще и то, что в нем показан процесс перекочевки отдельных улусов в динамике. Отчитывались перед московскими властями «служилые татары» 26 июня, а отпустили их «из Нагай, тому пол 3 месяца», т. е. два с половиной месяца назад, в начале второй декады апреля. Таким образом, именно, на первую половину – середину апреля (а по новому стилю на вторую половину апреля – начало мая) показано положение улусов, когда они уже находились в процессе перекочевки на летние пастбища. Эти же сведения подтверждаются сообщениями других московских послов «в нагаи», обнаруженными в иных источниках примерно того же времени. Например, приехавший в Муром из «ногаев» служилый татарин Семен Тутаев доносил в Москву о весенних кочевьях степняков весьма близкую информацию²⁷. Для степного Заволжья указанный период приходится на конец весны – начало лета и весьма благоприятен для выпаса скота. Разумеется, следует провести определенную коррекцию на вторую половину XVI в., которая исследователями нередко обозначается как время длительного похолодания²⁸.

Судя по совокупности имеющихся данных, создается впечатление, что «Узени» и «Нарынь» являлись особой территорией, своего рода зоной весенних кочевий на пути передвижения ногайских улусов к северу. Как промежуточный пункт при перекочевке с зимних пастбищ на летовья к Яику «Нарынь-пески» указываются астраханскими воеводами в 1608 г. для ногаев бия Иштерека «со всеми мурзы»²⁹. Характерно, что в «Книге Большому Чертежу» при подроб-

нейшем описании местности у истоков «Узений» и вокруг Камыш-Самарских озер дается очень любопытное противопоставление данной территории району, прилегающему к нижнему течению Волги. «А против Золотые Орды от Ахтубы 100 верст пески Нарымские: вдоль песков 300 верст...» и далее по тексту «... А река Узень потекла из кочевья Больших Нагаев»³⁰. При этом получается так, что знаково выделение этой территории — «кочевья Больших Нагаев» — является как бы «внутренним» для русского средневекового понимания всего пространства расселения ногаев (Больших Ногаев, так как описание составлялось после распада Ногайской Орды): «А от верху реки Бузувлук на полях, и до синева (Аральского. — Э.Д.) моря, кочевья все Больших Нагаев»³¹. Следует отметить, что локализация определенных степных территорий по признаку размещения там ногайских пастбищ встречается в «Книге Большому Чертежу» крайне редко.

Указанные в посольских книгах: «Большой Узени», «Узени», «Ачкаши Уну» — это верховья рек Большой и Малый Узени, северо-восточная окраина Рын-песков, местность, располагающаяся на водоразделе междуречья Волги и Урала, на уровне современного Волгограда. В этом районе находится много озер и заболоченных мест («Камыш-Самарских озер» или «разливов Большого Узеня»). Здесь весной быстрее сходил снег, а множество мелководных озер и низин, заполняемых полной водой, широко разливавшихся и хорошо прогреваемых теплым весенним солнцем, способствовали появлению более раннего, способного прокормить стада кочевников травяного покрова: «А меж тех озер растет трава и колодези многие»³². Особые условия данных территорий, благоприятные для кочевых сообществ, подчеркиваются многими наблюдателями³³. Например, в академическом издании, посвященном природе Волго-Уральского междуречья, особо подчеркивается высокая хозяйственная ценность района Камыш-Самарских озер для выпаса скота. При этом отмечается, что именно весной здесь становится много пресной воды, запасов которой достаточно только до начала лета³⁴.

В XVIII в. калмыки и находившиеся под их властью небольшие группы ногаев даже летовали здесь³⁵. П.И. Рычков в «Топографии Оренбургской губернии» писал о «Рын-песках»: «...кочуют тут Калмыки... Сие песчаное место окружено немалым солончаком, и так велико, что в то время, когда Волга разлив свой имеет, до десяти тысяч Калмыцких кибиток с их перекочевками вмещаются, и бывает у них тут наилучшее и славное кочеванье. Близ солончака в колодезях вода горькая, солоноватая, а внутри оных песков вода сладкая,

и так близко, что малые робята руками ее добывают»³⁶. Характерно, что П.С. Паллас и И.И. Лепехин, осматривавшие Рын-пески и прилегающие к ним Камыш-Самарские озера, также дали этой местности чрезвычайно высокую оценку как району, обладавшему наиболее благоприятными условиями для кочевания. «...Рын песков, в которых Калмыки наилучшее свое кочевье имеют», — отмечал И.И. Лепехин³⁷. П.С. Паллас специально указывает, сообщая об этой же местности, что: «По наступлении весны подаются они по малу к северу, и стараются в то время, когда Волга уберется в свои берега и оставляет в лощинах богатый корм, сыскать холмистыя и ключами изобильныя места в средней степи». И далее «...славны песчаные холмы рин пески называемые... да еще богатая ключами страна Калмыками сок-худок, то есть сто ключей проименованная. Калмыки ищут для кочевания таких ключами изобильных мест в коих растет осока, а наипаче тростник»³⁸. По наблюдениям академика, калмыки в Заволжье осуществляли практически тот же цикл весенних перекочевков, что и предшествовавшие им ногаи. Позднее, в начале XIX столетия, калмыков сменила в Рын-песках Букеевская орда.

Из этого района по гребню двух крупнейших речных систем Юго-Восточной Европы можно было, не форсируя уже разлившиеся или готовые к половодью реки, пройти далее к северу на летние кочевья. Тем более что, как видно из текста документов того времени, ногаи стремились держаться в отдалении от рек Заволжья во время их половодья³⁹. Таким образом, можно предположить, что район Камыш-Самарских озер являлся не просто важным пунктом в системе перехода от зимних кочевий к летним, но и был местом, где улусы некоторое время (достаточно длительное) останавливались на местных пастбищах, уходя от половодья на юге и дожидаясь становления травяного покрова и спада воды в более северных районах. Видимо, каждый улус в это время не разбивался на аулы, а располагался тесно по территории кочевий, да и расстояние между отдельными улусами было невелико — «два дня езды», как говорилось выше.

Исходным пунктом для улусов Исмаила, Белик Булата, Арслана и других представителей той группировки мирз, улусы которой обосновались в Заволжье, были зимние пастбища в районе Астрахани. Например, в донесениях И. Кельдишева, датированных началом мая 1551 г., говорилось, что «...Исмаил мирза зимовал у Астрахани... верст з десять. А Белек Булат мирза зимовал на Волге от Астрахани днища з два»⁴⁰. Практически эти же места указываются в сообщениях «служилых татар», которые были в Орде осенью 1552 г. и отправились в Москву где-то в середине сентября этого года. Белек Булат

мирза, летние кочевья которого располагались поблизости от лето-вищ Исмаила также по р. Ику, судя по сообщению Т. Шийдякова, прибывшего «из ногай в Москву» 19 октября 1552 г. и потратившего на дорогу никак не менее месяца, ко времени его отъезда в Москву кочевал «...по Ахтубе на острову на Соврасой Кобыле, а зимовати ему на сей стороне Волги на Мамаеве кочевиище»⁴¹. Сведения, относящиеся к концу сентября (29 число) 1553 г. и поступившие от самих ногаев, также подтверждают вышеуказанные места их зимних кочевий: «На усть Волги старейшего нашего Исмаилева изба...»⁴². Уникальная сводка исчерпывающих данных о зимних кочевьях ногаев, свидетельствующая о том, что они не менялись в течение длительного периода, содержится в сообщении приехавших от Юсуфа в Москву 26 ноября 1549 г. К. Кудинова и Е. Янсубина: «А как отпустил их Юсуф князь из-за Яика с Карадувана тому 6 недель, по ноябрь 26 число (то есть в середине октября. — Э.Д.). А царевич Дервишь с Юсуфом же кочует, а Юнус мирза, Юсуфов сын, кочует в верх по Яику повыше отца, ден пяти или шесть. А другой Юсуфов сын, Али мирза, кочует на речке на Алыклее от Кара Дувана днища з два. А Ших-Мамаевы дети, Касай мирза з братьею, кочуют на реке Сыре х Казацкой Орде, а к Волге их Юсуф князь кочевати не перепустил. А Исмаил мирза да Кошумовы дети — Белек Булат мирза з братьею — кочуют за Волгою против Астарахани. А Ченеш мирза з братье — Асановы дети — кочуют поверх Астарахани на своем зимовище на Манатове. А на сей стороне Волги нагайских мирз нет никово»⁴³. В этом описании интересно также то, что к середине октября (а по новому стилю к концу этого месяца) ногаи, по крайней мере западного крыла, уже устроились на своих зимних пастбищах.

Не будем подробно останавливаться на характеристике мест локализации зимних пастбищ ногайских орд, т. к. это не входит в задачи данной работы и требует более тщательного анализа источников, что, собственно, и было уже сделано другими исследователями. Вопрос стоит только об исходном пункте, откуда орды заволжских ногаев начинали движение в район Камыш-Самарских озер, то есть первоначально на север — северо-восток от своих зимовий, в направлении к возвышенности Общего Сырта на водоразделе Волги и р. Урала.

Вопрос о том, когда начиналось это движение на север, на примере ногайского сообщества решить практически невозможно из-за отсутствия данных. Не совсем ясно, какие «заливные луга, отстоящие на расстоянии 2–3 переходов от зимовий», имеют в виду Е.А. Поноженко

и А.М. Асанов, когда пишут, что они «ранней весной служили идеальным местом для выпаса ослабленного за зиму скота и молодняка»⁴⁴. Вряд ли это могли быть заливаемые полыми водами пойменные пространства Прикаспия и низовьев Волги. «Под Астараханью кормы конские и животинные на весне вода поимает»⁴⁵. Видимо, как раз перед половодьем, которое сейчас начинается в середине апреля⁴⁶, а в рассматриваемый нами период, скорее всего несколько запаздывало, улусы уходили к северу на место весенних пастбищ в район Камыш-Самарских озер. Выше уже указывалось, что в начале второй декады апреля (по новому стилю конец апреля) в 1552 г. практически все улусы волжских ногаев были уже на своих весенних пастбищах в районе Камыш-Самарских озер⁴⁷.

Маршруты кочевий и размещение летних пастбищ для отдельных улусов являлись традиционными и постоянными, по крайней мере на период спокойного стабильного развития Орды (в годы Смут происходил передел), были запланированы заранее и известны всем, в том числе и русским посланникам. Вполне можно согласиться с мнением В.В. Трепавлова, что: «В литературе давно утвердился верный тезис о четкой системе распределения кочевий на совещаниях знати»⁴⁸.

Судя по данным за 1552 г., цепочка летних кочевий ногайских улусов, занявших все Заволжье, располагалась следующим образом:

– улус Белек Булата кочевал «промеж Волги и Самара, на речке на *Яике* (курсив мой. – Э.Д.), от Казани днищ с шесть». Выше уже было высказано предположение, что под «Яиком» подразумевался приток Камы р. Ик, расстояние от среднего и нижнего течения которого до Казани напрямую составляло от 250 до 300 км. Интересно, что здесь в качестве оси координат, помимо Волги, отмечена именно «Самар», а не другая более крупная река. Но, на наш взгляд, в указании на «летовище» Белек Булата была допущена не просто неточность в передаче названия реки (Яик – Ик). Дело в том, что далее по тексту идет информация о том, что «А Араслану кочевати с Белек Булатом вместе на Кенили да на Кенилчике»⁴⁹. К тому же годом ранее, в 1551 г., И. Кельдишев, вернувшийся от Белек Булата сообщал, что тот намерен «...летовати... на Самаре меж Волги и Яика»⁵⁰. Позднее, в 1555 г., когда Орду уже начал охватывать кризис, кочевья «Белек Булата Мирзы» продолжали оставаться по рекам Самаре, Большому и Малому Кинелям⁵¹. Видимо, три последних указания и являются наиболее предпочтительными при определении летовищ этих улусов;

— южнее — «на Кенили да на Кенилчике», т. е. по Большому и Малому Кинелям место для кочевий было предоставлено улусу Арслана;

— и наконец, по Большому Иргизу пастбища отводились «Уразлы Мирзиным детям Айса Мирзе с братьею».

Не совсем ясно, как обстояло дело с ногаями, подвластными непосредственно Исмаилу. Сообщение в вышеобозначенном документе, что «Исмаилу летовать блиско Яика на речках на Чеганех да на Тенгелех», не совсем понятно. Вряд ли в нем речь идет именно о Яике и его правобережном притоке Чагане. Скорее всего, в это сообщение также вкралась ошибка или неточность. Может быть, под Яиком следует подразумевать р. Ик. В пользу последнего утверждения свидетельствует вся совокупность других известий о летних кочевьях Исмаила. Например, отпущенный в конце лета 1552 г. из орды Исмаила московский посланник К. Кудинов сообщал, что, когда он «пришел в нагаи», Исмаил мирза кочевал «...на Ике реке от Камы днищ с пять. А назавтрее его приезду Исмаил пошел к Самару на зимовищи под Астарахань. А шел до Самара 7 день, да на Самаре дневал»⁵². Таким образом, выясняется, что река «Яик» — это левобережный приток Камы — Ик, а летние кочевья Исмаила — территория, которую позднее в XVII — первой половине XVIII вв. после ухода ногаев освоили башкиры и стали считать исконно своей. «От Камы днищ с пять» — это, несомненно, верховья р. Ик. Кстати, слева в Ик в его верхнем течении впадает маленькая речка или ручей с названием, производным от термина «чеган» (с. Чеганлы Абдулинского района Оренбургской области). Еще один «служилый татарин» С. Тутаев, выехавший «из ногаев» весной 1552 г., также сообщал, что летом Исмаил будет кочевать «на Каме под лесом»⁵³.

Видимо, для улуса Исмаила эта местность была отведена на весь срок его нурадинства, то есть с середины 1540-х гг. и до середины 1550-х⁵⁴. Так, приехавший в Москву 8 октября 1548 г. от Исмаила служилый татарин Бахтеяр Баймаков «...сказывал царю и великому князю, что он был у Исмаил мирзы на Каме 60 верст от Тазани. А Исмаил тут летовал, и отпустил его с Камы...»⁵⁵. В 1553 г. русский посол к ногаям И. Загрязский сообщал, что: «...Исмаил покочевал х Каме»⁵⁶.

Вся совокупность вышеприведенных данных свидетельствуют о том, что под кочевья улуса нурадина были отведены обширные пастбища, тянувшиеся от р. Ик на запад вдоль Камы и включающие в себя одну из провинций Казанского ханства — «Ногайскую даругу». В.В. Трепавлов объясняет этот казус как феномен двойного, казанского и ногайского сюзеренитета⁵⁷.

Характерно, что Белек Булат, Исмаил и Арслан как шли вместе к летним кочевьям через «Уздени», так и близко друг от друга устроились на них летом 1552 г. Следует отметить, что в сообщении С. Тутаева летние пастбища Исмаила, Белек Булата и Арслана практически не разделяются: «А Исмаилу летовати блиско Камы под лесом. А Белек Булат и Араслану летовати с Ысмаилем вместе»⁵⁸.

Таким образом, выстраивается весьма показательная цепочка кочевий отдельных ногайских улусов, вытянувшихся с севера на юг в меридиональном направлении:

- улус Исмаила,
- улус Белек Булата,
- улус Арслана,
- улус «Уразлы Мирзины дети Айса Мирза с братьею».

Еще один важный момент состоит в том, что главной координатой для летнего размещения кочевий указывались либо сравнительно небольшие речки, либо истоки и верховья более значительных рек. Практически все они находились на водоразделе между Волгой и Уралом, т. е. на наиболее удобном пути на север, по которому могли пройти сами кочевники и их стада, не опасаясь разливов рек. Видимо, весенняя дорога на север пролегла именно здесь: через верховья Большого и Малого Узеней и далее строго по меридиану, по верхушке водораздела. Например, один из посланников Москвы нашел Исмаила «на Чеганех между Волги и Яйка месяца апреля тритцать (видимо, описка — двадцать. — Э.Д.) четвертый день» 1551 г., т. е. на пути от «Узденей» вверх к летним пастбищам⁵⁹. В связи с этим, думается, следует скорректировать как слишком общее положение В.В. Трепавлова, писавшего о ногаях: «Поволжская система кочевий включала зимовья в волжских низовьях, переходы по левому берегу Волги и летовья на Самаре и Каме», а также о том, что на север происходило: «...перемещение народа вдоль Волги»⁶⁰. Не «вдоль Волги», а по волго-уральскому водоразделу и значительно ближе к р. Уралу, чем к Волге.

К летним пастбищам заволжских ногаев с востока примыкали западные кочевья Юсуфа, должного «с детьми летовать на Иялгане, да на Тугалыке по обе стороны Яйка». «Тугалык», по всей видимости, это р. Таналык, западный приток р. Урала, впадающий в него несколько выше современного Орска. В исторической литературе общепринятым является то, что кочевья Юсуфа и его сыновей находились к востоку от р. Урала. Однако система перекочевков была более сложной, чем это представляется исследователям. Видимо, от мест зимних пастбищ у Сарайчика эти улусы могли идти по обоим

берегам р. Урала. Например, в 1551 г. в письме русского посла к Юсуфу П. Тургенева сообщалось: «Да приехал есми, государь, к Юсуфу князю в его улус апреля 23 день на Деркул горах меж Волги и Яика»⁶¹. «Деркул горы» — это Деркульский увал, возвышенность с пологими склонами, располагающаяся южнее долины р. Деркула, впадающей в р. Урал с запада у современного г. Уральска. Эта река берет свое начало как раз в районе прохождения в междуречье Волги и Урала большинства улусов Ногайской Орды с весенних пастбищ на летние. Совершенно замечателен тот факт, что посольство П. Тургенева в конце апреля 1551 г. обнаружило улусы Юсуфа и Исмаила буквально по соседству — первые на «Деркул горах», а вторые «на Чеганех». Кстати, если служилые татары в своем донесении о кочевьях ногаев не ошибаются, то весенние кочевья улуса Юсуфа в 1552 г. находились «на Нарыни промеж Волгой и Яика», то есть в «Нарынских песках» или практически в одном районе с пастбищами заволжских улусов⁶². Однако еще один служилый татарин С. Тутаев, приехавший из Орды примерно в то же время, сообщил, что «Юсуф кочевал за Яиком на Уеке»⁶³. Неясно, кто приводит более точные сведения, возможно, подвластные князю улусы перемещались на летние кочевья по обоим берегам Яика.

На наш взгляд, выход для заволжских улусов к р. Чагану и несколько выше в район Общего Сырта являлся чрезвычайно важным событием на пути от весенних к летним пастбищам. Данная территория была своеобразной ключевой, стратегической зоной для дальнейшего продвижения уже отдельными улусами в низовья Ика, Самары, Большого Кинеля и т. д. Отсюда брало свое начало большинство «средних» рек региона, притоков Волги, Камы и Урала. Поэтому вполне естественным выглядело негодование бия Уруса, когда во второй половине 1580-х гг. яицкие казаки построили свой укрепленный Кош-Яицкий городок на устье р. Илека. Фактически под их контролем оказался весь район выхода ногаев на летние кочевья. Потому-то осенью 1586 г. Урус бросил все имевшиеся в его распоряжении военные силы для того, чтобы уничтожить эту крепость⁶⁴.

Приход кочевников на летние пастбища обуславливался прежде всего временем схода снега и становлением травяного покрова. В соответствии с современным состоянием климата снежный покров на востоке Самарской области и на сопредельных с ней территориях сходит в первой половине апреля, до середины месяца. Одновременно в верховьях и среднем течении притоков Волги, Урала и (видимо, несколько позднее) Камы завершается половодье. Появление первой травы, на которой можно пасти скот, относится к началу мая⁶⁵. Сле-

дует учесть, что рассматриваемый нами период (XVI–XVII вв.) отличался более низкой среднегодовой температурой. Уже отмечалось, что историки климата нередко называют время с XIII–XIV по середину XIX вв. «малым ледниковым периодом»⁶⁶. Поэтому указанные процессы могли запаздывать по сравнению с современным периодом на одну-две недели.

От начала XVII в. сохранилось несколько сообщений о том, когда кочевники должны были появиться в заволжских лесостепи и степи: «...а как... снега большие поубудут и лед... на реках не прошел и покаместа коньской корм под копытом не будет, и то... государь, время твоему, государеву послу и шахову послу хорошо будет идти. А как... только... на реках лед вскроетца и снега последние сойдут и конской корм будет, тогда... колмыки и нагаи лошади откормят и без людей в степи не будет... [и] дорогою будет не проехать»⁶⁷. Московский посол к казахам в 1595 г. в описании своего пути через верховья Яика косвенно подтверждает вышеприведенное положение: «А ногайцев о ту пору (начало мая. – Э.Д.) не начаетца блиско кочевать, потому что в реках вода велика, и корм конской не подоспел на поле и слуху про ногаи нет»⁶⁸. Разумеется, время, когда сходили «снеги последние» и появлялся «конский корм под копытом», менялось едва ли не ежегодно с весьма значительной амплитудой. В пользу «разброса», причем нередко в две-три недели, свидетельствуют и современные данные о состоянии климатических условий в Заволжье. В предшествующей нашей статье⁶⁹ уже приводились факты появления у Самарской крепости во второй декаде мая 1587 г. улусов «Кчюк мурзы» и его сына «Сами мурзы», сына Уруса «Янарслан мурзы»⁷⁰. Видимо, с приходом ногаев на летние пастбища к р. Самаре связана и отправка 12 мая местным воеводой Засекиным ногайских посольств с купцами и с табуном лошадей почти в 2000 голов к Москве⁷¹. Может быть, действительно в этом году была необычно ранняя и дружная весна, но, скорее всего, у Самарского городка появились не сами улусы со всеми стадами, а передовые ногайские отряды, гнавшие лошадей в Россию. В том же 1587 г., где-то в конце апреля – начале мая (до 4 мая, времени отправления послания в Самару), русские воеводы Астрахани только «велели Урусову сыну князю Янарслан мирзе по Волге вверх к Сомаре кочевати». Можно считать, что ногаи в начале апреля этого года находились сравнительно недалеко от Астрахани и от своих зимних пастбищ. Самарский воевода Г.О. Засекин посылал к «мирзам в улусы от послов татар трех человек апреля в 1 день», которые застали ногаев в их «улусах», то есть, видимо, у Астрахани или Переволоки.

Можно предположить, что в тех случаях, когда в документах встречаются сообщения о том или ином мирзе, который «пришел» или прислал своих людей к Самаре, Саратову (речь идет о времени, когда на Волге были поставлены русские города), Казани и т. д., это совсем не означает, что к русской крепости прикочевало все подвластное ему население, со всеми стадами и т. д.

Мнение Е.А. Поноженко и А.М. Асанова, считавших, что после того как кочевники компактной сплоченной массой приходили к местам своих летних кочевий, их улусы как бы «разворачивались», делились на аулы, распространялись на обширные территории⁷², можно вполне принять, но с известной оговоркой. Действительно, основное население улуса шло с юга на север компактно со всеми стадами и имуществом и только после прихода на летние пастбища начинало делиться на отдельные аулы. Но еще раньше из района весенних кочевий у Камыш-Самарских озер и верховьев «Узены» из улусов могли выделяться мобильные отряды молодых воинов, которые либо шли на военную службу России, либо в случае враждебных отношений совершали набеги на русские окраины. Одновременно доверенные люди отдельных мирз, а нередко и они сами также с большими отрядами уходили к русским городам в Среднем Поволжье, где занимались торгами, встречались с послами. Многотысячные табуны лошадей и овец гнали к Волге и Каме на переправы, чтобы отправить в Россию. И их должны были сопровождать не только пастухи, но и крупные военные отряды. Летом нередко огромные стада скота, а также женщины, дети и старики, остававшиеся при них с немногочисленной охраной, оказывались в самом опасном положении. Большинство нападений волжских и яицких казаков на кочевья степняков совершалось именно летом.

Выявить более детально систему распределения кочевий, количество скота и людей, которых могли прокормить заволжские летние пастбища, не представляется возможным из-за полного отсутствия необходимых документальных материалов для данного периода.

Сведения о распределении отдельных улусов по территориям летних пастбищ в Заволжье интересны еще в одном отношении. Из всех улусов только «Уразлы Мирзины дети Айса Мирза с братьею» на летние кочевья размещались по Большому Иргизу, в степной зоне, пограничной с южной лесостепью. И это вполне объяснимо, потому что Шихимовичи перебравшись в Заволжье только в начале 1550-х гг. Все остальные занимали пространство от р. Самары и вплоть до Камы, причем последние кочевья получали наиболее знатные лица в Ногайской Орде. В середине 1530-х гг. у Камы распола-

гались летние пастбища бия Саид-Ахмеда⁷³, в конце 1540-х – начале 1550-х гг. там кочевал нурадин, а затем бий Исмаил. Видимо, эти пастбища считались элитными. В предшествующей статье уже приводились доказательства того, что только начиная с р. Самары для ногаев начинался отсчет их лучших летних кочевий. По мнению специалистов, в Самарском Заволжье наиболее благоприятными для выпаса скота являлась поймы многоводных рек (Волги, Самары и др.), прилегающие к ним участки степей, а также район в междуречье Самары и Большого Кинеля, где начинался переход от степи к лесостепи. На этих территориях располагались так называемые «элитные» пастбища, так как «густота травостоя здесь намного выше, чем в южных степях, а речные долины с небольшими долинными лесами являлись прекрасными убежищами для скота от летнего зноя и зимних холодов»⁷⁴.

Для кочевых орд, приходивших с юга и юго-востока, именно Самара виделась идеально подходящей для летних кочевий рекой, в сравнении с маловодными, пересыхающими к концу лета левобережными притоками Волги – Ерусланом, Большим и Малым Иргизами и другими. Из всех восточных притоков Волги вплоть до Камы Самара с Большим Кинелем обладали самой большой поймой, давали максимум водных ресурсов. Обилие воды, пойменные пастбища, сохранявшие корм для скота на всем протяжении летнего сезона, да и вся местность без резких возвышений, почти безлесная, переходящая в привычную степь⁷⁵ способствовала тому, что для кочевников эти места были родными. Разумеется, ногаи, а затем и калмыки вряд ли ограничивались пастбищами на берегах Самары и Большого Кинеля. Пойменные луга левобережья Волги между современными Саратовом и Самарой, несомненно, были заняты многочисленными кочевьями. Видимо, богатые пастбища, возникавшие в местах впадения крупных рек левобережья – Большого Иргиза, Самары, Сока и других, считались наиболее привлекательными для выпаса скота. По словам того же Исмаила, он в течение годового цикла девять месяцев «жил» на Волге и только три на Яике⁷⁶. Волга, Урал и Самара (а не Кама или какая-нибудь другая река, прорезающая летние кочевья ногаев в широтном направлении) были знаковыми для этого народа, что совершенно отчетливо фиксируется в сентенции ногайской верхушки, прозвучавшей на рубеже 1570-х – 1580-х гг., о том, что русский царь приказал казакам отнять у кочевников именно эти три реки⁷⁷.

Характерно, что и калмыки, сменившие ногаев, также первоначально избрали для своих кочевий пастбища по р. Самаре и близле-

жащим рекам (Моче)⁷⁸ и добивались подтверждения этих прав у представителей русской администрации⁷⁹. По мнению исследователей, северная граница их кочевий проходила по р. Самаре и Б. Кинелю⁸⁰.

В этом плане очень интересно выявить отношение самих ногаев и их современников не к действительно великим рекам Восточной Европы — Волге, Уралу, Каме, Белой, а к сравнительно небольшой Самаре, которая являлась границей между волго-уральскими степями и лежащей выше к северу лесостепью.

В документах того времени именно река Самара с ее притоками называлась «ногайской», так как, по всей видимости, являлась базовой для ногайских летовищ⁸¹. В 1570 г. ногайские мирзы в своих жалобах на казаков говорили русским послам: «только государь велит де казакам у нас Волгу и Самару и Яик отнять и нам де на сем от казаков пропасти: улусы наши и жон и детей поемлют»⁸². Характерно, что и в переговорах между ногаями и русскими летом — осенью 1586 г. о судьбе Самарской крепости (а также Уфимской крепости и Кош-Яицкого казачьего городка) речь шла в основном о том, что была отнята у кочевников именно река Самара, а не, например, Сок, Кондурча или Белая. Да и позднее, когда в 1589 и 1590 гг. были основаны Царицын и Саратов, кочевники восприняли появление этих крепостей без особых эмоций. Мы не будем приводить здесь другие данные в пользу этого мнения, их достаточно много; но то, что река Самара (и окружающая ее местность) воспринималась ногайской знатью как важнейшая, базовая для их кочевий, не подлежит сомнению⁸³. Думается, что так было на протяжении всей истории существования Ногайской Орды. Характерно, что сооружение, допустим, Тетюш или Лаишева на Волге и Каме также не вызвало такого взрыва эмоций у кочевников, как строительство Самарской крепости.

В «Ногайских делах» из всех притоков Волги именно Самара упоминается чаще других. В 1554 г. Исмаил указывает на «Самарское устье» как на наиболее удобное место своей встречи с российскими послами⁸⁴. В 1555 г. он же перед уходом осенью на юг отпускает с Самары служилых татар к Москве⁸⁵. Да и в «эпоху» своей переписки с Иваном IV по поводу строительства на Волге городов Исмаил в качестве наиболее северного места называет именно устье р. Самары, выше которого, видимо, он поднимался крайне редко⁸⁶. Но следует отметить, что и в эти годы, и позднее в «ногайских делах» встречаются сведения о том, что летние кочевья продвигались и севернее, вплоть до Камы⁸⁷.

Специалисты считают, что пойменные луга, а «настоящие» поймы начинались именно с р. Самары, давали гораздо более значительные объемы фитомассы по сравнению со степью. Кроме того, обширные поляны, луговые степи в лесостепной зоне, с точки зрения биологов, также вплоть до осени обладали большей кормовой ценностью. Находясь рядом с лесными массивами, скот кочевников потреблял в пищу подлесок. В эпоху средневековья происходило постоянное наступление кочевых сообществ на лесостепь и использование более мощного биоценоза для откорма огромных стад скота. Характерен в этом отношении следующий вывод ученых, который распространяется и для рассматриваемого нами периода и региона: «летописные свидетельства подтверждают представления, полученные от анализа археологических данных. Так, в современной лесостепи... соотношение участков лесов и луговых степей не является следствием разных почвогрунтовых условий, а представляет собой результат разного соотношения оседлого населения и кочевников в прошедшие эпохи. Видна четкая зависимость продвижения кочевников и степной растительности на север. летописи хранят названия “Половецкие кочевья” для местностей в окрестностях городов Белополье и Харьков, по реке Проня. Северная граница татарских летних кочевий XIV в. проходила по линии: верховья Северского Донца, Тихой Сосны, низовья Медведицы. Сотни тысяч овец и коз уничтожали лесную растительность, леса заменялись лугами, луговая растительность ксерофитизировалась, типчак продвигался все дальше на север в область широколиственных лесов»⁸⁸. В этом отношении интересно, что русские переселенцы XVII в. в Симбирский уезд на правобережье Волги находили там так называемые «Ногайские степи», которые, видимо, появились вследствие активной эксплуатации кочевниками лесостепных пространств.

Трудно выявить, какими обстоятельствами – слишком большой численностью населения кочевых сообществ или сложившейся к этому времени геополитической ситуацией – было вызвано столь глубокое продвижение кочевых сообществ в лесостепь. Но несомненно то, что в последующий период, особенно после «третьего кризиса» Ногайской Орды по классификации В.В. Трепавлова, кочевники (не только ногаи, но и калмыки) начинают постепенно вытесняться из лесостепной зоны⁸⁹.

Время и маршруты ухода с летних пастбищ определить весьма сложно. Переход к зимовьям, по всей видимости, происходил в два этапа с длительной остановкой на «осенних» пастбищах, располагавшихся вдоль Волги, между основным руслом и Ахтубой, от Перево-

локи (современный Волгоград) до Астрахани. Сохранился ряд свидетельств в пользу того, что эти «осенние пастбища» играли чрезвычайно важную роль в годовом хозяйственном цикле кочевого хозяйства. 26 сентября 1536 г. от русского посла в Ногайскую Орду Д. Губина казаки привезли грамоту, в которой говорилось, что: «А Келмагмед, государь, и Урак, и Уразлы мырза сказывали с летовища, сказывают вниз по Волге. И стоят, государь, сказывают, нынеча на Аккаши против Переволоки»⁹⁰. Судя по времени приезда казаков в Москву, ногайские мирзы должны были оказаться «против Переволоки» уже в конце августа – начале сентября (по новому стилю к середине сентября). Выше уже приводился текст сообщения «служилого татарина» К. Кудинова, свидетельствовавшего о том, что Исмаил: «...на Самаре дневал. А... ево с Самара отпустил...»⁹¹. Скорее всего, Кудинов был отпущен к Москве в день ухода ногаев дальше на юг к Ахтубе. В Москву он прибыл 10 сентября (по другим данным, 27 сентября), а по его же словам, «...а с Самара шли до украины месяц»⁹². Предположим, что с «украины» Кудинов добирался до Москвы в лучшем случае 10 дней. Тогда «с Самары» Исмаил отправился вниз по Волге на «зимовище» примерно в начале – середине августа (по новому стилю середине – конце августа), но никак не позднее. Наконец, Белек Булат мирза по сведениям, полученным в Москве 19 октября 1552 г. от Т. Шийдякова, затратившего на дорогу «из ногай» месяц, кочевал «...по Ахтубе на острове на Соврасой Кобыле, а зимовати ему на сей стороне Волги на Мамаеве кочевеище»⁹³. Таким образом, улус Белек Булата, проделав огромный путь на юг, уже в середине – начале второй половины сентября (по новому стилю в конце сентября) должен был оказаться в районе Переволоки и ниже. Улус Исмаила в первой половине августа был «у Самары», а, по свидетельству того же Т. Шийдякова, должен был «кочевати по сей же стороне Волги блиско моря на Комомузьярских кочевеищах, от Астарахани днища за два»⁹⁴. Не совсем ясно, застал ли Шийдяков ногаев уже на зимних пастбищах, или, «забыв» об осенних кочевьях, он сразу сообщил о том, где будут зимние. Видимо, ногаи Исмаила к этому времени уже были ниже Переволоки, на своих осенних выпасах. Так в следующем 1553 г. пришедшие от ногаев через Касимов в Москву 29 ноября гонцы сообщали: «Как он пришел к Исмаилю, а Исмаиль кочевал на Волге на речке на Ахтубе...»⁹⁵. Следовательно, на этот раз были задействованы и осенние пастбища.

Таким образом, судя по имеющимся данным, ногаи довольно рано, уже в августе (по новому стилю двумя неделями позднее – во второй половине августа – начале сентября), уходили на юг со

своих летних пастбищ. Разумеется, случались чрезвычайные ситуации, когда эти сроки нарушались. Например, в 1535 г. «...князь (Саид-Ахмед. — Э.Д.) со всем кочевьем с летовища воротился июля 15». Причиной этому были неурядицы в Орде, когда «...кое... было кочевье кочевать княжой орде и княжому улусу, то... Ших-Мамай да Исмаил все вытравил»⁹⁶.

Бывали случаи, когда ногаи использовали осенние пастбища «по Ахтубе» и как свои зимовья. Например, в 1535 г. Д. Губин сообщал, что «...иные мирзы хотят уставивши; свои улусы на зимовищах на Волге у Переволоки»⁹⁷. Однако думается, что такие случаи следует относить к категории чрезвычайных. Ногаи сами отмечали, что кочевья у Переволоки (Царицына) — «...место не зимовное и не угроже, преж де того они кочевали в Мочеках около Астрахани»⁹⁸, «...Иштерек князь говорил... нужу великую принимает и улусные ево люди, и летнее де кочевье стало им зимнее, и прежде де они искони бе в тех местех зимним кочевьем не кочевывали, а нынча де они блюдутца, токо укинуть снеги великие, и они де опадут животиною»⁹⁹. Вся совокупность сохранившихся материалов позволяет считать, что у ногаев, по крайней мере до начала XVII в., существовало четкое разделение между осенними и зимними пастбищами.

Можно с уверенностью говорить, что ногаи делали длительную остановку на осенних пастбищах, игравших в их хозяйстве весьма серьезную роль. «Хозяйственное значение было чрезвычайно велико, ибо от осеннего нагула скота в большой степени зависела его способность к перенесению зимовки. До тех пор пока лед не сковывал Волгу и Ахтубу, ногайцы максимально скармливали растительный покров близ Волги и верхнего течения Ахтубы»¹⁰⁰.

В такой реконструкции годового кочевого цикла остается неясным еще один момент, а именно: из какого исходного пункта и как ногайские улусы в конце сезона летних пастбищ возвращались назад на юг, в район осенних кочевий. По имеющимся данным, ногайские улусы или, по крайней мере, их значительная часть постепенно переходила в результате летних перекочевок с верховьев в нижнее течение рек Большого и Малого Кинелей, Самары, Ика, Большого Иргиза и т. д. Затем они шли далее на юг вдоль берега Волги, используя пойменные луга, которыми так богато волжское левобережье между устьями Самары, Большого Иргиза и ниже. Низкий уровень воды даже в самых крупных волжских притоках в конце лета — начале осени позволял стадам, в которых уже подрос молодняк, спокойно преодолевать речные преграды, лишь незначительно удаляясь от Волги. Например, через самый многоводный из таких притоков

р. Самару в конце лета можно было вполне перейти пешему или переехать конному в районе построенного в начале XVIII в. «...от города Самары в дватцети шти верстах...» пригорода Алексеевска. В описании этого пригорода 1728 г. приводится следующая характеристика его местоположения: «... бывает к нему Алексеевску всякое лето набеги от воровских воинских людей каракалпаков и киргисказаков и другие. Да построен тот город на перелазех их... воинских людей вместо охранения от воинских людей»¹⁰¹. Многочисленные материалы о бытовании в междуречье Волги и Яика ногаев и калмыков на протяжении XVI–XVIII вв. свидетельствуют, что каких-либо серьезных проблем с преодолением текущих в широтном направлении и пересекающих маршруты ежегодных кочевий степных и лесостепных рек у степняков не возникало.

Так складывался годовой циклический круговорот жизнедеятельности и хозяйствования ногаев. Он был постоянен на протяжении десятилетий, но и в этом круговороте нередко бывали весьма любопытные исключения. Например, известны случаи, когда часть кочевников оставалась на зиму в лесостепи и весьма умело приспосабливалась к суровым зимним условиям. А.А. Новосельский приводит в своей монографии ситуацию, сложившуюся в 1630-х гг. на правобережье Волги в верховьях Хопра, Медведицы и Битюга. Эта территория была богата бортными ухояями, бобровыми гонами, рыбными и зверовыми ловлями. Поэтому русское и мордовское население пограничных уездов нередко зимой занималось здесь отхожими промыслами и даже устраивало «зимницы». В свою очередь, и татары охотились в этих местах не только за дичью, но и за русскими и мордовскими промышленниками. Для этого они оставались здесь на зиму, укрываясь от холода в землянках и заготовив осенью для своих лошадей корм. Таким образом, в русском приграничье сложился своеобразный промысловый район, где промысел вели и русские, и мордва, и кочевники, причем нередко друг за другом¹⁰². Подобные же ситуации складывались в лесостепной зоне, на правобережье Волги и в Заволжье, где богатейшие промысловые уголья также эксплуатировались «наездом» коренным населением Среднего Поволжья, русскими промысловиками и кочевниками. Например, по сведениям местных воевод, в 1683 г. крупный калмыцкий отряд зазимовал у озера Чертаклы (в районе, защищенном Закамской чертой, напротив Симбирска)¹⁰³. Можно сделать вывод, что фронтир, а именно лесостепные территории всего Юго-Востока Европейской России, являлся зоной постоянных и не всегда военных контактов не только в весенне-осенний период, но даже эпизодически и зи-

мой, когда, казалось бы, кочевники должны были отойти на зимние пастбища, далеко на юг.

Для рассмотрения организации системы кочевания особую значимость имеет выяснение скорости перекочевков. Этот вопрос нередко затрагивается в исторической литературе, посвященной ногаям и калмыкам. Разумеется, следует говорить как минимум о трех «скоростях» перекочевков: о скорости перехода Орды на летние или, наоборот, на зимние пастбища, т. е. во время межсезонья и о скорости собственно летних кочевий. Е.А. Поноженко и А.М. Асанов предложили следующую схему изменения скоростей кочевания на протяжении всего весенне-осеннего цикла передвижения. Максимальной, по их мнению, скорость движения кочевников со всеми стадами была во время переходов от зимних к летним пастбищам — 25–30 верст в день. Затем во время выкорма скота на летних пастбищах скорость резко снижалась и в основном обуславливалась условиями сохранения пастбища, его восстановления и т. д. Возвращаясь назад к югу, на осенние кочевья в район верхнего течения Ахтубы и Волги, ногаи проходили все расстояние от летних пастбищ до «осенних» со средней скоростью около 20 км в день¹⁰⁴. К близкому результату при рассмотрении несколько иной совокупности данных приходит и В.В. Трепавлов. По его мнению, скорость перекочевки с одного вида сезонных пастбищ на другой колебалась от 20 до 30 км в день, а в среднем на большие расстояния составляла примерно 22 км¹⁰⁵.

Есть и дополнительные свидетельства в пользу данного вывода. Выше уже отмечалось, что пересечь степь между Уралом и Волгой русским посланникам, шедшим вместе с улусами Юсуфа, удалось за 10 дней. При этом суточные переходы в среднем составляли по 30 км в день. Еще одним красноречивым свидетельством о скорости перекочевки ногаев является отчет отпущенного в конце лета 1552 г. из улуса Исмаила московского посланника К. Кудинова. Кудинов доносил, что, когда он «...пришел в нагаи к Исмаил мирзе, а Исмаил мирза в те поры кочевал на Ике реке от Камы днищ с пять. А назавтрее его приезду Исмаил пошел к Самару на зимовищи под Астарахань, а шел до Самара 3 (семь) день, да на Самаре дневал. А в девятой день его с Самара отпустил ко царю и великому князю...»¹⁰⁶. Исходная точка, скорее всего, находилась в низовьях р. Ика. Пять дней — это, вероятно, вся протяженность этой небольшой реки. Конечный пункт «Самар», скорее всего, означал именно устье этой реки. Позднее, уже в 1554 г., Исмаил в письме к Ивану IV предлагал: «А кого к нам пошлешь, и ты посылай к нам Волгою. И те бы люди твои на Самарском устье с нами свестилися. Чтобы

однолично полем не ходили»¹⁰⁷. Устье р. Самары, скорее всего, подразумевалось и в сообщении служилых татар, отпущенных «из за Самара» от Исмаила осенью 1554 г.¹⁰⁸. В таком случае то расстояние, которое прошел улус за 7 дней, составило приблизительно около 260–270 км, а величина одного дневного перехода достигала 36–38 км. Разумеется, после столь длительного и напряженного пути ногаям необходимо было отдохнуть, что они и сделали «...да на Самаре дневал...». Если же брать верховья р. Самары, то протяженность пути вырастает как минимум на дневной переход в 30–40 км.

Все эти подсчеты имеют достаточно приблизительный характер. Но все же при данном состоянии источниковой базы они позволяют составить более ясное представление о системе сезонных кочевий в ногайском обществе.

Сложившаяся (правильнее – существовавшая до начала 1550-х гг.) к началу 50-х гг. XVI в. система кочевий рухнула в годы Второй Смуты. В условиях начавшейся «замятни» в Ногайской Орде произошло перераспределение летних пастбищ между отдельными улусами. Но это было только началом. Междуусобная война, голод, эпидемии, уход части улусов в Предволжье и перемещение в междуречье улусов из-за р. Урала, наконец, катастрофическое уменьшение численности населения и стад создали совершенно иную ситуацию в регионе.

С конца 1550-х – начала 1560-х гг. обстановка теперь уже у Больших Ногаев постепенно начала стабилизироваться. Соответственно восстанавливается и прежняя «поволжская» система кочевания. Однако сколько-нибудь систематических сведений о ней, подобных тем, которые удастся выявить для середины XVI в., не сохранилось. Можно лишь достаточно уверенно заявить, что во второй половине столетия и, прежде всего, с середины 1580-х гг. пространство весенних и летних кочевий ногаев значительно сужается. Это было обусловлено складыванием яицкого казачества, строительством ими Кош-Илецкого городка, возведением по Волге и Белой крепостей Самары, Уфы, Царицына, Саратова, а позднее и других. В начале XVII в. к этим негативным факторам прибавилось вторжение в Волго-Уральское междуречье калмыков, за несколько десятилетий практически полностью разрушивших систему ногайских кочевий и вытеснивших последних на запад, за Волгу.

Примечания

¹ Данная работа продолжает проблематику предшествующей статьи, опубликованной коллективом исследователей в одном из самарских сборников. См.: Некоторые особенности хозяйственного использования степных пастбищ Самарского Заволжья скотоводческими племенами / Дубман Э.Л. [и др.] // Краеведческие записки. Вып. XI. Самара, 2003.

² Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950. С. 140–143.

³ Рогожин Н.М. Посольские книги начала XVII в. как исторический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983; Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начало XVIII в.) / сост. и авт. вступ. ст. Н.М.Рогожин. М., 1990; Его же. Посольские книги России конца XV – начала XVII в. М., 1994; Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001; др. работы.

⁴ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1533–1538 гг. // Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала, 1995. С. 116.

⁵ Щербатов М.М. История Российская. СПб., 1903. Т. 4. Ч. 3; Т. 5. Ч. 4; Т. 6. Ч. 2; Т. 7. Ч. 3; Продолжение Древней Российской Вивлиофики (Далее – Продолжение ДРВ). СПб., 1791–1801. Ч. 7–11; Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1842–1884. Т. 6–12. Примечания; Сборник РИО. Т. 41, 95.

⁶ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. М., 1984; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала, 1995.

⁷ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. М., 2003.

⁸ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). Публикация текста / сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. Казань, 2006.

⁹ См., например: Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877; Сафаргалиев М.Г. Ногайская Орда во второй половине XVI века // Сборник научных работ Мордов. гос. пед. ин-та. Саранск, 1949; Кочераев Б.-А.Б. Ногайско-русские отношения в XV–XVII вв. Алма-Ата, 1988; др. работы.

¹⁰ Трепавлов В.В. Указ. соч. М., 2001. С. 511.

¹¹ Поноженко Е.А., Асанов А.М. Регламентация пастбищного землепользования у средневековых ногайцев // Половецкая луна. Черкесск, 1993. № 1–2/5–6. С. 116–125.

¹² Краткое изложение дискуссии по этому вопросу смотри у В.В. Трепавлова: См.: Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 508.

¹³ Там же. С. 510.

¹⁴ Цит по: Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 510.

¹⁵ Поноженко Е.А., Асанов А.М. Указ. ст. С. 122–123.

¹⁶ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. Л. 189 об.–190.

¹⁷ Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны // Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 122.

¹⁸ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1533–1538 гг. // Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала, 1995. С. 163.

¹⁹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. Л. 139 об.

²⁰ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1548–1549 гг. С. 318.

²¹ Продолжение ДРВ. СПб., 1791. Ч. VII. С. 291, 307–308.

²² Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1533–1538 гг. С. 124.

²³ Родин Ф.Н. Бурлачество в России. Историко-социологический очерк. Москва, 1975. С. 21–23. По мнению П.П. Бушуева, посольства на дорогу от Москвы до Астрахани, т. е. используя попутное течение, тратили в конце XVI – начале XVII в. два месяца. См.: Бушуев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам). М., 1976. С. 350.

²⁴ Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 237–239.

²⁵ РГАДА. Ф.127. Оп. 1. Д. 4. Л. 130 об. – 131 об.

²⁶ См.: Поноженко Е.А., Асанов А.М. Указ. ст. С. 119.

²⁷ РГАДА. Ф. 127, Оп. 1. Д. 4. Л. 134; Продолжение ДРВ. Ч. IX. СПб., 1793. С. 29, 32.

²⁸ Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М., 1995. С. 7, 175, 218.

²⁹ Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.). М., 1914. С. 160, 164.

³⁰ Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950. С. 144.

³¹ Там же. С. 140–144.

³² Там же. С. 144.

³³ См., например: Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. Репринтное издание. Ульяновск, 1998. С. 530; Рамазанов С.К. Природно-географические условия региона – основной фактор в истории расселения человечества (на примере Западно-Казахстанской области) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана: сб. науч. ст. Вып. 1. Уральск, 2002. С. 16.

³⁴ Буяновский М.С., Доскач А.Г., Фридланд В.М. Природа и сельское хозяйство Волго-Уральского междуречья. М., 1966. С. 164–167.

³⁵ Трепавлов В.В. Указ соч. С. 513.

³⁶ Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. СПб., 1762. Ч. 1. С. 253.

³⁷ Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства 1768 и 1769 году. СПб., 1795. Ч. 1. С. 492. См. также: С. 493.

³⁸ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч. 1. С. 491–492.

³⁹ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI – XVII вв. Л., 1933. С. 293.

⁴⁰ РГАДА. Ф.127. Оп. 1. Д. 4. Л. 2; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). С. 41.

⁴¹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. Л. 149 об.

⁴² Там же. Л. 187об.

⁴³ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1548–1549 гг. // Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала, 1995. С. 318.

⁴⁴ Поноженко Е.А., Асанов А.М. Указ. ст. С. 122.

⁴⁵ Цит. по: Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 512.

⁴⁶ Природа и история Астраханского края. Астрахань, 1996. С. 17, 39.

⁴⁷ РГАДА. Ф.127. Оп. 1. Д. 4. Л. 130 об. – 131 об.

⁴⁸ Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 510.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. Л. 131 об.

⁵⁰ Там же. Л. 2 об.

⁵¹ Продолжение ДРВ. Ч. IX. СПб., 1793. С. 29.

⁵² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. Л. 137 об.

⁵³ Там же. Л. 134.

⁵⁴ Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 215.

⁵⁵ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1548–1549 гг. С. 238.

⁵⁶ РГАДА. Ф.127. Оп. 1. Д. 5. Л. 294 об.

⁵⁷ Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 214–215.

⁵⁸ РГАДА. Ф.127. Оп. 1. Д. 4. Л. 135–135 об.

⁵⁹ Там же. Л. 37.

⁶⁰ Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 511.

⁶¹ РГАДА. Ф.127. Оп. 1. Д. 4. Л. 29 об.

⁶² Там же. Л. 130 об. – 131 об.

⁶³ Там же. Л. 134.

⁶⁴ Пекарский П.П. Когда и для чего основаны города Уфа и Самара? // Самарский краевед. Самара, 1994. С. 268–270.

⁶⁵ Природа Куйбышевской области. Куйбышев, 1990. С. 12–16, 106.

⁶⁶ Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988. С. 62.

⁶⁷ Цит по: Бушуев П.П. История посольств и дипломатических сношений Русского и Иранского государств в 1613–1621 гг. (по русским архивам). М., 1987. С. 22.

⁶⁸ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Л., 1933. С. 293.

⁶⁹ Некоторые особенности хозяйственного использования степных пастбищ Самарского Заволжья скотоводческими племенами / Дубман Э.Л. [и др.]. С. 63–64, 69.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1587. Д. 1. Л. 13–17; Самарское Поволжье с древности до конца XIX в.: сб. док. и мат-лов. Самара, 2000. С. 60–61.

⁷¹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1587. Д. 1. Л. 13–17.

⁷² Поноженко Е.А., Асанов А.М. Указ. ст. С. 119.

⁷³ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1533–1538 гг. С. 151.

⁷⁴ Салимов И.Х. Среднее Поволжье. М., 1994. С. 128.

⁷⁵ Природа Куйбышевской области. Куйбышев, 1990. С. 102–108.

⁷⁶ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках... С. 282.

⁷⁷ Там же. С. 305.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1643. Д. 1. Л. 488.

⁷⁹ Там же. Ф. 127. Оп. 1. 1587. Д. 1. Л. 505.

⁸⁰ Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967. С. 144.

⁸¹ Середонин С.М. Известия англичан о России XVI века // ЧОИДР. 1884. Кн. 4. Разд. III. М.; 1885. С. 38–39; Книга Большому Чертежу. С. 140, 143.

⁸² Цит. по: Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1986. С. 138.

⁸³ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М. 1877. С. 283.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. Л. 248.

⁸⁵ Там же. Л. 255.

⁸⁶ Там же. Л. 303 – 303 об.

⁸⁷ Там же. Д. 4. Л. 47 об., 137 об., 294 об.

⁸⁸ Смирнова О.В., Киселева Л.Л. Изменение видового состава и распространения Восточноевропейских широколиственных лесов в голоцене по споро-пыльцевым и археологическим данным // Восточноевропейские широколиственные леса. М., 1994.

⁸⁹ Некоторые особенности хозяйственного использования степных пастбищ... С. 67–68.

⁹⁰ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1533–1538 гг. С. 153.

⁹¹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. Л. 137.

⁹² Там же. Л. 139 об.

⁹³ Там же. Л. 149.

⁹⁴ Там же. Ф.127. Оп. 1. Д. 4. Л. 149 об.; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). С. 109.

⁹⁵ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. Л. 193.

⁹⁶ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1533–1538 гг. С. 151.

⁹⁷ Там же. С. 124–125.

⁹⁸ Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) / собр. и ред. А.М. Гневушев. М., 1914. С. 172.

⁹⁹ Там же. С. 180.

¹⁰⁰ Поноженко Е.А., Асанов А.М. Указ. ст. С. 124.

¹⁰¹ Самарское Поволжье с древности до конца XIX в.: сб. док. и мат-лов. Самара, 2000. С. 158.

¹⁰² Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 237.

¹⁰³ Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882. С. 291.

¹⁰⁴ Поноженко Е.А., Асанов А.М. Указ. ст. С. 123–124.

¹⁰⁵ Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 476.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. Л. 137 об. – 138. Мне не совсем понятна трактовка этого отрывка Е.А. Поноженко и А.М. Асановым, а также В.В. Трепавловым. Речь в нем идет о размещении данного конкретного района кочевий, находящемся «от Камы днищ с пять», а отнюдь не о том, что ногаи шли к нему от Камы, или о том, что это время движения улуса со всеми стадами. См.: Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 469; Поноженко Е.А., Асанов А.М. Указ. ст. С. 124.

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. Л. 248.

¹⁰⁸ Там же. Л. 137 об.

ВОЛЖСКИЕ «ПЕРЕВОЗЫ»

Вопрос о развитии системы переправ, бродов или, как их называли в русском средневековье, «перевозов», существовавших на реках Юго-Востока Европейской России в конце XV – первой половине XVIII в., рассматривается на примере использования их ногаями, а также московскими посланниками в Ногайскую Орду. Лишь в отдельных случаях в качестве иллюстраций и аналогов берутся материалы по другим кочевым народам региона в более раннее или позднее время – половцам, монголам, калмыкам, казахам и т. д.

Вполне очевидно, что тему функционирования системы волжских «перевозов» необходимо увязывать с более проблемными широкими вопросами, а именно: особенностями кочевания степняков на всем пространстве «Дикого поля» и, прежде всего, его юго-восточной части, а также системой развития сухопутных путей – дорог, сложившихся между ареалом кочевых народов и Российским государством. Первый из этих вопросов достаточно полно и подробно рассмотрен в исторической литературе¹. Второй заслуживает дополнительного исследования. Однако это особая, весьма сложная тема, которая выходит за пределы сугубо конкретной задачи, поставленной в данном очерке. Отметим лишь, что ее отдельные аспекты уже изучались исследователями².

Улусы кочевников конца XV – начала XVII в., сначала объединенные в единую Ногайскую Орду, а затем с середины XVI в. распавшиеся на три самостоятельных государственных образования, занимали обширные пространства степей Восточной Европы и Западного Казахстана. Система кочевий, основу для которой составляло перемещение в основном в меридиональном направлении, вынуждала ногаев преодолевать на своем пути полноводные притоки Волги и Урала – Большой Ирғиз, Самару, Большой Кинель, Сок и другие. Во время весенних переходов к расположенным на севере летним кочевьям степняки предпочитали идти со всеми стадами по водоразделам, минуя наполненные вешними водами поймы этих рек и избегая трудных и занимавших много времени переправ. На обратном пути, завершая летний сезон, улусы спускались вниз, прижимаясь к богатым кормом для скота пойменным лугам Волги и Урала, и теперь уже вынуждены были преодолевать притоки этих рек в их нижнем течении. К тому же в конце лета – начале осени переправа

через их акваторию не вызывала серьезных затруднений, так как вода сильно спадала, обнажая мели и перекааты. Например, через самый многоводный из таких притоков – р. Самару в августе вполне можно было перейти пешком или переехать конному в районе построенного в начале XVIII в. «...от города Самары в двадцети шти верстах...» пригорода Алексеевска. В описании этого пригорода в 1728 г. приводится следующая характеристика его местоположения: «... бывает к нему Алексеевску всякое лето набегии от воровских воинских людей каракалпаков и киргис-казаков и другие. Да построен тот город на перелазех их... воинских людей вместо охранения от воинских людей»³.

Многочисленные материалы, свидетельствующие о бытовании в междуречье Волги и Урала ногаев и калмыков на протяжении всего изучаемого нами периода, свидетельствуют о том, что каких-либо серьезных проблем с преодолением текущих в широтном направлении и пересекающих маршруты ежегодных кочевий степных и лесостепных рек у степняков не возникало.

Можно сказать, что полноводные «великие» реки Восточной Европы – Волга и Урал – не только разделяли пространство расселения ногаев в меридиональном направлении, но и в значительной степени замыкали, обособливали территорию годового кочевого цикла отдельных групп улусов. В большей степени это положение относится к Волге. Но и сравнительно узкий Урал также в представлениях степняков и в реальности делил их кочевья на арало-уральские и поволжские⁴. Однако, в отличие от волжских, улусы, кочевавшие вдоль Урала, нередко занимали пастбища по обеим его сторонам и на протяжении летнего сезона могли по несколько раз перебираться со всем скотом через реку с правого берега на левый и наоборот. В посольских книгах постоянно встречаются сведения о таких переходах. Например, московский посол «в Ногаи» Д. Губин, сообщая о кочевьях ногаев в середине 1530-х гг., пишет о постоянных переходах улусов через Урал: «А улусы, государь, княжие и Ших-Мамаевы, и иных мурз, многие перевезлися на ту сторону Яика, а кочуют государь, оба пол Яика», «...Кошум, государь, пошел со всем с своим кочем за Яик», «А Мамай, государь, и Юсуф мырза, сказывают, вверху полезли за Яик» и так далее. Далеко не всегда такие переправы через эту реку четко локализовались, но все же в документах зачастую упоминаются перевозы «на Исувекке против Кошуна», «пониже Астая» и другие⁵. Разумеется, переправа через Урал также была затруднительна. Ибн Фадлан в начале X в. пишет о ней как о настоящей катастрофе: «...это самая большая река, которую мы видели, и она с самым быстрым течением. И действительно, я видел, как

перевернулся дорожный мешок при переправе, и люди потонули. И вообще, при переправе через нее мы потеряли много людей, верблюдов и лошадей. Мы переправились через Джайх с большим трудом (Урал. — Э.Д.)»⁶. Но все же в местах существовавших бродов и в верхнем течении Урала переход через него, думается, не представлял особых затруднений.

Переправы через Каму в нижнем и среднем течении реки вследствие полноводности последней были весьма сложны. Акватория Камы являлась самой дальней северной границей кочевий, и переходили ее либо посольства и торговые экспедиции, либо воинские отряды. Перевозы для всего улуса, большой массы скота и людей здесь были не нужны. В документах того времени имеется сравнительно немного упоминаний о таких переправах «у Лаишева перевозу», «на Чаллыеве перевозе»⁷. На одной из них специально для предотвращения набегов во второй половине XVI в. был выстроен пригород Казани Лаишев.

Для ногайского сообщества особую значимость имела, несомненно, Волга, через которую осуществлялись постоянные сношения между западной и центральной частями Орды, поддерживалась связь с Крымским ханством и стоявшей за ним Турцией, происходило взаимодействие с Российским государством. Эта река являлась серьезным естественным барьером, который необходимо было постоянно преодолевать, а нередко и поддерживать его «непроницаемость» для сохранения целостности Орды. Разумеется, кочевники всегда могли перейти через Волгу зимой по льду в ее низовьях, в районе дельты и несколько выше, где располагались их зимние пастбища. Для ногаев это был наиболее удобный и, видимо, традиционный способ переправы. Недаром в «памяти» вышеуказанному Д. Губину (1534 г.) особо оговаривалось: «...про тамошние ему дела отписати про все подлинно: где нагаи кочуют и где зимовали, и куды им чаёт итйти, и на сю сторону (правобережье Волги. — Э.Д.) кто по синему льду на весне не перелезли»⁸. Нередко таким же образом переправлялись и посольства, и не только на Нижней Волге. Например, в донесении посла нурадина Исмаила Беляка Киткова (1551 г.) сообщалось, что он переехал Волгу «...по синему льду против Кыргызского устья (Иргизского? — Э.Д.)»⁹.

Но зачастую возникала срочная потребность преодоления этой реки, когда лед уже сходил. Наибольшая военная, дипломатическая и торговая активность кочевого сообщества наблюдалась в весенне-осенний период, когда улусы уходили на север. Поэтому необходимо было отыскивать удобные переправы в других местах, гораздо выше по течению. В этом отношении все среднее и нижнее течение

Волги от устья Камы до Каспийского моря условно можно разделить на три участка.

Северный — тянулся от впадения Камы и до южной оконечности Самарской Луки. Условно в него можно включить и переправу у Казани, которая должна была функционировать постоянно. Например, в 1555 г. от бия Исмаила на Волге у Казани переправился караван послов и купцов, насчитывающий до 1500 человек, около 20 000 лошадей и почти 2500 овец. Далее к Москве он пошел по так называемой Большой Посольской дороге¹⁰.

Однако ниже впадения Камы этот участок для переправы использовался крайне редко. В документах конца XV — XVII вв. только однажды встречается упоминание о такой переправе, а именно в районе устья р. Большого Черемшана. О ней свидетельствует одно из самых первых известий о посольских сношениях с ногаями (1489 г.), когда в конце августа — начале сентября «Волгу возились под Черемшаны» послы из Ногайской Орды «Иваков слуга, зовут его Чюмгуром, да Мусин мурзин слуга, Адиком зовут, да Емгурчеев мурзин слуга, Тувачем зовут; а всех их, государь, дватцать да два... А провожал их, сказывают, Алказый да Бегиш, да сын его Утеш, да Чет, да и Кайсым сеит». Интересно не только указание на место переправы, в устье Большого Черемшана, но и дальнейший маршрут на запад послов и сопровождавших их людей: «А провожали их, государь, сказывают, ехали на князя на Ромодана да на Кирданову мордву, да на Саконы»¹¹. В наши задачи не входит локализация отдельных пунктов на правобережной части этого маршрута и определение лиц, упоминаемых в тексте, к тому же эта работа в свое время была проделана П.Н. Черменским¹². Видимо, скудость сведений о таких «перелазах» на данном участке была связана с тем, что у Камы располагались самые крайние северные кочевья ногаев, да и то к Волге они выходили гораздо южнее в нижнем течении рек Сока и Самары, напротив Самарской Луки. Но переправа на другой берег в этом районе осложнялась трудностями дальнейшего пути по правобережью (лесной массив в центральной части полуострова было очень сложно пройти). Поэтому кочевникам для перехода приходилось от устьев этих рек спускаться вниз вдоль берега Волги к южной оконечности Самарской излучины.

По мнению исследователей, значительно активнее система переправ на «северном» участке работала во время существования Волжской Болгарии и Золотой Орды, а возможно, и в более ранний период. Рассматривая «путь из Булгара в Киев», отдельные авторы пишут о ряде постоянно действовавших переправ, как, например,

в районе современных сел Крестово-Городище — Криуши (между Ульяновском и устьем Большого Черемшана) и других¹³. Однако после того, как болгарское население было окончательно вытеснено в Предкамье, а города разорены и заброшены (конец XIV — начало XV в.), эти переправы перестали использоваться как постоянные.

Второй участок от южной оконечности Самарской Луки и до Переволоки (современный Волгоград) в сезон летних кочевий использовался чрезвычайно активно как отдельными посольствами и сравнительно небольшими отрядами, так и целыми улусами. Можно предположить, что в этот период годового кочевого цикла именно он являлся важнейшим для кочевников. В посольских книгах и других документах сохранились многочисленные сведения о существовавшей здесь системе бродов и перевозов, различных казусах, происходивших во время переправ. Характерно, что и в более ранний период, во время образования, существования, а затем и распада Золотой Орды, именно сюда: «...ординские цари и ногайские мурзы с татары приходили в Российские места войною сакмами... из-за Волги, на Царицынской и на Самарской перевозы... которою сакмою и Батый в войну на Русь шел»¹⁴. По мнению современного исследователя исторической географии Золотой Орды В.Л. Егорова, эти два пути были традиционными для ордынцев и использовались наиболее часто¹⁵.

И наконец, участок от Переволоки до Каспия в большей степени эксплуатировался в зимний период, хотя и там существовала налаженная система переправ через Волгу, особенно в районе ее низовьев.

Среди «перевозов», существовавших на Волге, следует выделить те, которые характеризовались хорошими подходами к реке с обеих ее сторон и последующим выходом на уже проторенные известные дороги, а также сравнительно удобной переправой через волжскую акваторию для относительно небольшой группы людей и лошадей с помощью судов или вплавь. Так могли переходить через Волгу небольшие посольства или военные отряды, гонцы и т. д.

Значительно меньше было переправ, удобных для перевоза большого количества людей, лошадей и скота, целых орд, крупных посольств, огромных — в несколько тысяч или десятков тысяч голов — табунов лошадей, овец и т. д. Переправы этой группы отличало уникальное сочетание удобных подходов к берегу, мелей и перекаотов, островов, где можно было отдохнуть, и сравнительно узких мест, которые необходимо было преодолеть вплавь. Кроме того, они должны были выводить на правобережье Волги к оптимальным для больших масс людей, лошадей и скота путям на запад по безлесной местности, с минимумом переходов через реки и овражные системы. Таких переправ всего было несколько на всем пространстве от юж-

ной оконечности Самарской Луки до Переволоки и Астрахани, и они, по всей видимости, функционировали постоянно. Названия их часто встречаются в документах — «Овечий брод», «Сосновские тихие воды», «Самарский перевоз», «Царицынский перевоз» и т. д.

Переправа большого количества людей, лошадей и скота требовала длительного времени и специальной подготовки: «Тиналеи перевоза, три дни деи возился»¹⁶. В 1535 г. Д. Губин, сообщая о попытке перевоза через Волгу нескольких улусов, писал: «А Келмагмет, государь, и Урак и иные мелкие мурзы, которые по Волге кочуют, сказывают: делают суды, а хотят за Волгу перевестись ратью против летовища...»¹⁷

Со времен Золотой Орды такие места определенным образом обустроивались и контролировались властями лежащих рядом городков, военными отрядами. Например, так описывал переправу у Увека (Укека), существовавшую в середине XIII в., посол французского короля к монголам монах-минорит Гильом де Рубрук: «...Татары устроили вперемежку из Русских и Сарацинов, перевозящих послов, как направляющихся ко двору Бату, так и возвращающихся оттуда...»¹⁸ Организованная переправа под Астраханью имела и во времена существования Астраханского ханства. От 1553 г. имеется свидетельство, что «...Юсуфу возитися Волга под Астараханью. А возити его Астараханцам в судах». Причем это было действительно чрезвычайно серьезное предприятие, так как «...Юсуф князь людей смечал... и сметил всех людей своих сто тысяч да дватцать»¹⁹. Столетием позднее князь Каспулат Черкасский, калмыцкий тайша Аюка и «...калмыцкие ратные люди под Царицыном городом через Волгу реку в судах 29-го июля августа по 18 число (в 1674 г. перевозились. — Э.Д.)». Несмотря на то что в документе говорилось «...перевозятца беспрестанно», всего было перевезено около 700 человек²⁰.

После вхождения Нижнего Поволжья в состав России под Астраханью местным воеводам вменялся в обязанность не только контроль за переправой (то есть выполнение задачи пропуска — запрета), но и организация самой перевозки людей, лошадей, скота и имущества. Для этого имелись специальные суда, перевозчики и охрана; а сам перевоз, видимо, был как-то обустроен. Например, в грамоте от Ивана Грозного к ногайскому князю Тинехмату от 1576 г. содержится прямое указание о существовании таким образом организованных перевозов: «А которые нагайские люди, перелесчи за Волгу, а скажютьца на Волге нашим перевозчиком и казаком волжским»²¹. В октябре 1580 г. на жалобы мирзы «Урмагмета» в ответе из Москвы отмечалось: «...по государеве крепкой заповеди государевы люди и казаки и на перевозе ж перевозят и убытков и ни каких не дела-

ют...»²² В местах других «переволок» через Волгу эти задачи в данный период выполняли вольные казаки. Так, «под Сосновый остров на Волгу на перевоз», видимо, по царскому указу для переправы «по прежнему обычаю» были поставлены вольные казаки. Сведения эти относятся к 1581 г., но несомненно, что так было и ранее²³. Вышеприведенные данные 1674 г. о перевозе калмыков под Царицыном также свидетельствуют о наличии организованной переправы «в судах».

Видимо, какая-то система организованной переправы была налажена и у калмыков в первые десятилетия XVIII в. В это время места их зимовок переместились на Куму, Терек, к Азовскому морю и нижнему Дону, а летние располагались в Заволжье. Поэтому калмыцким улусам дважды в год, в начале весны и осенью, приходилось переправляться через Волгу. Весной они старались перебраться через реку по льду, а если не успевали, то переправлялись, когда лед сходил до начала паводка. Осенью в октябре–ноябре переходили в низовьях на правую сторону с помощью лодок, плотов, фашин, надутых воздухом кожаных бурдюков и т. д. для людей и имущества. Лошадей и скот, как правило, переправляли с помощью традиционных для монголов и других кочевников способов. В исторических сочинениях сохранилось довольно много известий о методах такой переправы²⁴. Например, в описании Дона Хуана Персидского (Оруджбека Баята), плившего по Волге осенью 1599 г. в составе персидского посольства в Москву, содержатся следующие сведения о переправе ногаев: «...при ежегодной переправе через реку в августе, когда вода стоит особенно низко, они употребляют для скота такой способ: связывают животных хвостами и пускают их по 30 и 50; животные толкая друг друга, преодолевают течение воды и переправляются. Для мелкого скота протягивают под водой полотнища толстой просмоленной ткани, наподобие корабельных досок, очень плотно сотканые, и, натянув их шестью, переводят баранов и овец; но так как расстояние очень велико — ибо и в более узком месте река имеет в ширину одно лье, — то половина стада обыкновенно погибает»²⁵. Думается, что гибель «половины стада», как об этом пишет Хуан Персидский, случай все-таки исключительный. Однако у нас нет данных для того, чтобы как-то оспорить данную точку зрения для изучаемого периода.

Для кочевников переправы, прежде всего через Дон или Яик, были делом вполне обычным и хорошо налаженным. Например, венецианец Иосафат Барбаро с удивлением сообщал о подобной переправе через Дон: «Они (татары. — Э.Д.) переправлялись без всякого шума, с такой уверенностью, будто шли по земле»²⁶.

Обратимся теперь к рассмотрению системы переправ, существовавшей на втором из выделенных нами участков Волги, охватывающем часть ее среднего и нижнего течения между устьем р. Самары и Переволокой (волго-донской). Судя по упоминаниям в источниках, сравнительно удобных мест для того, чтобы перебраться на другой берег на этом участке, было не так уж и мало. В «ногайских делах» имеется ряд свидетельств о расположении таких «перевозов».

Наибольшее количество переправ через Волгу указал русский посланник в Орде Елизар Мальцев. Он сообщал в 1558 г. о том, что ногаи перевозились «повыше Переволоки на Коскокесе под Стрельчими горами» и «на усть Услана» (Еруслана? — Э.Д.)²⁷. Немногим позднее, в 1559 г., тот же Мальцев приводит сведения еще о двух перевозах, через которые переходили Волгу целые улусы «усть Керешки на Змеине Камени» (речь идет, скорее всего, об устье р. Терешки) и «на Таллыке»²⁸. В 1560 г. Урус мирза сообщает Ивану IV об урочище на Волге, которое называлось «Колкечюв перевоз»²⁹. В августе 1581 г. произошло знаменитое ограбление ногайского посольства и купцов, пришедших «под Сосновый остров на Волгу на перевоз»³⁰. Этот перечень можно было продолжить и далее.

Большинство из вышеуказанных топонимов можно достаточно точно определить. «Казацкая гора» или «Казачьи горы» — название этой местности у разных авторов читается по-разному; хорошо локализуется, по сведениям, приводимым секретарем голштинского посольства Адамом Олеарием, проплывавшим мимо этих мест в середине 1630-х гг., эта возвышенность начинается по правому берегу Волги несколько южнее впадения в нее р. Сызранки (современный г. Сызрань); тянется, по его же данным, на 50 верст и заканчивается в районе р. Панышиной. Несколько южнее с левой стороны в Волгу впадает р. Чагра, ранее называвшаяся Елань-Иргиз³¹. Видимо, здесь то между реками Панышиной и Чагрой и существовал в то время перевоз «...ниже Казацких гор».

Далее, примерно в 40 верстах вниз по течению известна переправа «Овечий брод», у «Тихой горы», или, как еще писали в то время, «под Сосновый остров на Волгу на перевоз». Она располагалась в районе широко известного Соснового острова, рядом с современным городом Хвалынском. По словам Адама Олеария, здесь находилась одна из крупнейших волжских мелей, где почти через всю реку можно было перейти или переехать на лошади вброд: «Близ нее (Тихой горы. — Э.Д.) повсюду вода мелкая, и находится здесь одна из главнейших мелей, которую они зовут Овечьим бродом. В этом месте, как говорят, казаки верхами и пешие переходят через Волгу»³².

Переправа на «Усть Керешки (устье р. Терешки. — Э.Д.) на Змеине Камени» также вполне очевидна. В устье р. Терешки, впадающей в Волгу с правой стороны, заканчиваются так называемые «Змеевы» или Змеиные горы, тянущиеся вдоль правобережья от современного г. Вольска примерно на 35 км. Видимо, именно этот «перевоз» следует связывать с золотоордынским городом Увеком (Укеком), располагавшимся несколько южнее на окраине современного Саратова.

Еще одно место для перехода через Волгу «на Таллыке выше Ахматовых гор» можно локализовать примерно в 50 км к югу от Саратова, там, где Ахматовская гора заканчивается у одноименного острова на Волге³³. Местонахождение топонима «Таллык» выявить не удастся.

Указанное «устье Услана», скорее всего, не что иное, как устье р. Еруслана, впадающего в Волгу слева, примерно в 150 верстах ниже г. Саратова. На противоположном берегу Волги находится «Уракова гора», неоднократно упоминаемая в источниках того времени, в том числе и как «Ураков бугор», «Ураков караул».

Лежащие ниже по Волге «Стрельчие» (Стрельные) горы (или гора) тянутся на протяжении 15 верст и заканчиваются где-то в 60 км не доходя Волгограда. В «Книге Большому Чертежу» они достаточно хорошо локализируются по р. Балыклейке: «А ниже Балыклеи реки на Волге Стрельные горы»³⁴. Определить, где именно в окрестностях этих гор находится указанный в посольских книгах «Коскоксев», не представляется возможным.

Также ничего нельзя сказать об «Колкечюве перевозе».

Таким образом, из всех ранее упомянутых мест переправ через Волгу не удалось достаточно точно локализовать только одно, а именно «Колкечюв перевоз». Возможно, он находился ниже по течению Волги, за Переволокой.

Если добавить к ним постоянно упоминаемые в источниках «Самарский» и «Царицынский» (или «Переволокский») «перевозы», можно сделать вывод, что на рассматриваемом участке р. Волги удобные переправы располагались весьма плотно — через несколько десятков километров друг от друга. Очевидно, что для обитателей степи они представляли достаточно целостную и удобную для использования систему.

В представлениях ногайской знати и московских властей среди всех этих «перевозов» второго и третьего участков Волги выделялось несколько стратегических и чрезвычайно важных пунктов, которые следовало держать под особым контролем. Наиболее отчетливо наличие важнейших переправ и указание на те места, где они находились, прозвучало в посланиях к Ивану IV нурадина, а затем бия

(князя) Большой Ногайской Орды Исмаила. После присоединения территории Казанского ханства Россия распространяет свою власть на всю акваторию Волги, заканчивая этот процесс покорением Астраханского ханства. Для ногайской знати важнейшим становится вопрос об отношениях с новым мощным соседом. Часть ее во главе с Исмаилом делает выбор в пользу России. К тому же Ногайскую Орду в это время раздирает жесточайший кризис. Смуту в Орде усилил голод; высохшая от жары степь не могла прокормить скот; морозы и метели зимой не позволяли ему добывать корм из-под снега, а стойлового скотоводства ногаи практически не знали. Исмаил начиная с середины 1550-х гг. постоянно просил Москву поставить русские заставы и крепости на волжских «перелазгах», в стратегически важных местах реки для того, чтобы не допустить ухода из Орды мятежных мирз. В переписке 1554–1556 и последующих годов в качестве таких «перелазгов» в различных сочетаниях упоминаются только четыре места на Волге – «на Астараханской земле», «на Переволоке», «на Иргизе» и «на Самарском устье»³⁵, причем три из них относятся к рассматриваемому нами участку Волги. Следует отметить, что в это время инициатива создания укрепленных пунктов шла именно от Исмаила, от которого во время кризиса, охватившего Ногайскую Орду, недовольные мирзы со своими улусами уходили на правобережье именно в этих местах. В посланиях бия звучит и еще одна тема. Крепости и заставы должны были защитить его владения от врагов, переходивших Волгу с «крымской стороны»³⁶. В ответ Иван IV обещал не только послать рати и поставить заставы на Волге, но и построить там города³⁷. Сведения о таких отрядах, «плавных ратях» по Волге во второй половине 1550-х – первой половине 1580-х гг. постоянно встречаются в разрядных книгах³⁸, у англичан Московской компании, в других источниках³⁹.

Однако указания на «Переволоку», «Иргиз» и «Самарское устье» (нас в данной работе интересуют именно эти местности) не позволяют с достаточной точностью локализовать обозначенные в ногайско-русской переписке под этими названиями «перевозы». О Переволоке, например, средневековые источники упоминают как о месте, где удобно было перетаскивать суда из одной реки в другую. Локальный район наибольшего сближения Волги и Дона получил свое название именно вследствие того, что был излюбленным местом у татар, а затем у казаков для переправы на Дон и наоборот⁴⁰. Местонахождение «Самарского устья», указываемого Исмаилом в качестве одного из мест, где необходимо построить город для предотвращения перехода ногаев на правобережье Волги, трудно определить однозначно именно как пункт переправы. До середины XVII в. р. Самара впада-

ла в Волгу двумя рукавами. Устье главного из них находилось примерно 30 км западнее современного, бывшего в то время второстепенным. Но в окрестностях этих обоих рукавов переправа через Волгу была чрезвычайно неудобна вследствие своеобразной речной акватории и выхода на берег (особенно у главного рукава). Кроме того, перебравшиеся через реку кочевники должны были попасть на Самарскую Луку, лесные и горные массивы которой улусам, уходившим от Исмаила вместе со стадами скота, преодолеть было весьма непросто, если не невозможно. Переправа у «устья Большого Иргиза» также не была четко локализована. Тем более что впоследствии Саратовскую крепость построили значительно южнее впадения этой реки, то есть достаточно далеко от того места, которое указывал бий.

Чтобы понять предложения Исмаила, следует, на наш взгляд, исходить из допущения о том, что «Переволока», «устье Иргиза» и «Самарское устье» были прежде всего важнейшими знаковыми местами на Волге для Орды и московского правительства. На Самаре и Большом Иргизе располагались основные летние пастбища кочевников. В низовьях их при впадении в Волгу находились обширные юрты и богатые волжские пойменные луга. Эти реки через волоки соединяли речные системы Урала и Волги. Значимость Переволоки для волго-донского междуречья, перехода кочевников с летних на осенние и зимние кочевья также вполне очевидна. Поэтому напрашивается вывод, что Исмаил указывал на главные ориентиры, близости от которых находились броды, наиболее важные места кочевий, пастбища для скота, речные пути, прорезавшие территорию кочевий в широтном направлении.

Можно предположить, что вышеуказанные пункты на Волге и реальные «перевозы» через нее, расположенные, по крайней мере, между современными городами Саратовом и Самарой и в их окрестностях, совпадают далеко не полностью.

Интересно в этом отношении рассмотреть совокупность переправ, территориально тяготеющих к нижнему течению р. Самары и этимологически связанных с данным гидронимом. Самарский город, основанный в 1586 г. и получивший свое название от реки, был построен не на самом берегу Волги, а в нескольких километрах от нее, на возвышенном месте, где река Самара делилась на два рукава, причем откуда хорошо просматривались степные пространства Левобережья. Вполне очевидно, что для Москвы при строительстве этого укрепленного пункта в первую очередь было необходимо наблюдение за степным Заволжьем и за речным «казачьим» путем по р. Самаре. Вместе с тем местный гарнизон должен был контролиро-

вать волжскую акваторию и охранять важнейшие переправы у южной излучины Самарской Луки⁴¹. Об этом свидетельствует совокупность источников, связанных с деятельностью «строителя» и первого воеводы Самары князя Г.О. Засекина. В основном они касаются взаимоотношений местной администрации с ногаями и казаками в 1586–1587 гг. К началу 1587 г. бий Урус примирился с появлением крепости. Весной этого года, когда ногайские кочевья потянулись к северу на летние пастбища, завязались активные отношения между ногайскими мирзами и воеводой. Так, 12 мая Засекин отправил к Москве два посольства Уруса и его мирз с купцами – «ардобозарцами» и с табуном лошадей почти в 2000 голов, «а возитца деи ему у Самарского города»⁴². Этот и другие караваны шли через Волгу в широтном направлении к Москве и из Москвы назад через «мешерские украины» вновь к «Самарскому перевозу»⁴³. Сведения об этом пути, служившем для обмена посольствами, перегонки на продажу в Россию табунов лошадей и скота, следования военных отрядов ногаев, отправлявшихся на русскую службу, постоянно мелькают в «ногайских делах» XVI – начала XVII вв.⁴⁴ под самыми разными названиями; но, как правило, сопрягаемыми с городом (или рекой) Самарой – «Самарский перевоз», «перевоз у Самарского города», перевоз «ниже Самары в Казачьих горах» и т. д. Например, в 1612 г. на «Самарском перевозе» были захвачены татары Иштерекова улуса, переправлявшиеся через Волгу на ногайскую сторону с русским полком, захваченным в алатырских местах. В других документах, посвященных этому же событию, «перевоз» называли уже иначе «...ниже Самары в Казачьих горах». В 1613 г. на нем вновь произошло еще одно столкновение с ногаями⁴⁵.

О пути через эту переправу писали и те историки, которые занимались взаимоотношениями России с государствами Средней Азии⁴⁶. Выше уже говорилось, что Самарский «перевоз», по мнению В.Л. Егорова, был одним из двух основных путей, по которым на Русь шли ордынцы. Через него во время похода на Москву в 1382 г. переправился на правый берег Волги Тохтамыш⁴⁷.

Однако точно локализовать его весьма сложно. Там, где Волга, огибая Жигулевские горы, резко поворачивает на юг, в ареале нескольких десятков километров находилось по крайней мере два удобных места для переправы. Первое из них было у острова Батрак, где на правом берегу располагается современный г. Октябрьск. Эта переправа неоднократно упоминалась и в более позднее время, в XVIII–XIX вв., вплоть до строительства в этих местах железнодорожного моста через Волгу. Например, в «Топографическом описании

Симбирской губернии», созданном в 1780-х гг. Т.Г. Масленицким, говорится: «При городе Самаре и перевоз называемой Батрацкой»⁴⁸. На карте Сызранского уезда начала XIX в. на правом берегу Волги указана д. Батрак и ведущая к ней с левобережья большая прогонная дорога Сызрань—Уральск. С ней смыкался еще один степной путь из Сызрани на Оренбург⁴⁹. В документах XVIII—XIX вв. часто фигурирует «Батрацкий остров», который обозначался как общепринятое место переправы через Волгу. Характерно, что исследователи, занимавшиеся изучением Киевской Руси и Волжской Булгарии, также пишут о переправе в этих местах как одной из наиболее важных. При чем главным доводом в пользу этого суждения приводится факт, что именно здесь от Волги на правобережье начинался наиболее удобный путь на запад по долинам рек Сызранки и Канадейки⁵⁰.

В источниках XVI—XVII вв. в качестве действовавшей в это время переправы упоминается еще одно место, находившееся несколько южнее острова Батрак, а именно «Казачьки» или «Казачьи» горы. В 1534 г. «...Волгу есмя, государь, перевезли сентября 17 день ниже Казачьких гор» сообщал приехавших из Ногайской Орды «казак Янбулет»⁵¹. О нем же свидетельствует содержание дела о сражении саратовских стрельцов и детей боярских с ногаями летом 1621 г. Саратовский воевода князь Е.Ф. Мышецкий послал против кочевников отряд, который и настиг противника «в Казачьих горах на перевозе». Как показало следствие по этому делу, места под «Казачьими горами» находились в компетенции самарских воевод, которые и должны были выяснять отношения с ногаями. Характерно, что эти броды так и назывались в то время — «нагайские перевозки»⁵².

Видимо, эти два «перевоза» и можно связывать с указанием Исмаила на «Самару» и «Самарское устье». Именно они находились с конца XVI и на протяжении всего XVII вв. под юрисдикцией самарских воевод. Значимость этих переправ во всей совокупности путей к Москве трудно переоценить. На Правобережье существовала даже «Самарская дорога», по которой, по всей видимости, сложилось устойчивое сообщение между Москвой и Заволжьем. В 1623 г. темниковская мордва писала: «Живут де они по Самарской дороге на Украйне выше Красной слободы, а на их деревни ездят всякие гонцы и станичники летом и зимою из понизовых городов...»⁵³

Вторая группа переправ, находившихся ниже по течению, несомненно, тяготеет к упоминаемому в ногайско-русской дипломатической переписке определению «на Иргизе». Она, на наш взгляд, подразумевает достаточно обширный участок Волги, примыкающий к

устью Большого Иргиза и включающий в себя волжскую акваторию от Хвалынска до Саратова.

Наиболее северным из «иргизских» являлся «Овечий брод», располагавшийся неподалеку от «Соснового острова» у «Тихой горы», рядом с современным городом Хвалынском. О том, что эта переправа была одной из основных во второй половине XVI в., свидетельствует уже указывавшееся выше известное дело об ограблении вольными казаками в августе 1581 г. ногайского посольства и купцов, пришедших «под Сосновый остров на Волгу на перевоз». В деле об этом ограблении есть несколько интересных моментов. Казаки занимались переправой «по прежнему обычаю», т. е. для них это было обыденным привычным занятием. Любопытно, что они на этой же переправе, но уже позднее подстерегли и разгромили крупный ногайский отряд, грабивший «алатырские окраины»⁵⁴. О значимости «Овечьего брода», по крайней мере для первой половины XVII в., наиболее красочно пишет А. Олеарий.

Сведений о переправах в устьях Малого и Большого Иргиза в документах XVI–XVII вв. практически не встречается, а ниже по течению Волги, вблизи построенного в 1590 г. Саратова, указан «перевоз» на «Усть Керешки (устье р. Терешки. — Э.Д.) на Змеине Камени» и «на Таллыке выше Ахматовых гор». Первый из них, скорее всего, связан с золотоордынским г. Увеком (Укеком), где во второй половине XIII – XIV вв. была организована переправа через Волгу. Следует отметить, что и от данной группы «перевозов» шли удобные и активно используемые, по крайней мере, в конце XVI – XVII вв. пути на запад, к Москве⁵⁵.

И наконец, к «Переволоке» следуют отнести следующую группу перевозов: «...устье Услана» (Еруслана), расположенное примерно 150 км выше по Волге; лежащий несколько ниже его брод «повыше Переволоки на Коскочеве под Стрельчими горами»⁵⁶ и собственно «Царицынский» или «Переволокский» перевоз». Последний наряду с «Самарским», по мнению В.Л. Егорова, был важнейшим при переправах через Волгу во время существования Золотой Орды⁵⁷. Впоследствии он был организован русскими властями вскоре после строительства г. Царицына.

***

Такова в общих чертах система переправ, действовавшая на Юго-Востоке Европейской России. Она, на наш взгляд, представляет достаточно целостную систему, являющуюся необходимым и постоянным компонентом жизненного цикла хозяйствовавших здесь сообществ.

Примечания

- ¹ См., например: Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001.
- ² Черменский П.Н. Пути сношений Москвы с Поволжьем через Мордовию // Труды. Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР. Вып. XXXIV. Сер.: Историческая. Саранск, 1968; Халиков А.Х. Торговые пути Булгарии в IX–XII веках и их археологическое изучение (на примере пути из Булгара в Киев) // Путь из Булгара в Киев. Казань, 1992; др. работы.
- ³ Самарское Поволжье с древности до конца XIX в.: сб. док. и мат-лов. Самара, 2000. С. 158.
- ⁴ Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 510.
- ⁵ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1533–1538 гг. // Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала. 1995. С 154–155, 158, 161.
- ⁶ Путешествие Ахмеда ибн-Фадлана на реку Итиль и принятие в Булгарии ислама // На стыке континентов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). М., 1996. С. 27.
- ⁷ Российский государственный архив древних актов (Далее – РГАДА). Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. Л. 48.
- ⁸ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1533–1538 гг. С. 116.
- ⁹ РГАДА. Ф. 127. Д. 4. Л. 98 об.
- ¹⁰ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. 1862. Т. XIII. СПб. С. 189 (Далее – ДАИ); Черменский П.Н. Пути сношений Москвы с Поволжьем через Мордовию. С. 188.
- ¹¹ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. М., 1984. С. 17.
- ¹² Черменский П.Н. Пути сношений Москвы с Поволжьем через Мордовию. С. 186–187.
- ¹³ Халиков А.Х. Указ. соч. С. 15, 17; Вискалин А.В. Самарский вариант переправы через Волгу на пути из Киева в Булгар // Путь из Булгара в Киев. Казань, 1992. С. 41, 43.
- ¹⁴ Цит. по: Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 181.
- ¹⁵ Егоров В.Л. Указ. соч. С. 182.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 127. Д. 5. Л. 126 об.
- ¹⁷ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1533–1538 гг. С. 147.
- ¹⁸ Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны // Джовани дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло / под ред. М.Б. Горнунга. М., 1997. С. 107, 116; Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000. С. 12–14.

¹⁹ РГАДА. Ф. 127. Д. 4. Л. 189 об.

²⁰ Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством 1672–1675 гг. Элиста, 2003. С. 171, 179–180, 211.

²¹ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). М., 2003. С. 33, 44, 75.

²² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 9. Л. 173.

²³ Карпов А.Б., 1911. Уральцы. Исторический очерк. Ч. 1. Яицкое войско от образования до переписи полковника Захарова (1550–1725 гг.). Уральск, 1911. С. 853; РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Кн. 10. Л. 140–142, 147–149, 256–257 об., 269–270.

²⁴ Контарини А. Хожение в Персию // Арабески истории: альманах. Вып. 5–6. «Каспийский транзит». Т. 2. М., 1996. С. 258, 259–260; Барбаро И. Путешествие в Тану // Арабески истории: альманах. Вып. 5–6. «Каспийский транзит». Т. 2. М., 1996. С. 141 и др. авторы. См.: Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт: в 2 кн. Элиста, 1993. С. 114–115.

²⁵ Из рассказов Дон Хуана Персидского. Путешествие персидского посольства через Россию от Астрахани до Архангельска в 1599–1600 гг. // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М., 1991. С. 173. На наш взгляд, такое описание выглядит не слишком правдоподобным.

²⁶ Барбаро И. Путешествие в Тану. С. 141.

²⁷ РГАДА. Ф. 127. Д. 5. Л. 87 об.

²⁸ Там же. Л. 126–127 об.

²⁹ Там же. Л. 200.

³⁰ Карпов А.Б. С. Уральцы. Исторический очерк. Ч. 1. Яицкое войско от образования до переписи полковника Захарова (1550–1725 гг.). С. 853; РГАДА, Ф. 127. Оп. 1. Кн. 10. Л. 140–142, 147–149, 256–257 об., 269–270.

³¹ Олеарий А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах. М., 1870. С. 430–431.

³² Там же.

³³ Там же. С. 433.

³⁴ Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950. С. 143.

³⁵ РГАДА. Ф. 127. Д. 4. Л. 248, 303–303 об., 352 об., 361 и др.

³⁶ Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877. С. 284–285.

³⁷ РГАДА. Ф. 127. Д. 4. Л. 353–354 и др.

³⁸ Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1975. С. 170–171.

³⁹ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 34; Дженкинсон А. Путешествие от города Москвы в России до города Бухары в Бактрии // Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV–XVIII веках / сост. В. Алексе-

ев. Сталинград, 1936. С. 265.

⁴⁰ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. М., 1937. С. 46.

⁴¹ Дубман Э.Л. Князь Григорий Засекин — строитель волжских городов. Самара, 2003. С. 48–49.

⁴² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1587. Д. 1. Л. 13–17.

⁴³ Там же. 1587. Д. 10. 1586. Л. 35, 54.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / под ред. Н.И. Веселовского. СПб., 1892. Т. II. С. 164–165, 182.

⁴⁶ Чулошников А. Торговля Московского государства с Средней Азией в XVI–XVII вв. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 3. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Часть 1. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. Л., 1932. С. 67–68; Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1956. С. 39–40; Юлдашев М.Ю. К истории торговли и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI–XVII вв. Ташкент, 1964. С. 63–64.

⁴⁷ Егоров В.Л. Указ. соч. С. 181–182, 212.

⁴⁸ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА. Д. 19026. Л. 6.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 5245.

⁵⁰ Вискалин А.В. Самарский вариант переправы через Волгу на пути из Киева в Булгар. С. 44–45.

⁵¹ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. С. 163.

⁵² Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 38. Оп. 1. Д. 80. Л. 2-3, 12.

⁵³ Акты Московского государства: Разрядный приказ: Московский стол, 1571–1664 гг. СПб., 1890. Т. 1. № 13; Черменский П.Н. Пути сношений Москвы с Поволжьем через Мордовию. С. 188–189.

⁵⁴ Карпов А.Б. Уральцы. Исторический очерк. Ч. 1. Яицкое войско от образования до переписи полковника Захарова (1550–1725 гг.). С. 853; РГАДА, Ф. 127, Оп. 1. Кн. 10. Л. 140–142, 147–149, 256–257 об., 269–270.

⁵⁵ Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923. С. 59–60; Осипов В.А. Очерки по истории Саратовского края конца XVI и XVII вв. Саратов, 1976. С. 53–54.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 127. Д. 5. Л. 87 об.

⁵⁷ Егоров В.Л. Указ. соч. С. 181.

«И МЫ В ТЕХ МЕСТЕХ, УЧИНЯ КРЕПОСТИ, ВЕЛИМ ЛЮДЕМ МНОГИМ СТОЯТИ»

Осенью 1586 г. между Большой Ногайской Ордой и Россией началась настоящая дипломатическая война. Бий Орды Урус был возмущен строительством в Заволжье и Южном Приуралье русских городов Самары и Уфы. Ногайская знать всерьез опасалась, что Москва совместно с волжско-яицкими казаками «отнимет» у них наиболее продуктивные летние кочевья по рекам Самаре, Кинелю, Илеку, Иргизу и др. В разразившейся полемике обе стороны использовали самые различные аргументы для доказательства своей правоты. Ногаи опирались прежде всего «на старину», утверждая, что никогда русских городов здесь не было («...ты (*Федор Иоаннович*. — Э.Д.) на четырех местах хочешь города ставить: на Уфе, да на Увеке, да на Самаре, да на Белой воложке. А теми месты твои деды и отцы, владели ли?») Московские дипломаты объясняли, что основание русских городов было направлено в первую очередь на защиту ногайских кочевий от нападений казаков¹.

Между тем один из важнейших аргументов в свою пользу в этих спорах московская сторона не использовала, и это, на наш взгляд, являлось серьезной ошибкой русской дипломатии. В середине 1550-х гг. отец Уруса бий Исмаил неоднократно просил Ивана Грозного поставить сезонные русские гарнизоны и даже города в стратегических местах Волги: у Астрахани, на Переволоке, в устьях р. Иргиза и Самары. Россия в это время прочно утверждает в Среднем и Нижнем Поволжье, и обращение одного из правителей Орды за помощью к Ивану IV выглядело вполне естественным. История этих переговоров, локализация обсуждаемых укрепленных пунктов представляют значительный интерес и требуют специального изучения. Исследователи, занимавшиеся Ногайской Ордой и русско-ногайскими отношениями в середине – второй половине XVI в., как правило, отмечали только сам факт проведения таких переговоров². Данными обстоятельствами обусловлено обращение к этой теме и ее конкретное изучение по материалам, прежде всего, «ногайского» направления русской политики, отложившихся в Ф. 127 Российского государственного архива древних актов³. В отдельных случаях свидетельства архивных источников дополняются фактами из русских летописей этого времени – Никоновской и других⁴.

Причиной переговоров о необходимости постоянного русского военного присутствия в ключевых местах волжского побережья — у Астрахани, на волго-донской Переволоке, в устьях р. Самары и Иргиза — стал тяжелейший политический и социально-экономический кризис в Ногайской Орде. Он возник из-за разногласий и борьбы за лидерство двух братьев: старшего — бия Юсуфа, крайне враждебно настроенного по отношению к действиям Москвы по ликвидации Казанского и Астраханского ханств, и младшего — нурадина Исмаила, поддержавшего политику российского правительства в регионе. Пик этого конфликта пришелся на 1554–1557 гг. и подробно рассмотрен В.В. Трепавловым⁵. Уже в начале 1555 г. от Исмаила ушли на правый берег Волги и попытались «пристать» к Крыму со своими улусами потомки Юсуфа (8 братьев) и Шейх-Мухаммеда, а также часть Кошумовичей. В результате рухнула устоявшаяся система распределения участков степи и лесостепи между отдельными улусами, оказался покинутым ряд улусных территорий для кочевий; ушедшие утратили на них права. Все лето 1555 г. мятежные мирзы вели войну против Исмаила. Переправившись через Волгу, они разорили столицу Орды Сарайчик, нанесли ряд поражений бию и его союзникам. Таким образом, проблема контроля волжских «перевозов» становится для Исмаила одной из важнейших, а своими силами он ее эффективно решить не мог. Бий не имел реальных возможностей ни остановить беглецов, уходящих от него на Правобережье, ни предотвратить их походы на верные ему улусы. В результате последовал ряд обращений к Москве с просьбами поставить на «перевозех» русские отряды. В конце лета Исмаил смог победить Юсуфовичей, однако борьба на этом не завершилась, в нее постепенно втягивались все новые и новые силы.

Все огромное пространство ногайских кочевий стало ареной периодически вспыхивающих крупных междоусобных столкновений, что привело к их запустению, сокращению количества населения и скота, хозяйственному упадку. Ослабленная в результате всех этих событий социально-хозяйственная организация Орды не смогла сохранить стабильность в условиях резкого сокращения кормовой базы для скота, вызванного катастрофическим ухудшением природно-климатических условий на огромной территории от Причерноморья до Казахстана в середине — второй половине 1550-х гг. Первые признаки страшного голода проявились уже в 1555 г., однако апогей его приходится на последующие годы. Об этом катастрофическом для кочевников событии сохранились многочисленные сведения. Напри-

мер, в грамоте от Исаила в Москву, датируемой концом лета 1557 г., сообщалось: «...А улусы наши животиною обмерли и голодни есмя»⁶. О результатах бедствий, обрушившихся на Ногайскую Орду, образно и точно в своей «Истории о великом князе Московском» написал князь А. Курбский: «И так того народу измаилтескаго мало за Волгою осталось, едва пять тысящей военных людей, егоже было число подобно песку морскому»⁷.

Теперь перейдем собственно к предмету переговоров между Москвой и Ордой по вопросу волжских переправ. 30 мая 1555 г. «большой посол» бия Исаила Амангильдей при личной встрече передал Ивану Грозному грамоту. В ней бий выражал свое удовлетворение тем, что в Астрахани московский царь посадил на престол «брата нашего Дербышалея царя». Следом шло предложение о разделении ролей в совместных усилиях поддержания стабильной ситуации в Нижнем и Среднем Поволжье. На себя Исаил брал обязательство: «Нам бы тово беречи, чтобы к Астрахани полем рати не пустити». Ивану же предлагал: «А ты тово вели беречи, чтобы водяным путем не пришли, на всех перевозех вели по перевозом по двесте человек поставити... А кого к нам пошлешь, и ты посылай к нам Волгою. И те бы люди твои на Самарском устье с нами свестилися, чтобы однолично полем не ходили»⁸. Фактически посол привез проект договора о совместных действиях против противников Исаила, и в нем впервые в русско-ногайских отношениях прозвучало предложение о необходимости поставить русские отряды «на перевозех».

Предложение, высказанное бием, не было оригинальным. Первые русские караулы «на перевозех», о чем свидетельствует В.Н. Татищев, появились уже в 1553 г.⁹

В ответной грамоте к Исаилу, отправленной со служилым татирином Б. Кииковым 27 июня того же года, Иван Грозный, помимо ряда других обязательств, обещал: «А нечто твои недруги приедут опять на астраханской перевоз, и мы над ними велели промыслити, как возможно. Да и на иных перевозех велели есмя их стеречи»¹⁰.

Тема охраны перевозов на Волге вновь прозвучала в послании к Исаилу от Ивана Грозного, направленном к ногаям с посольством во главе с И. Загрязским (выехало из Москвы 9 марта 1555 г.): «А которые холопи из нашей земли выбежали и стоят на Волге, а у вас лошади крадут и гостей побивают, а наших рыболовей грабят и побивают же, и мы на тех послали своего сына боярского Григорья Жолобова. А велели их, добыв, побити. И по перевозом на Волге велели есмя ему ж ваших улусов беречи от Белек Булат мирзы с таварищи. А на которых вам перевозех сторожа надобе, и вы б Гри-

горью велели на тех перевозех беречи. А мы ему о том приказали»¹¹. Отметим, что в Астрахань к хану Дервиш-Али был послан с военным отрядом сын боярский Л. Мансуров. Жолобов же «берег» именно «перевозы», видимо, начиная с Переволок и выше по течению Волги¹². Таким образом, русские отряды на переправах должны были «беречь» Исмаила от мятежных мурз и от казачьей вольницы.

В наказной памяти для И. Загрязского был прописан конспект его «речи» при встрече с Исмаилом. В ней звучит та же тема: Г. Жолобов послан на Волгу для защиты улусов ногаев от казаков и от крымских людей¹³. В более кратком варианте эти тезисы прописаны и в наказных памятях русских посланников к другим мирзам Орды¹⁴.

В июне 1555 г. «на Петрово Заговенье» «Исуповы дети» и другие мирзы, разгромившие до этого Сарайчик, напали на кочевья самого Исмаила и едва его не убили¹⁵. Следствием этого разгрома явилось резкое изменение содержания просьб последнего. В стратегических местах Волги Исмаил и некоторые его мирзы просят поставить уже не гарнизоны, а «города».

15 декабря 1555 г. царем были приняты ногайские послы во главе с Еболду, передавшие просьбу Исмаила: «И ныне на астраханской земле город поставь. А на Переволоке город жо поставь. И на Самарской устье город жо поставь. И ныне б недругов наших мирз, которые от нас отъехали, будет они на той стороне Волги, и ты б не велели их на сю сторону перевозити. А будет жо на сеи стороне, и ты на ту сторону не вели перевести»¹⁶.

Однако среди мирз (Арслан, Бий, Магмед и Юваш; грамота еще от одного мирзы — Бай не сохранилась), приславших с Исмаилом свои грамоты, не было единства по вопросу строительства русских городов на Волге. Только в двух из них — от Бий мирзы и Магмед мирзы, — помимо обычных уверений в дружбе, звучало предложение «И тебе Астрахань у Дервиша царя взять, а на том месте город бы тебе поставить», и только Бий мирза предложил «Да на Переволоке бы город же тебе поставити»¹⁷.

19 февраля 1556 г. ногайские послы после приема в Москве отправились вместе с новым русским посольством назад. В памяти его руководителю О.Т. Тишкову было указано, говорить Исмаилу, что против царя Дербыша послана русская рать «Ивана Черемисинова да Михаила Колупаева со многими людьми», «...на Переволоке и на Самарском устье велели есмя быти многим людем и крепости учинити. А велели есмя им беречи по перевозом мурз казаков, чтоб на вашу сторону не перешли»¹⁸. В переговорах с Исмаилом Тишков

должен был убедить бия, что царь приказал разогнать и казнить волжских казаков «...а ныне поставил на Волге казаков добрых вам на береженье, в которых воровства нет»¹⁹. Характерно, что из всех мирз только Арслану русский посланник Г. Велин должен был заявить о том же²⁰.

Практически одновременно в декабре 1555 г. в Москву через Казань прибыло еще одно посольство от Исмаила во главе с Байтерек-ом и Тинишем. В привезенной от бия грамоте звучало следующее: «..и ты на весне рать свою пришли и Астрахань возьми... и как Астрахань возьмешь, и ты в Астрахани одново своего холопа уставь. А на Переволоке город поставь да одново ж холопа своево уставь. А на Иргызе город жо поставь, да и там жо город жо поставь, да и там одново холопа своего уставь»²¹. Интересно, что в этом документе среди мест, где следует ставить города, вместо р. Самары указан Иргиз.

В ответном послании к Исмаилу, направленном из Москвы с Т. Тимеевым 24 января, сообщалось о посылке русской рати весной в Астрахань. В ответ на просьбу бия поставить города на Переволоке и Иргизе говорилось: «И мы в тех местех, учиня крепости, велим людем многим стояти и беречи беглых мирз накрепко...»²²

Таким образом, менее чем за год обе стороны договорились о том, что на «перевозах» следует ставить не казаков или других воинских людей, а города «с холопами».

Последующая переписка практически всего 1556 г. сохранилась лишь фрагментарно, или, возможно, она была менее интенсивной. В любом случае никаких сведений в ней о необходимости ставить города или держать государево войско на «перелазах» не сохранилось. Это выглядит весьма странным в связи с важнейшим событием, произошедшим летом этого года в низовьях Волги, когда был совершен второй поход на Астрахань. В результате Россия окончательно установила свой контроль над Астраханским Поволжьем, и ситуация там коренным образом изменилась.

К началу 1557 г. все переговоры о необходимости ставить города на Переволоке, устьях Иргиза и Самары фактически прекращаются. Вопрос об астраханском перевозе был решен окончательно. Переговоров с Исмаилом на эту тему уже не ведется.

М. Лачинов, посланный в январе 1557 г. к Али мирзе, должен был объявить ему, что астраханский юрт взят, а также: «А которые наши казаки стояли на Волге и улусом вашим докучали, и мы ныне того для послали на Переволоку Ляпуна Филимонова со многими людьми. А на Самарское устье послали есмя Степана Кобелева со

многими ж людьми. А велели есмя с Волги казаков всех сослати, чтоб вашим улусом обиды не было. А которые казаки с Волги не пойдут, мы тех велели, изымав, казнити. И велели есмя Ляпуну с таварищи на Переволоке, а Степану Кобелеву против Самарского устья и до осени беречи того, чтоб вашим улусом от казаков лиха не было. А которые ваши послы и гости пойдут к нам, и мы им велети их перевозити»²³.

В наказной памяти Лачинову далее говорилось: «А ныне господине, государь сею весною в судех послал на Волгу своих детеи боярских Степана Кобелева да Ляпуна Филимонова со многими людьми. А велел с Волги казаков всех сослати. И велел им того беречи накрепко, чтоб вашим улусом обиды никакии не было. А велел государь наш Степану Кобелеву стояти против Самарского устья и до осени. А Ляпуну велели стояти на Переволоке до осени ж. А велели им того беречи накрепко, чтоб казаки на Волгу не приходили и лошадеи бы у вас не крали. А которые пойдут от вас послы и гости к государю нашему, и государь наш тех велел перевозити и проводников им давати»²⁴. В более кратком варианте сюжет с посылкой на Волгу С. Кобелева и Л. Филимонова повторяется в грамотах, посланных в том же январе 1557 г. со служилыми татарами К. Нагаевым «с таварищи» к мирзе Белек Булату и Б. Кадышевым к мирзе Аисе²⁵. В Никоновской и ряде других летописей в сообщении об этом событии имеются новые уточняющие детали. Среди русских послов, отправленных в январе 1557 г. в Орду, помимо М. Лачинова, указаны «...к Исмаилю-князю Петра Григорьева Совина, а ко Юнусу к мурадину-мырзе Елку Малцова сына Данилова, а к Араслану х теховату-мырзе Ивана Тверитинова...». Л. Филимонов, направленный с отрядом на Переволоку, указан атаманом, а С. Кобелев, посланный на Иргиз, — стрелецким сотником. Составители летописей четко определили задачу, поставленную перед Филимоновым и Кобелевым: «беречи Нагай от Русских казаков и от Крымских, ... и им послов перевозити»²⁶. При указании места, где должен был располагаться отряд С. Кобелева, мы в большей степени склонны доверять документам, вышедшим из Посольского приказа. По сравнению с летописцами русские дипломаты, отправляемые в Орды, обязаны быть более точными.

Фактически на этом завершается переписка между Москвой и властителями Орды по поводу появления русских военных контингентов, и даже городов, в стратегических пунктах волжского побережья. Позднее, в условиях голода, охватившего ногайское общество,

Исмаил уже просит Ивана Грозного помочь ему в строительстве «ногайских» городов в Заволжье. Но это уже тема для другого исследования.

Историки по-разному оценивают поведение Москвы при рассмотрении этого вопроса. Г.И. Перетяткович считал, что Иван Грозный не хотел помогать Исмаилу в строительстве крепостей на Волге, потому, что они «...при случае могли быть употреблены против самой России»²⁷. Этот вывод справедлив в отношении более поздних по времени просьб Исмаила помочь ему в строительстве городов для ногаев в заволжской степи. Но на волжских переправах бий просил возводить русские города. Более убедительно мнение В.В. Трепавлова. Он полагает, что в сложной обстановке, сложившейся в то время на южных и юго-восточных границах страны, московское правительство предпочитало действовать очень осторожно²⁸. Авторы недавно вышедших посвященных русско-ногайским отношениям специальных исследований, Е.В. Кусаинова и М.В. Моисеев, практически не затрагивают эту тему²⁹. На наш взгляд, главной задачей в середине 1550-х гг. для Москвы становилось закрепление русского присутствия в астраханском Поволжье, что и было сделано. Строительство постоянных городов на Волге в тех условиях являлось преждевременной рискованной акцией. Последующие взаимоотношения с Большой Ногайской Ордой и ее кочевыми соседями подтвердили правоту этого подхода.

По отношению к Астрахани и Переволоке вопросов о локализации места размещения русских гарнизонов и городов-крепостей практически не возникает. С Самарой и Иргизом дело обстоит иначе. Содержание переговоров между Исмаилом и Иваном Грозным не оставляет сомнений, что их собирались ставить в устьях рек. Прежде всего, это очевидно для Самары. Но все широко известные летние «перелазы»: «у Соснового острова», «ниже Самары в Казачьих горах» «Усть Керешки (устье р. Терешки. — Э.Д.) на Змеине Камени», «на Таллыке выше Ахматовых гор» и другие — не совмещаются с устьями наиболее полноводных левобережных притоков Волги³⁰. Вероятно, для Исмаила эти места были знаковыми в системе их летних кочевий и встреч с послами. Возможно, он стремился перекрыть наиболее удобные пути маневра ватаг казачьей вольницы. И наконец, можно предположить, что русские отряды, размещенные в устьях Самары и Иргиза, могли на стругах контролировать достаточно протяженные участки волжской акватории. Ответа на этот вопрос имеющиеся в нашем распоряжении источники не дают.

Примечания

¹ Подробно этот вопрос изучен П.П. Пекарским. См.: Пекарский П.П. Когда и для чего основаны города Уфа и Самара // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1872. Т. X. № 5; Его же. Когда и для чего основаны города Уфа и Самара? // Классика самарского краеведения: антология / под ред. П.С. Кабытова и Э.Л. Дубмана. Самара, 2002. С. 121.

² Сафаргалиев М.Г. Ногайская Орда во второй половине XVI века // Сборник научных работ Морд. гос. пед. ин-та. Саранск, 1949; Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII вв. М., 1877; Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001; Моисеев М.В. Взаимоотношения России и Ногайской Орды (1489–1563 годы): дис. ... канд. ист. наук. М., 2007; др. авторы.

³ РГАДА. Ф. 127. Сношения России с ногайскими татарами. Оп. 1.

⁴ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 13. Первая половина. СПб., 1904; Книга, глаголемая летописец Федора Кирилловича Нормантскаго // Временник ИМОИДР. М., 1950. Кн. 5; Летописец русский (Московская летопись 1552–1562 гг. По рукописи, принадлежащей А.Н. Лебедеву). Сообщил Андрей Лебедев // ЧОИДР. М., 1895. Кн. 3.

⁵ Трепавлов В.В. Указ. соч.

⁶ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. Л. 33об.

⁷ Курбский А. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 290.

⁸ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. Л. 248.

⁹ Татищев В.Н. История Российская. Л., 1968. Т. 7. С. 438.

¹⁰ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. Л. 250–250 об.

¹¹ Там же. Л. 269–269 об.

¹² Там же. Л. 269 об.

¹³ Там же. Л. 279.

¹⁴ Там же. Л. 289, 293.

¹⁵ Там же. Л. 296 об.–297 об.

¹⁶ Там же. Л. 303–303 об.

¹⁷ Там же. Л. 307–308.

¹⁸ Там же. Л. 316–316 об.

¹⁹ Там же. Л. 325 об.

²⁰ Там же. Л. 342 об.

²¹ Там же. Л. 352 об.

²² Там же. Л. 356 об.

²³ Там же. Д. 5. Л. 4–4 об.

²⁴ Там же. Л. 7–7 об.

²⁵ Там же. Л. 12–12 об., 13 об.–14.

²⁶ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. С. 279; Книга, глаголемая летописец Федора Кирилловича

Нормантского. С. 107; Летописец русский (Московская летопись 1552–1562 гг. По рукописи, принадлежащей А.Н. Лебедеву). Сообщил Андрей Лебедев. С. 68.

²⁷ Перетяткович Г.И. Указ. соч. С. 279.

²⁸ Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 380.

²⁹ Кусаинова Е.В. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII вв. Волгоград, 2005; Моисеев М.В. Указ. соч.; др. работы.

³⁰ Дубман Э.Л. О некоторых особенностях функционирования системы волжских «перевозов» в конце XV–XVII вв. // Самарский земский сборник. 2005. № 3(11). С. 44–57.

ДО РУССКОЙ КРЕПОСТИ... (ПОСЕЛЕНИЕ «SAMAR» И «САМАРСКОЕ УРОЧИЩЕ» В XIV – НАЧАЛЕ XVI ВВ.)¹

Как известно, русская крепость, от которой ведет начало Самара, была возведена в 1586 г. Свое название – «Самарский город», «Самарский», «Самара»² – она получила от одноименной реки, притока Волги. Со времени основания во всех известных нам источниках конца XVI – XVII вв. поселение значилось «городом»: сначала как единичный пограничный форпост России на юго-восточной окраине, а затем как центр одноименного уезда.

Современная Самара, протянувшаяся вдоль волжского берега на десятки километров, охватила территорию, на которой располагаются многочисленные археологические памятники – остатки древних поселений, стоянок, захоронений и т. д., существовавших с эпохи камня вплоть до Золотой Орды и государств – ее наследников. Многие из них хорошо известны исследователям и относительно изучены, как, например, стоянки позднего палеолита в Овраге Подпольщиков (Постниковом) или Барбашинский могильник на Поляне Фрунзе (Барбашина поляна). От других сохранились лишь остатки культурного слоя и отдельные находки; все остальное уничтожила городская застройка; многие утрачены безвозвратно. Все данные о памятниках древности свидетельствуют о том, что начиная с каменного века (15–12 тыс. лет назад) на месте нынешней Самары существовали (сменяя друг друга, а в какие-то периоды и одновременно) многочисленные постоянные или временные поселения, основанные представителями различных этносов. Разумеется, задача исследователей состоит в том, чтобы определить и изучить все эти археологические памятники; выявить историю освоения в эпоху древности и средневековье междуречья Волги и Самары, где ныне располагается город. Не менее важно выявление преемственности построенной в начале правления царя Федора Иоанновича Самарской крепости и ранее существовавших в этом районе поселений. Только решив эти задачи, можно уточнить дату основания Самары.

Пока не удастся доказать родство между древними археологическими объектами, существовавшими в устье р. Самары до татаро-монгольского нашествия, и русской крепостью-городом. Единственное, что их объединяет – это территория размещения. Гораздо слож-

нее обстоит дело с памятниками, возникшими в эпоху Золотой Орды. Среди них прежде всего поселение или пристань «Самар», показанная на средневековом портолане – компасной карте водных путей и пристаней венецианцев – братьев Пицигани в 1367 г. и «на мировой карте» 1459 г. монаха из той же Венеции космографа Фра Мауро³. В краеведческой литературе также общим местом стало упоминание о случае посещения «Самарского урочища» митрополитом Алексием в 1357 г. и о встрече его с неким жившим в этих местах отшельником, якобы предсказавшим основание нового города. Эти и ряд других свидетельств, приводимых местными самарскими авторами, послужили основанием для прозвучавших в последние годы утверждений в пользу «удревнения» истории современной Самары: не с 1586 г. – даты основания русской крепости, а с середины XIV столетия⁴.

На наш взгляд, проблема, затронутая в развернувшейся дискуссии, действительно стоит того, чтобы более подробно рассмотреть аргументы сторонников и противников более раннего возникновения города.

Первые письменные свидетельства о существовании постоянного поселения на месте современной Самары и ее окрестностей с названием «Samar» (Самара) сохранились с середины XIV в., времени расцвета Золотой Орды. Возникновение и существование этого средневекового поселения необходимо связывать с экономическим и политическим подъемом Золотой Орды в первое столетие ее существования. На берегах Волги, являвшейся своеобразной осью этого огромного государства, шел процесс активного градостроительства, который осуществлялся трудом собранных из захваченных стран пленных, ремесленников и т. д.⁵ Сама река была важнейшим торговым путем, соединявшим русские земли с Золотой Ордой и богатейшими странами Востока и привлекавшим многочисленных предпринимателей, купцов, дипломатов и путешественников⁶. Следы этой активной деятельности получили отражение в самых различных видах археологических и письменных источников. К ним следует отнести многочисленные описания путешествий, хроники и летописи, портоланы, мировые карты и т. д. русского, восточного и западноевропейского происхождения.

Характерно, что во всех известных русских источниках (летописи, «хожения» и др.), содержащих сведения о Золотой Орде и смежных ее Казанском и Астраханском ханствах, а также Ногайской Орде до их присоединения к России, обнаруживается крайне мало данных о поселениях, существовавших на их территории. Лишь в немногих документах приводится перечень городов на территории

Волжской Булгарии (вошедшей в состав Орды), располагавшихся в низовьях Волги, или отдельные упоминания о них⁷. Например, в знаменитом описании путешествия Афанасия Никитина (вторая половина XV в.) из волжских городов (за пределами Руси) указаны только Казань, Орда, Услан и Берекезаны⁸. В материалах этого времени полностью отсутствуют сведения о существовании каких-либо населенных пунктов южнее «болгарских городов» по течению Волги и в районе Самарской Луки вплоть до волго-донской Переволоки. Только в «Казанской истории» встречается описание местности «на Волге, под Девичьими горами, до Змиева камня и до Увека», где вели промысел в 1520-х гг. «больше десяти тысяч рыболовов московских». Однако населенные пункты, существовавшие там, не называются⁹. Под «Увеком» подразумевается определенная местность и развалины исчезнувшего к этому времени золотоордынского города. Такое невнимание в русских средневековых источниках к многочисленным, достаточно крупным поселениям, возникшим во второй половине XIII – XIV вв., на волжских берегах объясняется, видимо, их второстепенным значением в социально-экономической и политической жизни Орды, а также спецификой написания самих документов.

Самарские краеведы оперируют определенным набором фактов, «выявленных» ими в русских средневековых источниках, и используют их для доказательства существования русской Самары уже в XIII–XV вв.¹⁰ Например, Е.Ф. Гурьянов пишет: «Так с 1361 по 1382 г. монголо-татары трижды захватывали русские «грады» и суда на Средней Волге. Эти события дают основание сделать вывод, что в то время Среднее Поволжье контролировали русские...»¹¹ Действительно, «грады» в период усобиц, охвативших Золотую Орду во второй половине XIV в., были разорены, и эти события нашли отражение в летописании того времени, но ни в одном источнике не говорится, что это были русские города. Не менее сомнительной является его попытка переместить упоминаемую в «Списке русских городов дальних и ближних» конца XIV в. среди «литовских городов» Самару к нам на Волгу¹². Использование весьма спорной, на наш взгляд, реконструкции Б.А. Рыбакова чертежа Московии 1497 г. для доказательства возможности существования в это время русского города в устье р. Самары также выглядит неубедительно¹³. Вряд ли имеет смысл останавливаться на общих исторических «рассуждениях» Е.Ф. Гурьянова. С точки зрения профессиональных историков, занимающихся этим периодом, они не имеют под собой сколько-нибудь действительно научных оснований.

К вопросу о дате основания Самары можно добавить также следующее известие. Самарский журналист В.А. Градский приводит свидетельство, впоследствии подхваченное другими авторами, некоего купца Кузьмы Петрова, который в конце XV в., проплывая на лодке по Волге, встретил, видимо, у устья р. Самары (?) русских вооруженных людей «боярской службы», за спинами которых «...за версту от воды была крепость. Стены бревенчатые, внутри часовня. Людей в ней было до ста»¹⁴. Каких-либо документальных подтверждений этому факту до настоящего времени в российских архивах не обнаружено. Вопрос о достоверности данного фрагмента и саму его публикацию, думается, следует оставить на совести автора.

И наконец, не имеет под собой никакой документальной основы и является всего лишь местным преданием сам факт встречи митрополита Алексия с отшельником в устье р. Самары и известного предсказания¹⁵. В русских источниках, современных жизни и деятельности митрополита Алексия и соответствующих времени последовавшей через столетие его канонизации (это событие вызвало появление «Жития...» и ряда других сочинений, посвященных Алексию), полностью отсутствует описание этой встречи.

Более информативными в отношении интересующей нас проблемы являются средневековые западноевропейские источники. Документы, содержащие какие-либо конкретные сведения об Орде, Средней и Нижней Волге, можно разделить на отдельные группы: например, описания путешественников, сочинения авторов, получивших информацию из вторых рук, картографический материал и т. д.

Конкретные сведения о Волго-Уральском междуречье появляются в Европе только с XIII в.¹⁶ Европейцы получили их из сочинений многочисленных путешественников к монголам — венгерских монахов-доминиканцев Юлиана, Рикардуса и других; дипломатов римского папы францисканцев Плано Карпини, Вильгельма Рубрука, итальянского купца Марко Поло и его близких (отца и дяди), многих других. Характерно, что большинство из них относится к XIII в. Следующее, XIV столетие представлено более скудно.

Поток информации возрос благодаря активной торговой деятельности европейских предпринимателей — генуэзцев, венецианцев, в меньшей степени флорентийцев (среди выходцев из этого города особенно следует выделить Франческо Б. Пеголотти и его труд «*Pratica della Mercatura*»)¹⁷, обосновавшихся в Крыму в принадлежавшей генуэзцам Кафе; в основанной в устье Дона венецианской колонии Тане и т. д.¹⁸ Пожалуй, наиболее полным, практически обобщившим все сведения о Среднем Поволжье и Прикамье явилось сочинение

венцианского купца и дипломата Барбаро Контарини, написанное им во второй половине XV в.

Однако практически ни в одном из известных нам описаний Среднего Поволжья и Прикамья, составленных западноевропейцами в середине XIII – первой половине XVI в., не удается встретить данных о существовании какого-либо поселения рядом с устьем р. Самары. Между тем таких описаний достаточно много и в них, прежде всего относящихся к концу XIII – XIV вв., нередко встречаются сведения о располагавшихся по берегам Волги городах Булгаре, Увек и других, не говоря уже о таких городах, как Сарай и Сарай ал-Джедид. Причем в подобных сочинениях упоминается стандартный, как правило, вышеперечисленный набор поселений. Например, в сочинении Гильома Рубрука из всех поселений, находящихся выше Переволоки (а он сам проехал этот путь), называются лишь «города Великой Булгарии», да «новый поселок (Увек на правом берегу Волги. – Э.Д.), который Татары устроили вперемежку из Русских и Сарацинов (под ними подразумеваются жители Волжской Булгарии, исповедующие ислам. – Э.Д.), перевозящих послов (через Волгу. – Э.Д.)»¹⁹. Николай и Матвей Поло, отец и дядя более известного нам Марко Поло, отпущенные из Болгара, судя по описанию пути, приходят сразу в Увек, минуя все остальные возможные поселения, совершенно не указанные в тексте²⁰. Таким же образом обстоит дело и с другими сочинениями, в которых крайне скупо дается описание золотоордынских городов²¹. От городов в низовьях Волги и вплоть до болгарских, на всем протяжении реки западноевропейцы упоминают только Увек. Причем характерно, что даже та сравнительно небольшая информация, которая содержалась в сочинениях западноевропейцев о городах на Волге в середине XIII – XIV вв., становится еще более скудной в их трудах более позднего периода, а именно XV – первой половины XVI вв. Исчезает Увек (Укек), практически не упоминаются «булгарские города»²². А вместе с тем именно в первой половине XVI в. появляются первоклассные, чрезвычайно информативные описания Восточной Европы, в том числе Поволжья и Приуралья, в сочинениях Сигизмунда Герберштейна и других авторов²³.

Особую группу источников представляет средневековая картография. Наиболее интересны для нас портоланы итальянских картографов – генуэзцев и венецианцев, которые через свои колонии в Крыму (Каффа и др.) и в устье Дона (Тана) получали достаточно подробную информацию о речных путях Восточной Европы, находящихся на них городах, поселениях и пристанях. К настоящему времени

выявлено значительное количество таких «карт портов», а также «карт мира» (*mapra mundi*), основанных на сведениях, содержащихся в них²⁴. Однако в подавляющем большинстве случаев и те и другие весьма схематично изображают Волго-Уральское междуречье. Лишь на немногих, в основном портоланах, достаточно точно показаны Волга, Урал, Кама, Каспийское море, важнейшие города Золотой Орды, нередко Увек и т. д. Но каких-либо сведений о других населенных пунктах по Нижней и Средней Волге они, как правило, не содержат.

Среди всего картографического массива европейского средневековья следует выделить немногие карты, прежде всего портоланы, на которых вполне очевидно наблюдается стилизованное изображение Самарской Луки (портоланы А. Дульцера 1339 г.²⁵ и братьев Пицигани 1367 г., карта из Каталанского атласа 1375 г., «анонимное портолано XIV в.» и карта Джовани Леардо 1452–1453 гг. по Д. Хафизову²⁶). Особо следует отметить две карты – портолан братьев Пицигани 1367 г. и карту мира Фра Мауро 1459 г., содержащие наиболее подробные сведения о городах и поселениях Золотой Орды, на которых на левом берегу Волги в устье одного из ее притоков указано поселение – пристань «*Samar*» («*Famar*», по Фра Мауро). Именно они, да еще карта из Каталанского атласа 1375 г. привлекли особое внимание отечественных исследователей и достаточно хорошо изучены²⁷. Но попытки перевести многочисленные конкретные обозначения и правильно их истолковать были обречены на неудачу из-за ошибочных методик, применяемых для изучения этих карт. Чаще всего исследователи, не разобравшись в особенностях работы средневековых картографов, способах использования ими терминологии и условных обозначений, для решения своих конкретных задач пытались выделить и истолковать несколько конкретных названий или определить содержательную сторону сравнительно небольшого участка карты. К тому же нередко исследователи, работая с картой Фра Мауро, используют не ее научные издания²⁸, а фрагмент «волжского» участка карты в упрощенной схематической версии саратовского автора Ф.Ф. Чекалина²⁹. Последний «упростил» карту, убрав из нее ряд, на его взгляд, «ненужных» деталей – надписей и т. д.; перевернул ее (на подлинной карте в соответствии с приемами средневековой картографии север находился внизу) и вдвое увеличил масштаб, тем самым сделал более удобной для читателя. Но, к сожалению, при передаче географических названий он допустил ряд ошибок и неточностей, как в орфографии, так и в использовании шрифтового оформления. Карта-версия Чекалина в силу сво-

ей доступности нашла широкое распространение у многих авторов из волжских городов, которые к его неточностям добавляли свое, нередко весьма произвольное, толкование географических названий и топографии. В отношении Самарского Поволжья примером такого подхода можно назвать работы Е.Ф. Гурьянова³⁰. В отечественной литературе наиболее удачной можно назвать исследование Ф.К. Бруна, который истолковал наиболее информативные карты (Каталанский атлас и портолан Пицигани) в их целостности, широко используя при этом работы других исследователей этой темы, прежде всего западных³¹. Хорошие результаты дал также комплексный подход к средневековой картографии, избранный В.Л. Егоровым в работе, посвященной исторической географии Золотой Орды³².

Нас интересуют в первую очередь те карты, на которых изображено поселение «Samar». Необходимо отметить, что работы братьев Пицигани и Фра Мауро при изображении конкретного региона Среднего и Нижнего Поволжья так значительно отличаются друг от друга, что возникает вопрос о том, насколько портолан 1367 г. послужил основанием для составленной почти столетием позже карты мира Фра Мауро. Вполне очевидно, что последний использовал для составления своей карты мира все имевшиеся в его распоряжении портоланы и карты и некоторые из них, по-видимому, содержали детальное изображение поселений-пристаней по Волге, в ряде существенных деталей отличавшееся от данных, приводимых Пицигани.

На портолане братьев Пицигани поселение «Samar» находится в устье безымянной реки, впадающей в Волгу слева при северной оконечности стилизованного изображения Самарской Луки как острова (лат. *isega*, т. е. «остров»). Характерно, что вокруг этого «острова» и рядом с ним показан целый ряд поселений (по левому берегу Волги, южнее «Samar» — *yolachi*, по правому берегу — *lochahi*, которое исследователи отождествляют с Увеком³³) и обозначений определенных местностей (по правому противоположному берегу Волги — *lotresor*, *casar de libocosi*, напротив поселения «Samar» — *lamaugam*). Отождествление этих и других обозначений на портолане с реально существовавшими во второй половине XIII — XIV вв. поселениями и городищами в окрестностях Самарской Луки не входит в задачи данной работы. Остановимся только на некоторых значимых для нас особенностях. География района всей Самарской Луки и местности, где располагается современная Самара, на портолане дана чрезвычайно схематично. Очевидно лишь, что поселение (пристань) «Samar» находилось на стрелке, образуемой Волгой и ее притоком (р. Самарой?), несколько севернее его устья. Характерно и то, что р. Самару

(если это именно она – ?) Пицигани указывают как первый приток Волги на левобережье с самых ее низовьев. Вполне очевидно, что точно локализовать местонахождение поселения «Samar» без серьезных археологических работ крайне трудно, если не невозможно.

Карта Фра Мауро, как и портолан братьев Пицигани, выделяется из всей совокупности картографического материала своей чрезвычайно информативностью по отношению к Поволжью и Приуралью. Вместе с тем ее фрагмент, на котором изображено Среднее Поволжье, в том числе и интересующий нас район, выглядит более фрагментарно и поверхностно, чем у Пицигани. Он лишь частично совпадает с изображением, указанным на портолане. Не показана Самарская Лука, а также большинство поселений и географических обозначений, ее окружающих. Однако левобережье Волги изображено более реалистично. В истолковании этого участка, по нашему мнению, более прав А.В. Булатов, считавший, что указанные три рукава одной крупной реки, впадающей в Волгу с востока, не что иное, как Большой Черемшан с находящимся в его устье поселением Sarabolon (к сожалению, А.Б. Булатов, будучи знаком со всеми основными изданиями карты Фра Мауро, для конкретного наполнения своей работы использовал ее версию, подготовленную Ф.Ф. Чекалиным. Поэтому географические названия мы передаем исходя из публикаций Santarem'a и Археографической комиссии): река Самара (flum: chocesu) с поселением Famar (скорее всего, это указанный у Пицигани топоним «Samar») и Иргиз (fl. hacsu zoe bianco) с поселением Lochahi (Увек – Укек), видимо, ошибочно указанным на левом берегу³⁴. Характерно, что напротив пункта «Famar» («Samar») на другом берегу Волги обозначено еще одно поселение – Calmusi sara, а напротив Lochahi – некое безымянное поселение. Ю.В. Варваровский и И.В. Евстратов, предпринявшие ревизию карты Фра Мауро в передаче ее Ф.Ф. Чекалиным, переводят название chocesu с тюркского как «Голубая Вода», а fl. hacsu zoe bianco – с тюркского и итальянского «р. Белая Вода или Белая»³⁵.

Повторим, что при изучении «самарского» участка этих двух карт создается впечатление, что они, совпадая, лишь частично, в большей степени дополняют одна другую. Возможно, портолан Пицигани и являлся одним из источников для Фра Мауро, но далеко не единственным и не основным³⁶. На наш взгляд, карта Фра Мауро отражает ситуацию, сложившуюся на востоке Европы, до начала походов Тимура (до 1391 г.), то есть для данного региона к моменту своего появления, поэтому она выглядит устаревшей почти на 70 лет.

Данные этих двух источников позволяют уверенно заявить о том, что по обоим берегам Волги от устья Иргиза до Большого Черемшана, в том числе и в районе Самарской Луки, во второй половине XIII — XIV вв. существовало значительное количество поселений. Среди них появляется некое поселение (пристань) «Samag» («Fama») в устье р. Самары. Однако четко локализовать его с помощью данных этих карт, как это, например, пытался сделать в своих работах Е.Ф. Гурьянов, практически невозможно. Несомненно, что сведения о многочисленных поселениях в районе Самарской Луки и устья Самары для составления портоланов Пицигани и других картографов, работы которых послужили основанием для карты Фра Мауро, были получены от информаторов, очень хорошо знавших этот район с его сравнительно небольшими населенными пунктами, возможно, какое-то время живших здесь. Археологические материалы, на которых мы остановимся несколько ниже, дают сведения именно о такого рода поселениях.

Более поздняя европейская картография (сложившаяся после появления карты Фра Мауро) конца XV — первой половины XVI в. (карты Мартина Вальдзеемюллера 1516 г., Баттиста Аньезе 1525 г., Герарда Меркатора 1538 г., Сигизмунда Герберштейна 1546 г., «Новая карта Московии» 1548 г.³⁷ и другие) при изображении Восточной Европы основывалась на иных источниках. Она базировалась, как правило, на сведениях русских или западноевропейцев, побывавших в России, но имевших довольно смутное представление о ситуации, сложившейся на Волге ниже южных границ Казанского ханства. Все волжские города ниже устья Камы вплоть до Астрахани оказались к этому времени запустевшими и практически перестали существовать. По крайней мере, картографические данные указывают только на существование Казани и Астрахани. Европейцев в это время привлекало быстро растущее Московское государство³⁸. Основная территория бывшей Золотой Орды уже не являлась объектом торгово-промысловой экспансии, не представляла для них политического или экономического интереса. В конце XIV — середине XV в. для Генуи и Венеции резко снижается значение восточной торговли, их колонии в Крыму и устье Дона постепенно приходят в упадок, а к последней трети XV в. практически перестают существовать.

Обратимся еще к одному возможному источнику по интересующему нас вопросу, а именно к средневековой восточной литературе и картографии. В них ниже городов Волжской Булгарии, на пограничье Средней и Нижней Волги указан только Увек (Укек). У персидских авторов особое внимание уделено войнам Тимура и Тохтамыша.

В повествовании Низам-ад-дин Шами о разгроме Тимуром войск Тохтамыша говорится о том, что Тимур «...дошел до области Укек. По пути он перебил множество врагов и прижал вражеский Иль к берегу моря. С этой стороны были блестящие мечи, с той — безбрежное море, а враги пойманы между двух бед. Большую часть области врагов взяли (в плен), а некоторые, боясь мечей, бросились в воду. Токтамыш-хан с небольшим числом людей бежал, вошел в лес и спасся из их когтей. Разграбив всю ту область, (войска) взяли много добычи». Об этих же событиях в районе Укека говорится и у Шереф-ад-дин Йезди. При описании улуса Джучи область или город Укек упоминается среди прочих также в «Анониме Искендера», «Истории Вассафа», у Гаффари³⁹. Из арабских авторов можно назвать Эломари, который, описывая территориальный состав Орды, в составе других областей перечисляет и Укек⁴⁰. Характерно, что, несмотря на встречающееся в ряде сочинений описание отдельных областей или городов Орды, ни Самарская Лука, ни окружающие ее поселения не попали в сферу внимания арабских, персидских и прочих путешественников, географов и т. д.

Подведем итоги этому краткому обзору состояния письменных источников. Из всей их совокупности в пользу наличия в устье реки Самары некоего поселения S(F)амаг свидетельствуют только данные итальянской картографии. Соглашаясь с тем, что оно действительно существовало, отметим следующее. Наверняка оно было основано ордынской администрацией, так как именно ордынцы полностью контролировали с середины XIII в. и вплоть до второй половины XIV в. все процессы на волжском побережье, тем более в зоне кочевых маршрутов Заволжья.

К сожалению, крайне сложно сопоставить «Самар», указанный на портолане и карте итальянцев, с каким-либо из археологических памятников, выявленных на территории, занимаемой современным нам городом. Судя по всему, это было достаточно крупное поселение. Если его интерпретировать как «город», то должны были сохраниться следы крупных культовых и общественных сооружений, многочисленный вещевой материал. Они обязательно выявились бы при застройке в XVII–XX вв. городской территории, а также в результате ветровой и водной эрозии почв. Однако отдельные находки, собранные к настоящему времени, единичны, локальны и не свидетельствуют о наличии в устье р. Самары существовавшего длительное время крупного населенного пункта. Может быть, следует идентифицировать «Самар» с Барбашинским селищем (и могильником), располагавшимся в районе Барбашиной поляны? Оно, судя по архе-

ологическим исследованиям 1930-х гг., было создано в основном мордвой – мокшей и эрзей. Но если Барбашинский могильник изучался и о его размерах и культурной принадлежности можно составить определенное представление, то о поселении, которое, несомненно, должно быть весьма крупным, данных почти нет⁴¹. Отдельными исследователями высказывается предположение, что население Барбашинского селища было полиэтничным, причем определенную часть его составляли русские. Этот археологический памятник вполне можно включить в совокупность городищ и поселений, относящихся к XIII–XIV вв., которых так много существовало на территории Самарской Луки и в ее окрестностях. Однако поздние слои, относящиеся к XV–XVI вв., на них не выявлены. Пытаясь определить причины такого массового складывания постоянных поселений в начальные период формирования Орды, исследователи, как правило, приходят к выводу, что их создавали сами монголы, пригоняя и селя в местностях, стратегически важных для Орды, мордву, болгар, русских и т. д. Главная задача таких поселений состояла в обслуживании Волжского транзитного пути.

В Золотой Орде широко использовался труд покоренного населения, и массовый угон в рабство русских, болгар, представителей других народов был обыденным явлением. Целые кварталы со славянским населением были в ряде городов Золотой Орды⁴². Самарская Лука и ее окрестности на Волжском пути имела для монгольской знати чрезвычайное значение. Вокруг всей Самарской Луки по Волге и ее притокам в золотоордынскую эпоху сложился ряд населенных пунктов, в том числе и достаточно крупных. К ним можно отнести Междуреченское (здесь и далее используются современные названия, закрепившиеся в процессе археологических исследований), располагавшееся между современными селами Переволока и Печерское на правом берегу Волги, и Костычевское городища (на территории г. Октябрьск); селища у с. Березовки, Комаровки, Лбища, Печерских Выселок; Муранский могильник, Кануевское селище и т. д.⁴³ В результате работ 2007 г. археологами было открыто подобное поселение в районе Малой Рязани⁴⁴. Характерно, что, по данным археологических раскопок, состав населения всех этих памятников был полиэтничным и определенную часть составляли русские, вероятно, угнанные в плен и использовавшиеся в качестве рабочей силы. Отдельные археологические находки, обнаруженные на территории современной Самары, свидетельствуют о том, что здесь останавливались на кратковременные стоянки, а может быть, были также поселены на сравнительно недолгое время русские люди⁴⁵. Местонахож-

дение значительного количества сравнительно небольших поселений в одном локальном районе Самарской Луки и ее окрестностей предполагает наличие здесь центра провинции, достаточно крупного (типа Увека — Укека) города Золотой Орды. Однако данных в пользу того, что это мог быть «Samag», у нас нет.

Неизвестно, кто жил в «Samag'e», но по аналогии с другими археологическими памятниками района Самарской Луки конца XIII — XIV вв. можно считать, что его население было полиэтническим и состояло из кипчаков, болгар, мордвы, русских и представителей других народов Восточной Европы.

Распад Золотой Орды, постоянные усобицы, походы Тимура в Среднее Поволжье привели к запустению и гибели многих поволжских «городов», в том числе, видимо, и «Samag», сведения о существовании которого в данный период отсутствуют.

Однако в самарском и саратовском Поволжье и в эти тревожные годы время от времени возникали сезонные поселения рыболовов. Первое упоминание о действительно крупных русских сезонных рыболовецких промыслах в Южном Средневожье встречается под 1521 г. в «Казанской истории». Изгнанный из Казани хан «Шигалей» (Шах-Али) в 1521 г. между Самарской Лукой и «Увеком» встретил русских рыбаков, которые вместе с ним, опасаясь погони, ушли степью на запад в сторону рязанских окраин⁴⁶. Эти и другие данные свидетельствуют, что в первой половине XVI в. волжские воды от Самарской Луки (под средневековыми Девичьими горами подразумеваются различные местности на правобережье Волги: отроги Жигулей, примыкавшие с востока к устью р. Усы, или возвышенность, расположенная несколько ниже Хвалынска) и почти до возникшего позднее Саратова являлись крупным промысловым районом. Русские «рыболовы» в течение промыслового сезона, несомненно, должны были создавать для себя в укромных, скрытых от глаз кочевников местах временные поселения, станы и т. д. По всей видимости, они могли появляться и в районе Самарского урочища.

***

Материалы, связанные со строительством Самары и ее начальной историей, показывают, что крепость возникла на пустынном месте. Совершенно отсутствуют сведения о наличии в окрестностях Самарского города следов городищ, старинных валов (кроме оставшихся от крепостей 1586 г. и начала XVIII в.), остатках других сооружений, вымытых течением реки монетах, вещах и т. д. Нет таких данных и в «Книге Большому Чертежу»⁴⁷. Можно лишь предположить, что в

окрестностях Самары существовали в конце XVI в. некая пристань и временное поселение-зимовье.

К сожалению, не осталось описания, подготовленного специалистами Разрядного приказа, выбиравшими место для строительства нового города. Такие описания, сохранившиеся при основании других русских укрепленных пунктов, дают достаточно подробную информацию о характере местности, наличии лесов, оврагов, старинных валов и т. д.

В последующей истории Самары XVII – начала XX вв. в делопроизводственных материалах местной администрации, межевых и писцовых описаниях, документах о рыболовных угодьях, записках путешественников, руководителей научных экспедиций, археологических и исторических обследованиях и других источниках также не содержится сведений о наличии в «устье р. Самары сколько-нибудь значительного поселения городского типа, существовавшего в «золотоордынскую» и «постзолотоордынскую» эпохи⁴⁸.

Поселение «Samar» вплоть до настоящего времени является исторической загадкой, обозначенной пока только на портолане братьев Пицигани и карте мира Фра Мауро. Не отрицая факта его существования в эпоху Золотой Орды, можно уверенно говорить о том, что к концу XIV в. «Samar» был заброшен или разрушен и впоследствии не восстановился ни в форме ордынского, ни русского населенного пункта. Думается, что следует расширить территорию его поисков на все пространство волжского левобережья от современной Самары вплоть до местонахождений «перевозов», то есть на всю ту местность, которая в средневековых источниках обозначалась через топоним «Самара», «Самарский». При этом особый интерес представляет археологическое изучение Кануевского поселения и других памятников эпохи Золотой Орды.

На данный момент анализ известной нам источниковой базы позволяет заявить, что между поселением «Samar» и «Самарским городом», основанным в 1586 г., установить прямую генетическую связь практически невозможно. Отметим, что местные краеведы, несмотря на соблазн такого сопоставления, ни разу не попытались прямо об этом заявить вплоть до вышеуказанных статей М.Н. Матвеева. Однако в истории изучения других поволжских городов такие попытки не однажды случались. Например, в 1890 г. саратовский исследователь Ф.Ф. Чекалин высказал идею, что русский Саратов был фактически преемником золотоордынского Сары-тау, являвшегося одним из становищ Батыя, указанным в 1253 г. Г. Рубруком⁴⁹.

На наш взгляд, поиски поселения «Samar», других городов и поселений Золотой Орды на Волге и в районе Самарской Луки далеко не закончены. Но для этого необходима серьезная длительная работа по расширению документальной базы и ее углубленному источниковедческому анализу, обследованию левобережья Волги не только в черте современного города, но и на всем пространстве, включаемом в понятие «Самарский перевоз».

Примечания

¹ Выводы этой статьи, изданной нами в несколько ином формате в 2007 г. (см.: Дубман Э.Л. До русской крепости (поселение «Samar» и «Самарское урочище» в XVI–XVI вв.) // Самара: от прошлого к настоящему: сб. ст. учащихся самарских школ и ученых-историков. Самара, 2007. С. 227–253), в определенной степени перекликаются с результатами исследования В.А. Кучкина (см.: Кучкин В.А. «Samar», Самара и поволжские города в XIII–XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 3 (49). С. 69–85.

² В конце XVI – начале XVII в. чаще употреблялись первые две формы. После завершения Смуты преобладает название «Самара». См.: Летописный отрывок о постройке городов в Московском государстве // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 231; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1686. Д. 13. Л. 38–40, 55, 60, 65–66; 1587. Д. 1. Л. 5, 13–17; 1587. Д. 4. Л. 17; Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Л., 1932. С. 102; и др.

³ Брун Ф.К. Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия // Записки императорского Новороссийского университета. 9. II. Часть ученая. Одесса, 1873. Карты; Багров Л.С. Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря. СПб., 1912. № 16; Булатов А.Б. Среднее Поволжье на трех картах мира, составленных в XIV–XV вв. венецианцами и испанцем // История и культура Чувашской АССР: сб. ст. Вып. 2. Чебоксары, 1972. С. 396–399.

⁴ Матвеев М. Сколько лет Самаре? Почему исчезли два века истории города // Самарские известия. 2005. 13 октября.

⁵ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 94–95.

⁶ См., например: Великий Волжский путь: мат-лы круглого стола и междунар. науч. семинара. Казань, 28–29 августа 2000 г. Казань, 2001; Великий Волжский путь: История формирования и развития: мат-лы круглого стола «Великий Волжский путь и Волжская Булгария» и Междунар. научно-практич. конф. «Великий Волжский путь», Казань – Астрахань – Казань, 6–16 августа 2001 г. Ч. II. Казань, 2002.

⁷ См., например: Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986. С. 5–6, 18, 32–33; Казанская история. М.; Л., 1954.

⁸ Хождение за три моря Афанасия Никитина. С. 5, 18, 33.

⁹ Казанская история. С. 66.

¹⁰ Наиболее полная попытка их систематизации и интерпретации приведена в работах самарского краеведа Е.Ф. Гурьянова. В последнее время без каких-либо дополнительных аргументов основные положения Гурьянова были повторены М.Н. Матвеевым. См.: Матвеев М. Сколько лет Самаре? Почему исчезли два века истории города.

¹¹ Гурьянов Е.Ф. Древние вехи Самары: Очерки истории градостроительства. 2-е изд., перераб. и доп. Куйбышев, 1986. С. 26. Весьма любопытна логика рассуждений автора, которую можно проследить еще по одной его работе. Гурьянов приводит цитату из Никоновской летописи «Булаг Темир, князь Ордынский, болгары взял, и все грады по Волзе и улусы поимал, и отнял весь Волжский путь» (ПСРЛ. М., 1965. Т. 9. С. 233–234), без каких-либо оснований утверждая, что эти «грады» были русскими. См.: Гурьянов Е.Ф. Как начиналась Самара // Самарский краевед. Куйбышев, 1990. С. 17.

¹² Гурьянов Е.Ф. Как начиналась Самара. С. 19. Характерно, что никто из серьезных отечественных исследователей «Списка...» не отважился на такие умозаключения. См., например: Тихомиров М.Н. Список русских городов дальних и ближних // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979; Янин В.Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998. С. 61–70; др. работы.

¹³ Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. М., 1974. С. 39; Гурьянов Е.Ф. Древние вехи Самары: Очерки истории градостроительства. С. 27.

¹⁴ Градский В.А. Самара в прошлом, настоящем и будущем. Самара, 1933. С. 3.

¹⁵ История возникновения этого предания и его бытования рассмотрена в следующей статье: Дубман Э.Л. Начало православной Самары // Самарский земский сборник. 2005. № 2(10). С. 16–18.

¹⁶ Гекеньян Х. Западные сообщения по истории Золотой Орды и Поволжья 1223–1556 // Источниковедение истории улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани 1223–1556. Казань, 2002. С. 85.

¹⁷ На русском языке отрывок из сочинений Пеголотти опубликован в следующем издании: Купцы и миссионеры Западной Европы в Кульдже 1330–1340 // Арабески истории: альманах. Вып. 5–6. «Каспийский транзит». Т. 1. М., 1996. С. 133–141.

¹⁸ Историю Таны и деятельности венецианцев см., например, в статье: Скржинская Е.Ч. Между Газарией и Персией. История венецианской колонии в России // Арабески истории: альманах. Вып. 5–6. «Каспийский транзит». Т. 2. М., 1996.

¹⁹ Рубрук де Гильом. Путешествие в восточные страны // Путешествие в восточные страны Полоу Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 118, 230.

²⁰ Книга Марко Поло. Сер.: Путешествия. Открытия. Приключения. Алма-Ата, 1990. С. 39.

²¹ Мы благодарны А.В. Пачкалову за сведения об исследовании Д. Девиза о Золотой Орде. См.: DeWeese, D., Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles abd Conversation to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park, Pennsylvania, 1994. Здесь сообщается о работе некоего Abu Bakr Qalandar об известных суфиях (работа была написана в 1320–1330-е гг. в Крыму). Этот труд был переписан в 761 г.х. Shaykh Bayazid al-Samarini. Это, по мнению Д. Девиза нисба, последнего из этих авторов, «может указывать на город Самару в Поволжье» (DeWeese D., 1993, p. 124). Думаю, что это всего лишь предположение.

²² См. сочинения европейцев, опубликованные в сб.: Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997; Контарини, Амброджо. Хождение в Персию // Арабески истории: альманах. Вып. 5–6. «Каспийский транзит». Т. 2. М., 1996; Франческо да Колло. Итальянец в России XVI века. Доношение о Московии. М., 1996; Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936; и др.

²³ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.

²⁴ Nordenskiöld A.E. Periplus. Stockholm, 1897; Lelewel J. Geographie du mouen aye. Bruxelles. 1850; В последние годы поиском и анализом таких карт для казанского Поволжья занимаются историки из Татарстана. См., например: Хафизов Д. Казань на географических картах XIV – начала XVII веков. Краткий обзор // Средневековая Казань: возникновение и развитие: мат-лы междунар. науч. конф. Казань, 1–3 июня 1999 года. Казань, 2000. С. 151–172.

²⁵ Егоров В.Л. Указ. соч. С. 136.

²⁶ Там же. С. 161, 165

²⁷ См., например: Багров Л.С. Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря. СПб, 1912; Брун Ф.К. Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия; и др.

²⁸ Исследователи, как правило, ссылаются на публикации карт в следующих изданиях: Santarem. Atlas composé de mappemondes et de cartes hydrographiques et historiques depuis le XI-e jusqu'au XVII-e siècle, pour la plupart inédites. Paris, 1842; Gasparrini Leporace. Mappa mondo di Fra Mauro. Roma, 1956; Stipa G.J. Finnisch-ugrische Sprachforschung von der Renaissance bis zum Neupositivismus. Helsinki, 1990; и др.

²⁹ Чекалин Ф.Ф. Нижнее Поволжье на карте космографа XV века Фра Мауро // Труды СУАК. Т. 2. Вып. 2. Саратов, 1890. С. 247–251.

³⁰ Гурьянов Е.Ф. Древние вехи Самары: Очерки истории градостроительства. С. 19, 24; Его же. Как начиналась Самара. С. 16.

³¹ Брун Ф.К. Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия.

³² Егоров В.Л. Указ. соч.

³³ Брун Ф.К. Указ. соч. С. 12–13; Егоров В.Л. Указ. соч. С. 132.

³⁴ Булатов А.Б. Среднее Поволжье на трех картах мира, составленных в XIV – XV вв. венецианцами и испанцем. С. 399. В работах самарского краеведа Е.Ф. Гурьянова приводится несколько иное толкование этого участка, а именно: он считает, что «Samar» находился на северном рукаве р. Самары, а второй более южный, который мы трактуем как Иргиз, на самом деле является вторым рукавом Самары. См.: Гурьянов Е.Ф. Древние вехи Самары... С. 24; Его же. Как начиналась Самара. С. 16.

³⁵ Варваровский Ю.В., Евстратов И.В. О тождественности передачи Ф.Ф. Чекалиным карты Фра Мауро 1459 г. // Древности Волго-Донских степей: сб. науч. ст. Вып. 6. Волгоград, 1998. С. 176.

³⁶ Волков И.В. Золотая Орда и христианский мир (археологические свидетельства исторических явлений) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2001. № 4. С. 19

³⁷ Хафизов Д. Казань на географических картах XIV – начала XVII веков. Краткий обзор. С. 155.

³⁸ См., например: Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XVI – начала XVI века.

³⁹ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л., 1941. С. 121, 127, 171–172, 178, 185, 211.

⁴⁰ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 236.

⁴¹ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000. С. 297, 301; Ключникова Р.Ф. Археологические изыскания К.П. Головкина // Краеведческие записки. Вып. VII. Самара, 1995. С. 199–202.

⁴² Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 130–131.

⁴³ Зубов С.Э., Матвеева Г.И., Приказчиков С.И. Междуреченское городище // Краеведческие записки. Вып. VII. Самара, 1995. С. 208–225; Васильева И.Н. Болгарский керамический комплекс Междуреченского городища // Там же. С. 226–255; Кочкина А.Ф., Пачкалов А.В. Монеты XIV в. с поселения Лбище // Краеведческие записки. Вып. XII. Самара, 2005. С. 99–106; Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Находки предметов религиозных культов на памятниках Самарской Луки // Там же. С. 107–116; Зубова О.В. Архивная находка. История открытия и исследования Муранского могильника в XIX – XX вв. // Там же. С. 6–14; др. работы.

⁴⁴ Исследования экспедиции Самарского областного историко-краеведческого музея под руководством Д.А. Сташенкова и А.Ф. Кочкиной.

⁴⁵ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. С. 297, 301–309.

⁴⁶ Казанская история. С. 66.

⁴⁷ Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950. С. 140–143.

⁴⁸ В этом отношении особый интерес представляет картотека сведений, собранных известным краеведом, общественным и культурным деятелем Самары конца XIX – начала XX в. К.П. Головкиным. Он проанализировал значительное количество карт и планов города конца XVIII – XIX вв., большинство из которых к настоящему времени утрачены. Ни они, ни многочисленные документы, также изученные Константином Павловичем, совершенно не содержат данных о наличии в окрестностях уездной и губернской Самары поселения «Samag». См.: Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 815. Оп. 2. Д. 1, 2–9.

⁴⁹ Чекалин Ф.Ф. Саратов на левом берегу Волги и время перенесения его на правый берег // Труды VIII археологического съезда в Москве. М., 1897. Т. III. С. 57–59;.

«НА ВОЛГЕ ЖИТЬ – ВСЕ ВОРАМИ СЛЫТЬ»: СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ВОЛЖСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Эти слова из старинной казачьей песни хорошо отражают ситуацию, сложившуюся на Юго-Востоке Европейской России в середине – второй половине XVI в. Присоединение к Московскому государству новых территорий совпало со временем становления на рубежах с кочевыми соседями особой социальной общности – казачества. Крушение Казанского и Астраханского ханств, ослабление и распад Ногайской Орды, запустение былых кочевий способствовали возникновению на обширном лесостепном пространстве полосы «ничейной» земли, на которую не распространялась власть ни московских властей, ни кочевой знати. В этих относительно пустынных районах скапливались, по образному выражению Л.Н. Гумилева, «люди длинной воли», уходившие от крепостного гнета, жесткой государственной регламентации.

В начале своего становления вольные казаки были в основном выходцами из кочевых сообществ. Казаками называли отряды татарской вольницы и даже мурз с улусами, ушедших из-под власти своих правителей¹. Не вызывает сомнения, что термины «казак», «есаул», «атаман», «кош» и многие другие, ставшие впоследствии определяющими для русского и украинского казачества, возникли в татарской (тюркской) среде. В первой половине XVI в. о казаках Дикого Поля наиболее точно писали московские власти, когда отвечали на упреки своих кочевых соседей: «...на Поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаков, а и наших украин казаки с ними ж, смешався, ходят, и те люди как вам тати и разбойники, и на лихо их никто не учит, а учинив которое лихо, разъезжаются по своим землям»². В русских источниках того времени упоминаются, как правило, «мещерские» казаки. Это были в основном перешедшие на службу Москвы татары³. В 1551 г. посол в Ногайскую Орду П. Тургенев докладывал о письме «турского царя» к Исмаилу, в котором тот писал: «Да царя же деи Ивана казаки у вас Волги оба берега отняли ...пришед, городетцкие казаки в улусы ваши воевали...» Но и «государевы» казаки нередко вели себя, как не подчинявшаяся никому вольница. Русский посол Савастьян (Авраамов) сообщал из Астрахани: «А гости, государь, многих земель хотели с

нами в Казань и к Москве ити. И они, государь, блюдутца государя нашего казаков». Одно из самых ранних упоминаний о появлении казачьих отрядов на Средней Волге относится к 1551 г., когда тот же Савастьян жаловался, что на его караван «против Иргизского устья, в стругах пришел князь[?] Василий Мещерский да казак Личюга Хромой, путивлец»⁴.

В Казанском «взятии» значительную часть московской армии составляли казаки. Судя по Патриаршей (Никоновской) летописи, в походе на Казань в 1552 г. они входили в отряды, направляемые из многих русских городов: «А из Новагорода из Нижнего велел государь итти изгоном на Казаньской посад князю Петру Серебряному, а с ним дети боярские и стрельцы и казаки... да сверху Волгою государь прислал многих казаков, а велел стати по всем перевозом...»⁵ Но самый значительный отряд казаков пришел к Казани из Мещеры: «А из Мещеры послал государь Подем пеших казаков на Волгу Севергу да Елку, а с ними 2500 казаков, а велел им, пришедши на Волгу, суды поделати да пойти вверх по Волге воевати Казаньских мест»⁶. Во всех этих случаях речь идет прежде всего о государевых казаках — служилых татарах и других. Характерно, что казаки Северги до похода на Казань в 1551 г. использовались Москвой для организации переправ через Волгу в районе р. Самары⁷.

То же самое можно сказать и о походах русских войск на Астрахань в 1554 и 1556 гг. Но именно с этого времени в источниках все чаще появляются сведения о «воровских» казаках. Как раз для борьбы с ними на волжскую Переволоку и «против Самарского устья» были посланы отряды Л. Филимонова и С. Кобелева («А велели есмь с Волги казаков всех сослати, чтоб вашим улусом обиды не было. А которые казаки с Волги не пойдут, и мы тех велели, изымав, казнити»)⁸. О многочисленности и силе вольницы свидетельствует то, что они смогли разгромить служилых казаков Филимонова, а затем ограбили судовую рать Е. Ржевского, шедшую из Астрахани⁹.

После присоединения Казани в дипломатических отношениях между биями Ногайской Орды (Большой Ногайской) и Москвой упоминания о казачьей вольнице на Волге становятся постоянными. С этого времени поток беглых с севера начинает преобладать, и вскоре подавляющее большинство казаков составляли выходцы из России и Украины. На территориях фронта — пограничья возникает и интенсивно развивается своеобразная «речная», а не степная, как раньше, вольница. Местами ее обитания становятся крупнейшие реки Юго-Востока — Дон, Волга, Урал (Яик), Терек. «Русские» казаки крайне редко садились на коня. В первом же конном бою с кочев-

никами они потерпели бы поражение. Главным средством передвижения для вольницы стали струги, челны, чайки, а основные пути сообщения пролегли по рекам. Казачьи станицы прятались на речных островах и лесистых мысах; оседали в труднодоступных местах. Заниматься привычным по прошлой жизни земледелием они не могли — засеянное поле, постоянное жилье находились под угрозой нападения кочевников. Поэтому ловили рыбу, охотились; промышляли набегами, грабили своих кочевых соседей, торговые караваны. Такие разбойничьи предприятия становятся частью хозяйственной жизни вольницы, способом выживания в чрезвычайных условиях фронта. В 1604 г. бий Большой Ногайской Орды Иштерек писал Борису Годуну: «Токо бы казаки на улусы приходили сухим путем, и он бы над казаками умел промышляти. А то де казаки приходят на них водяным путем, в розни многими людьми... а на воде над ними промыслу никоторого не умеет учинить... И быть им (ногаям. — Э.Д.) от казаков в великом разоренье. А уберечись от казаков никоим обычаем нельзя, потому что казаки многие. А приходят разными протоками и многими людьми, по двести и по триста и более человек»¹⁰.

Как правило, в дореволюционной отечественной литературе вольный казак XVI—XVII вв. показан анархической «антигосударственной» фигурой¹¹. Но это мнение не совсем соответствует исторической действительности. Полная лишений и опасностей жизнь способствовала воспитанию свободолюбия, воинских качеств. Казачьи общества, создав свою альтернативную систему самоуправления, оказались в течение длительного времени невосприимчивыми к «нормальному» «огосударствленному» строю жизни, упорными в защите своих порядков. Крупнейшие социальные кризисы XVII—XVIII вв., в которых вольное казачество, как правило, играло ведущую консолидирующую роль; отечественные и зарубежные исследователи нередко классифицируют как борьбу окраин против центра¹². Появление вольного казака на «государевой земле» зачастую приводило к конфликтам. В силу своего положения и образа жизни казачество гораздо острее чувствовало любое социальное насилие и ожесточенно сопротивлялось ему. По мнению Н.И. Никитина, длительное время до второй половины — последней четверти XVII в. взаимодействие русского правительства и казаков выражалось в форме, более похожей на отношения между независимыми самостоятельными государствами¹³. Однако это была только внешняя сторона. Несмотря на то что вольница всеми силами защищала свою независимость и внутреннее самоуправление, во все времена она не могла выжить без сотрудничества с Москвой, «присылок» «хлеба, свинца, зелья».

Казачество, хотя и завуалированно, едва ли не с самого своего появления состояло на государственной службе. Но эта служба была своеобразная¹⁴. Хотел — служил, хотел — воевал; не желал — уходил в свою станицу домой.

Вольные казаки в «оплату» за боевые припасы, снаряжение и продовольствие должны были беречь перевозки на Волге, служить проводниками и разведчиками, не допускать кочевников на русские окраины. Обычными для взаимоотношений центра и казачества были грамоты, в которых последним предписывалось перевозить через Волгу ногайских послов, гонцов и даже воинских людей³⁹. Казачество в глазах Москвы являлось беспокойной, трудной, но все же управляемой силой, которая могла надежно сдерживать агрессивные намерения кочевников. Однако вольница то и дело выходила за отведенные ей рамки поведения; ее члены считали себя полностью самостоятельными, свободными людьми. В Посольском приказе дипломаты постоянно делили казаков на «прямых» — послушных и «пришлых» — чинивших разбой. Но так уж получалось для ногаев и крымцев, что даже «прямые» казаки то и дело выходили из-под московского контроля.

По-настоящему заметным явлением в русском средневековом обществе вольное казачество становится только с начала XVII в. Об этом позволяют судить различные материалы, в том числе и свидетельства иностранцев, бывших в Московии или писавших о нашей стране. Именно их сочинения являются своеобразным индикатором, показателем присутствия казачества и степени его влияния на общественную жизнь страны. Авторы первой половины XVI в. (М. Меховский, А. Кампенский, И. Фабри, П. Иовий I, С. Гербершттейн и другие) ничего не знают о казаках, хотя много пишут о крымцах, казанцах, ногаях и т. д.¹⁵ В этом нет ничего странного, так как русской казачьей вольницы в то время еще не существовало. Только в сочинениях англичан, совершивших в течение 1558–1581 гг. семь экспедиций на Восток через всю Россию от Белого моря до Каспия, можно найти отдельные упоминания о казаках. Весной 1572 г. отряд казаков захватил английский корабль в Каспийском море¹⁶. Однако сами англичане не видят в таком нападении ничего особенного. Для них это было частное событие, не более того. В записках агентов Английской Московской компании можно встретить описание нескольких случаев, когда экипажам кораблей приходилось отбивать нападения ногаев и других «татар». Даже когда Х. Бэрроу во время своего путешествия в 1579–1581 гг. перечислил 6 стрелецких «караулов» между Переволокой (волго-донской) и Астраханью, он не указал, против кого они были устроены¹⁷.

В более поздних, относящихся к последним десятилетиям XVI в., сочинениях А. Поссевино, Д. Горсея и, прежде всего, Дж. Флетчера¹⁸ совершенно отсутствуют указания на казачью вольницу. Нет сведений о них и в записках Х. Персидского, в течение 2 месяцев 1599 г. добравшегося от Астрахани вверх по Волге. При этом автор свидетельствует, что из Астрахани караван судов, с которым он плыл, сопровождала весьма многочисленная охрана¹⁹.

Только события начала XVII в. буквально перевернули представления западноевропейцев о казачьей вольнице. В сочинениях И. Массы, П. Петрея, Ж. Маржерета и других эта социальная группа выходит на авансцену российской истории, становится одним из главных акторов Смутного времени. Голландец И. Масса писал о времени Лжедмитрия I: «...многие купцы из Астрахани, жаловавшиеся, что на Волге повсюду полно разбойников, все казаки, которые грабят суда... и убивают людей»²⁰. По свидетельству француза Ж. Маржерета, число служилых казаков по всей стране составляло от пяти до шести тысяч человек, в то время как «настоящие казаки, которые держатся в татарских полях вдоль таких рек, как Волга, Дон, Днепр и другие», насчитывали никак не менее 8–10 тысяч человек²¹.

Во второй половине XVI в., когда крупные казачьи сообщества на Волге, Доне и Яике только-только начали складываться, такого обособления, как в более поздние времена, на донское, волжское, яицкое казачество не существовало²². Соединенные сетью волоков-переволок, как их тогда называли, эти три речные системы в пределах степи и лесостепи (к ним стоит добавить и р. Терек) оказались колыбелью для возникновения единого ареала вольного казачества. До конца XVI в. московские приказные люди постоянно путались в терминологии, чаще всего употребляя такие названия для казаков, как волжские и донские. Да и сами казаки считали все обширное лесостепное пространство от Яика до Дона своей единой родиной. Только в самом конце века, когда правительство, обеспокоенное столкновениями и грабежами на Волге, поставило в ее среднем и нижнем течении города-крепости, эта целостная казачья область оказалась насильно разорванной. Формирование крайних ее крыльев на Дону и Яике пошло обособленно, на Волге вольное казачество вскоре прекратило свое существование. Но еще долго казачьи станицы «ходили» друг к другу в гости, а Волга оставалась общим излюбленным местом для поиска добычи. Нередко сюда забредали даже отряды черкас — украинских казаков.

Своеобразие так и не сложившейся в отдельную казачью область волжской вольницы заключалось в том, что она формировалась в

пространстве, каждый летний сезон привлекавшем десятки тысяч людей. Казачья вольница представляла собой вершину своеобразного социального «айсберга», состоящего из разных категорий рабочих людей, занятых на волжском судоходстве и промыслах. Многие из них могли спокойно переходить от мирной трудовой деятельности к грабежам и разбоям, а затем легко возвращаться в прежнее состояние²³.

Помимо Астраханского Понизовья и волго-донской Переволоки, одним из центров складывания русского казачества становится территория Самарско-Саратовского Поволжья. Важным условием для этого явилось наличие двух речных систем – Самары и Большого Иргиза, по которым через волоки можно было легко добраться с Волги на Яик и обратно. В одном из документов того времени так описывается дорога с Яика на Волгу: «...с Еика на Иргинские вершины да вниз по Иргизу, а Иргиз река пришла в Волгу с левые стороны...». Здесь как бы замыкались два громадных водных кольца, позволявших казакам легко уходить от погони и внезапно появляться для новых набегов. Одно из них – вокруг Самарской Луки, где в районе современного с. Переволоки можно было без особых усилий перебраться из Волги в р. Усу, через нее – в Волгу у северной оконечности кольца и наоборот. Письменная и устная традиции напрямую связывали Переволоку и устье Усы с постоянными действиями казачьих отрядов. Второе кольцо соединяло в единую водную систему среднее – через реки Большой Иргиз и Самару – и нижнее – через Каспийское море – течения Яика и Волги. Помимо того, р. Б. Иргиз и Самара соединялись с волжской и яицкой акваториями еще в одну замкнутую систему. И наконец, вся эта «система систем» связывалась еще одной Переволокой с Доном и акваторией Каспийского моря с Терекком.

До середины 1580-х гг. на всем волжском побережье от Тетюшей до Астрахани не было ни крепостей-городов, ни постоянных гарнизонов. «Летование» правительственных войск на Волге, «плавные рати» и редкие карательные экспедиции не могли полностью обезопасить волжский путь от нападений вольницы. На излюбленные места стоянок казачьих отрядов в низовьях Волги, на Переволоке, в устьях Б. Иргиза и Самары указывают частые жалобы ногайской знати в Москву²⁴.

Первые данные о действительно волжских казаках, избравших берега этой реки для постоянного пристанища, зимовавших в укромных местах; появляются после присоединений Астраханского ханства. В 1556 г. воевода Л. Мансуров укрылся от татар в казачьем

городке Зимьево²⁵, а в 1569 г. московский посланник С. Мальцев видел на Волге неподалеку от Переволоки 2 казачьих городка. О том, что казачество прочно обосновалось на Нижней и Средней Волге свидетельствуют документы русско-ногайской переписки. Например, в 1570 г. мурзы жаловались русским послам: «только государь велит де казакам у нас Волгу и Самару и Яик отнять и нам де на сем от казаков пропасти: улусы наши и жон и детей поемлют»²⁶. И все же казачество крайне редко пыталось основать на волжских берегах постоянные поселения и городки. Атаманы знали, что Москва не позволит им установить действенный контроль над волжским путем. Даже в годы наивысшего разгула на волжских просторах свои зимовья казаки устраивали все-таки на Дону и Яике. Волга по-прежнему была в первую очередь летним пристанищем, местом для государственной службы и разбоев.

В действиях вольного казачества на Волге выделяется ряд ярких периодов. Один из них — вторая половина 1570-х — начало 1580-х гг. «Активизация» вольницы была обусловлена обострением русско-ногайских отношений. Именно казачество сыграло решающую роль в «усмирении» кочевников. В 1577–1578 гг. казачьи станицы под руководством М. Бритоусова, И. Юрьева, И. Кольцо и Б. Барбоши разгромили столицу Большой Ногайской Орды Сарайчик. Этот поход вышел за пределы той роли, которую указывало играть казачеству Москва. В этом и ряде других случаев русские послы, оправдываясь перед бием и мурзами за разбои атаманов, писали: «...наши козаки на Сарайчик не хаживали, а воровали буде на Сарайчик приходили беглы козаки, которые бегая от нас живут на Терке, на море, на Яике, а и на Волге казаки донские пришед з Дону своровали...»²⁷ Ногаев заверяли в том, что на Волгу пошлют карательные отряды, а руководителей нападения казнят. В трудные годы Ливонской войны правительство делало все возможное, чтобы избежать обострения отношений с Ордой.

Вряд ли возможно восстановить родословную первых атаманов вольницы. В отличие от предводителей казачества более позднего времени, И. Кольцо, Б. Барбоша и другие вышли из русских и литовских земель, татарских кочевых орд, с них, собственно говоря, и начинался казачий род. Никого, кроме самых близких сотоварищей, не интересовало прошлое атаманов, более того, у многих были все основания скрывать его. Судя по прозвищам-кличкам, Никита Пан вышел из земель, принадлежавших Речи Посполитой, Матвей Мещеряк был родом из мещерских мест, Савва и Ортюха Болдыри родились от смешанного русско-татарского брака, Нечай Шацкой появился из-под Шацка.

Особенно «урожайным» на столкновения с ногаями стал 1581 г. В ответ на решение отдельных мурз принять участие в крымском набеге на окраины Руси из Москвы послали грамоты к казакам на Волгу с указанием не давать перевозов ногаем, идущим с русским полоном, и нападать на их отряды. Однако «ходить» войной на улусы было категорически запрещено. Вместе с тем создается впечатление, что московские власти неофициально разрешили волжским атаманам вести активные действия в степи. В грамоте бию Урусу от 26 мая 1581 г. говорилось, что стоит только царю приказать — и казаки начнут громить ногайские улусы. Особенно любопытна одна из весьма многозначительных фраз документа: «...нам уже нынче казаков своих унять не мочно». Казачество восприняло указ и «секретные инструкции» к нему как предоставление полной свободы действий. Последовали нападения на улусы. Урус в августе 1581 г. жаловался Москве, что все мурзы со своими кочевьями отошли далеко на восток от Волги, за Яик, «...оттого, что у Волги боятца жити от волских казаков войны»²⁸. Одним из самых шумевших событий стало ограбление на переправе у «Соснового острова» в августе 1581 г. ногайского посольства, а также ногайских и среднеазиатских купцов. Очевидец и невольный участник этого события посол В. Лобанов-Пелепелицын писал о том, что караван пришел «...под Сосновой остров на Волгу на перевоз. И на перевозе и на Волге казаки Иван Кольцов, да Богдан Борбоша, да Микита Пан, да Сава Болдыря с товарищы почали нагайских послов и тезиков перевозити по прежнему обычаю, кабы добрым делом». Барбоша и Кольцо объявили русскому послу, что «они наперед перевезут татарскую рухлядь и тотар с половину». Считая, что их просят добром, русские и ногайские послы согласились. После того как силы ногайского эскорта (до 300 человек) были разделены, на него с обеих сторон Волги из засад напали казаки. Ногаев преследовали на протяжении нескольких десятков верст. На просьбы Пелепелицына пощадить ногайских послов и среднеазиатских купцов-тезиков казаки отвечали: «...Урусов посол жив», а до остальных им дела нет²⁹.

Несколько дней спустя атаманы подстерегли на том же «перелазе» ногайский отряд в 600 всадников, возвращавшийся с добычей из-под Темникова и Алатыря. Надеясь заслужить прощение за предыдущую выходку, казаки отправили пленных в Москву. Однако московские власти распорядились иначе. Пленных ногаев отпустили в Орду, а сопровождавших их казаков, в том числе известных атаманов И. Юрьева и М. Бритоусова, повесили перед ногайскими посла-

ми. Остальных руководителей нападения на «перелазе» — Барбошу и Кольцо — велели сыскать и казнить.

Но и после подобных случаев Москва не переставала проводить дифференцированную политику по отношению к волжским казакам. Отправленному в Орду послу Ф. Павлову наказали найти среди вольницы казаков «прямых» Москве и нанять их для охраны посольства. Из отрядов же Барбоши и Кольца было велено вешать мятежников, а пожитки их отдавать казакам, которые «прямят»³⁰. По-видимому, именно в этом году на Волгу были посланы карательные отряды.

После событий на волжских перелазях пути предводителей казачьей вольницы разошлись. И. Кольцо, Н. Пан, С. Болдыря и с ними около 500 человек (в источниках обычно упоминается цифра 540) ушли вверх по Волге и Каме к Строгановым, где составили костяк «сибирской дружины» Ермака. Барбоша решил переждать опалу в зимовьях на Яике.

Возникает вопрос, а был ли сам Ермак Тимофеевич участником волжских предприятий и одним из атаманов волжско-яицкой вольницы? Версий о его происхождении и начальном периоде жизни предостаточно. Среди волжских атаманов конца 1570-х — начала 1580-х гг. имя Ермака упоминается несколько раз. Думается, что он если и бывал на Волге и Яике, то лишь эпизодически. В противном случае известия о столь заметной фигуре среди местного казачества наверняка отодвинули бы на второй план местных атаманов. В заволжских степях действовал его тезка атаман Ермак Петров, сподвижник Кольца и Барбоши. Он не ушел в Сибирь, остался на Яике. Последние упоминания о действиях станицы Ермака Петрова относятся к 1586—1587 гг.³¹ Сам Ермак Тимофеевич в 1581 г., скорее всего, принимал участие в качестве «атамана казацкого» в Ливонской войне³².

Уход части волжских атаманов вместе с Ермаком Тимофеевичем в Сибирь на некоторое время сделал волжский путь более безопасным. Но уже с 1584—1585 гг. казачьи отряды все чаще стали появляться на Волге и в Заволжье, а ногаи — жаловаться на их нападения. В конце лета 1585 г. в Заволжье появился ушедший после гибели Ермака из Сибири атаман М. Мещеряк. Остановившись после перехода в Самарском урочище, около 600 казаков долго решали, что им делать дальше³³. А вскоре после этого ногаи сообщили в Москву, что Мещеряк отогнал у них табун в пятьсот лошадей. Видимо, в начале 1586 г. волжско-яицкие атаманов получили инструкции из Москвы с требованием усилить натиск на ногаев, чтобы отвлечь их внимание от строительства городов на Волге и Уфе.

С возведением Самары (а позднее Царицына и Саратова) былая свобода вольницы на волжских берегах доживала последние дни. Новую постоянную базу казаки решили устроить на Яике, в устье Илека. Здесь, на острове Кош-Яик, около 700 человек летом 1586 г. построили земляные и деревянные укрепления, жилые и хозяйственные сооружения. Казачий городок не был похож на прежние временные зимовья. «Городок крепок, — сообщали сами казаки, — взяти им (ногаам. — Э.Д.) города нельзя».

Первые нападения ногаев на Кош-Яицкий городок случились уже летом, а в начале осени к нему подступил сам Урус. К этому сражению ногаи подготовились как никогда. Они приступили «к городку с приметом, а хотели, приметав лес, да городок зажечь: тут же де было нагай двести человек с рушницами...» Длительная осада притупила бдительность кочевников, и казаки во время внезапной вылазки смогли разгромить отряд с огнестрельным оружием, захватив все «рушницы», а затем обратили в бегство основные силы ногаев. Сильный дождь не позволил последним быстро уйти из-под крепости, и, как описывают схватку дела Посольского приказа, казаки «пришли на них тиском и... побили»³⁴.

Так была выиграна битва за степь, после которой Большая Ногайская Орда так и не смогла оправиться. Известный историк Р.Г. Скрынников писал: «поражение Уруса имело такое же значение для судеб Южного Приуралья, как разгром Кучума для судеб Западной Сибири»³⁵. Казачество смогло окончательно утвердиться на Яике и уже в конце XVI в. заложило основу для становления будущего Яицкого войска.

Строительство Самары, Царицына и Саратова окончательно лишило всякой перспективы возможность формирования в Среднем и Нижнем Поволжье казачьей области. Отряды волжской вольницы перешли на Яик и Дон, где включились в процесс складывания яицкого и донского казачества. Однако появление русских городов не смогло в полной мере обезопасить волжскую акваторию. Ногаи в конце XVI — начале XVII в. постоянно напоминали Москве о необходимости предотвращения казачьих разбоев на волжских берегах.

Еще долгое время волжские просторы оставались излюбленным местом для разбоев казачьей вольницы. Например, в 1589 г. на Волге в «Змеевых горах», неподалеку от будущего Саратова, было разгромлено несколько отрядов «воровских» казаков. В 1591 г., когда русскому правительству нужны были крупные воинские силы для организации похода на Северный Кавказ, оно в грамоте к казакам пригласило на службу 1000 (?) волжских и 500 яицких казаков³⁶.

Перекрыть путь казакам с Яика на Каспий Москва попыталась в 1595 г., когда по просьбе ногайских мурз в устье Яика был поставлен городок³⁷. Однако вскоре он запустел. Перенос центра формирования крупной казачьей области на Яик не остановил деятельности казаков на Волге³⁸. Но это уже были предприятия не столько волжского, а прежде всего, донского и яицкого казачества.

Благоприятные условия для возрождения волжского казачества сложились в годы Смуты. Государственная власть в Понизовье ослабла и не могла контролировать происходившие здесь события, ногаи фактически вышли из подданства России. Поволжье стало ареной бесконтрольной деятельности донских, терских и яицких казаков, беглых из внутренних областей страны. К 1613 г. из городов между Тетюшами и Астраханью уцелела только Самара. В этих «благоприятных» условиях волжское казачество смогло на короткий период вновь возродиться.

По данным А.А. Гераклитова, в 1613 г. по всей Волге от Самары до Царицына (до Вязовки, лежащей 150 км ниже) находилось 8 казачьих городков, в которых в совокупности насчитывалось до 600 казаков³⁹. Не совсем ясно, были эти городки зимовьями или временными летними стоянками.

Весной 1614 г., когда из Москвы рассылались грамоты, призывавшие к борьбе с казачьим атаманом И. Заруцким, обосновавшимся в Астрахани; к волжскому казачеству обращались как к совершенно самостоятельной силе. Его ставили в тексте грамот впереди яицких и терских казаков и именовали: «...на Волгу атаманом и казаком всему великому войску» или «всему вашему Волскому великому войску»⁴⁰. Руководители царской армии, спускавшейся вниз по Волге, должны были привести казакам «царское жалованье, денги, и сукна, и хлебные запасы, и вино...». Такое обращение к разрозненным отрядам волжских казаков было, скорее всего, дипломатической уловкой, попыткой разделить возможных противников. Необходимо учитывать и крайне сложную ситуацию, в которой находилось русское правительство в это время. Но очевидно, что эти обращения свидетельствуют и о той роли, какую вольное казачество играло в это время по всей Волге, от Самары до Астрахани.

Окончательно русское правительство смогло восстановить свой контроль над Понизовьем только во второй половине 1610-х гг., когда вновь были отстроены Саратов и Царицын. В результате возможности для второго рождения волжской вольницы были утрачены на этот раз уже навсегда.

Примечания

¹ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001. С. 277; Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 316 – 316 об., 342–342 об.

² Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала, 1995. С. 230–231.

³ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Ч. 1. С. 286–291; Кусаинова Е.В. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV – XVII вв. Волгоград, 2005. С. 38, 43, 47, 50; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала, 1995. С. 92; и др.

⁴ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань, 2006. С. 57, 84.

⁵ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 13. Ч. 1. М., 1906. С. 163–164.

⁶ Там же. С. 164.

⁷ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 7.

⁸ Там же. Кн. 5. Л. 4 – 4 об., 7 об., 12 об.

⁹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 283.

¹⁰ Цит по: Кусаинова Е.В. Указ. соч. С.130.

¹¹ Соловьев В.И. История России. М., 1960. Кн. 4. С. 390–391; Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. М., 1995. С. 80.

¹² Эйдельман Н.Я. Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. М., 1993. С. 188; Нольте Г.-Г. Русские «крестьянские войны» как восстания окраин // ВИ. 1994. № 11. С. 36–37; и др.

¹³ Никитин Н.И. О формационной природе ранних казачьих сообществ // Феодализм в России: сб. ст. и воспоминаний, посвященный памяти академика Л.В. Черепнина. М., 1987.

¹⁴ Сергеев В.И. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков // Актуальные проблемы истории СССР / Моск. обл. пед. ин-т. М., 1976. С. 33–34.

¹⁵ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. Л., 1936; Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988; Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997.

¹⁶ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Рязань, 2007. С. 305. Кроме того, есть еще одно свидетельство: в 1581 г. на английское судно, отправлявшееся из Астрахани вверх по Волге, было нанято 36 гребцов-казаков. См.: Там же. С. 343.

¹⁷ Там же. С. 320.

¹⁸ Мы выделяем Дж. Флетчера как составившего наиболее полное для данной группы авторов описание России. См.: Флетчер Дж. О государстве

Русском // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М., 1991.

¹⁹ Из рассказов Дон Хуана Персидского. Путешествие персидского посольства через Россию от Астрахани до Архангельска в 1599–1600 гг. // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М., 1991. С. 172–174.

²⁰ Масса И. Краткое известие о Московии // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 64.

²¹ Маржерет Ж. Состояние Российской империи // Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (тексты, комментарии, статьи). М., 2007. С. 151–152. С этими подсчетами в целом согласен и Р.Г. Скрынников. См.: Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1986. С. 124–125.

²² Пронштейн А.П. К истории возникновения казачьих поселений и образования сословия казаков на Дону // Новое о прошлом страны. М., 1967. С. 168, 172.

²³ Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 77.

²⁴ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 4 – 4 об., 7 – 7 об.; Кн. 4. Л. 325 об.; и др.

²⁵ ПСРЛ. Т. 13. Ч.1. М., 1965. С. 266.

²⁶ Цит. по: Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 138. Эта фраза свидетельствует и о степени влияния московских властей на действия вольницы.

²⁷ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 10. Л. 140 – 140 об., 145, 247 об.

²⁸ Там же. Л. 65 об., 127.

²⁹ Там же. Л. 141 об. – 142, 147–148.

³⁰ Там же. Л. 256 – 258 об., 260, 269–270.

³¹ Там же. Д. 13. 1586. Л. 40.

³² Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 179.

³³ Карпов А.Б. Уральцы. Исторический очерк. Ч. I. Уральск, 1911. С. 52.

³⁴ Там же. С. 75, 356–357.

³⁵ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 143.

³⁶ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АИ). СПб., 1841. Т. 1. С. 443–446.

³⁷ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 493–494, 504; Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки. Ф. 885. Эрм. 390/1. Правда, просуществовал он недолго и вскоре был снесен. См.: Дариенко В.Н. Основание города Гурьева // Вопросы истории: сб. ст. Вып. V. Алма-Ата, 1973. С. 190.

³⁸ АИ. Т.3. СПб., 1841. № 230. С. 443.

³⁹ Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI – XVIII вв. Саратов; М., 1923. С. 198.

⁴⁰ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией. СПб., 1836. Т. 3. № 18. С. 21–23; № 25. С. 46–54.

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Европейцы о Московии и ее юго-восточных окраинах. По утверждению известного русского геодезиста-картографа И.И. Стебницкого, «...старинные карты России, изданные иностранными путешественниками... суть более или менее расспросные карты, содержащие весьма мало удовлетворительного географического материала»¹. В связи с этим особо значимым является выявление тех информаторов, в основном русских людей средневековья, от которых иностранцы получали необходимые сведения². Постепенное накопление информации, а также собственные наблюдения иноземцев во время их путешествий в Россию уже к середине – второй половине XVI в. позволили создавать достаточно правдоподобные карты далекой восточной страны. Такие средневековые карты являлись лишь вершинной информационного «айсберга», большая часть которого состояла из расспросов русских людей, разрозненных фактов, отрывочных знаний, предшествующих карт и т. д., получаемых самыми разными путями.

Каковы же самые общие тенденции накопления у иностранцев знаний о Юго-Востоке Европейской России, каким представлялся им культурный ландшафт волжского побережья от устья Камы и ниже?

Начало формированию цельной системы относительно достоверных знаний о Московии у западноевропейцев следует отнести к концу XV – середине XVI вв. Это было связано с рядом причин. Единое Русское государство, сложившееся к началу XVI в., начинает играть все более важную роль в европейских делах. Его военный и экономический потенциал привлекает пристальное внимание правящей элиты стран Центральной и Северо-Западной Европы. Этому способствовало завоевание Казанского и Астраханского ханств, установление контроля над всем средним и нижним течением Волги, выход к Каспийскому морю, богатым странам Средней Азии и Закавказья, Персии. У европейских политиков и предпринимателей складывается мнение о перспективности эксплуатации системы речных путей страны от Белого моря (или Балтики) до Каспия как одного из самых удобных маршрутов на Восток. Следует отметить, что впервые идею использования речной системы Восточной Европы и, прежде всего, волжской транспортной артерии сформулировал в середине 20-х гг. XVI в. итальянец Павел Иовий. Сам Иовий никогда в Мос-

ковии не бывал. Сведения для своих умозаключений он почерпнул от Павла Центуриона (Паоло Чентурионе), купца и одновременно папского гонца в Москву, а также от Дмитрия Герасимова, направленного с ответной грамотой от великого князя Василия III к папе Клименту VII³. «Чентурионе» предлагал использовать путь из Индии до Каспия и далее «...до торжища Цитрахи (Астрахани. — Э.Д.) и устья Волги; оттуда же, поднимаясь непрерывно вверх по рекам, а именно: по Волге, Оке и Москве, можно легко добраться до города Москвы, от Москвы же сухим путем до Риги и в самое Сарматское море (Балтийское море. — Э.Д.); а также во все западные страны»⁴. Однако воплотить данную идею в жизнь удалось значительно позднее, во второй половине XVI—XVII вв., когда английские, голландские, голштинские и другие предприниматели инициировали ряд (не всегда безуспешных) попыток получить монопольное право на эксплуатацию этого пути. В связи с этим проектами и реальными предприятиями появился ряд подробных, основывающихся на использовании большой совокупности фактического материала описаний и карт России и ее юго-восточных территорий.

Вплоть до середины XVI в. попытки составить единую карту Русского государства не привели к позитивному результату. Карты М. Вальдземюллера, А. Вида, С. Герберштейна и других западноевропейцев, либо самих совершивших путешествие в Россию, либо получавших сведения от русских посланников в Европу, дают только самые приблизительные очертания Среднего Поволжья. Золотая Орда к этому времени прекратила свое существование, а наследовавшие ей государства — Астраханское и Казанское ханства, Ногайская Орда — могли влиять только на процессы, происходившие в сравнительно небольшом регионе Среднего и Нижнего Поволжья, Приуралья. К тому же они были «закрыты» от развитых европейских стран Османской империей, переживавшей время своего наивысшего подъема, и быстро растущей Московской Русью. Юго-Восток европейского континента надолго становится для стран Западной и Центральной Европы «terra incognita», страной неведомой. Например, ректор Краковского университета Матвей Меховский (1518 г.) считал, что Волга впадает в Черное море⁵. Изучение всей совокупности сделанных западноевропейцами описаний и карт русского государства, и в частности «Tartaria», позволяет сделать вывод, что представления о том, что было к востоку от Волги, оставались самыми туманными. В сочинениях и картах конца XV — первой половины XVI в. отсутствуют указания на левобережные притоки Волги (вплоть до Камы), на наличие городов или сколько-нибудь значимых поселений.

Характерно, что и русские, основные поставщики сведений для западноевропейцев (Д. Герасимов, И. Ляцкий и др.), не могли привести никаких данных о наличии городов в Заволжье – «Тартарии», оставшихся после крушения Золотой Орды⁶. Классическое наиболее полное описание русского государства и тех земель, которые были к востоку и юго-востоку от него, составленное С. Герберштейном, при всем богатстве сведений о Казанском ханстве, упоминаниях о ногайях и других народах юго-восточных окраин Европы, практически не содержит данных о крупных реках Заволжья – Иргизе, Самаре, Черемшане, о наличии там городов или городищ (остатков от них). Ниже устья Камы Герберштейн указал только Казань, да в низовьях Волги и р. Урал (Яик) – Астрахань и Сарайчик⁷.

Революционной для изменения представлений западноевропейцев о «Тартарии» явилась вторая половина XVI в. В середине столетия голландцы и англичане предприняли ряд попыток обнаружить северо-восточный путь в Азию. В результате вместо морского, вдоль побережья Азии, был выявлен речной маршрут через Восточную Европу. Деятельность агентов Английской Московской компании на Северодвинско–Волжском пути привела к формированию совокупности действительно достоверных сведений о прибрежной зоне Волги, Северной Двины и других рек, достопримечательностях этих мест, облике и поведении их обитателей. В подготовке экспедиций англичан участвовали такие выдающиеся европейские ученые, как математик, астроном и астролог Джон Ди и его друг, картограф Герард Меркатор. Именно они способствовали самому современному методическому и инструментальному обеспечению географических исследований в России и странах Востока⁸. Например, Джон Ди снабдил Э. Дженкинсона и его товарищей новейшими навигационными методиками и приборами из Лувенского университета. Сводка новых данных получила отражение прежде всего в дневниках руководителей практически всех экспедиций⁹, а также на картах Э. Дженкинсона и выдающегося картографа своего времени Г. Меркатора¹⁰, использовавшего для изображения земель к востоку от Волги материалы агентов компании¹¹.

Англичане на Волжском пути. Вкратце остановимся на английских маршрутах через Россию. В течение 1558–1581 гг. агенты созданной в 1555 г. Московской компании совершили семь путешествий через всю систему водных путей Восточной Европы от Холмогор до Астрахани: одно – в Среднюю Азию и шесть – в Персию. Причины и обстоятельства столь интенсивной деятельности жителей Туманного Альбиона на территории огромной суверенной страны, каковой в то

время была Россия, достаточно полно изучены в работах И.Х. Гамеля, Ю.В. Толстого, Н.Т. Накашидзе, А.Б. Соколова, И.И. Любименко, К. Хеллера, Т.С. Уиллана, У.Р. Кросса, Р.С. Асташкина (в исследовании которого приведена наиболее полная библиография этого вопроса)¹² и других авторов. Поэтому мы не будем на них специально останавливаться. Еще раз скажем, что возможность транзита через Московию была осознана гораздо ранее середины XVI в. Отметим, что английские путешественники оказались отнюдь не единственными, кто составил ряд исключительно ценных и информативных описаний обычаев и нравов «московитов», географических и природных условий их обитания. До них это делали и С. Герберштейн, и П. Иовий, и М. Меховский, и мн. др. Но англичане оказались первыми среди западноевропейцев эпохи великих географических открытий и последующего периода европейской истории, кто непосредственно увидел и описал только что присоединенные к России юго-восточные окраины, пространства за Камой, вдоль волжского пути на Восток. Именно этот аспект в их сочинениях крайне слабо изучен¹³. Лучший и наиболее полный на сегодняшний день сборник-свод таких описаний, переведенных на русский язык, составил и опубликовал еще в середине 1930-х гг. Ю.В. Готье. Для данной работы мы используем полностью идентичное переиздание 2007 г.¹⁴

В истории попыток использования западноевропейцами Волжского пути на Восток во второй половине XVI – XVII вв. наиболее интенсивным и продуктивным был первый период с 1558 по 1581 гг.¹⁵ Через два года после открытия в 1553 г. англичанами морского пути в Россию была создана Московская компания. В 1558 г. ее агент Антоний (Энтони) Дженкинсон, получив согласие русского правительства, совершил свое первое путешествие на Восток. Целью экспедиции Дженкинсона был Китай, однако он добрался только до Средней Азии. Собранная им во время путешествия информация легла в основу изданных впоследствии географической карты России и весьма информативного отчета. Второе путешествие по Волжскому пути, но на этот раз в Персию, Дженкинсон совершил в 1561–1563 гг. Следующую экспедицию в Персию он снарядил в мае 1564 г., однако сам в ней не участвовал. Предприятием руководили Т. Алькок, Дж. Ренн и Р. Чейни¹⁶. Последний в своем отчете рекомендовал Московской компании продолжить путешествия на Восток. В 1565–1567 гг. поездку в Персию осуществили Р. Джонсон, А. Эдвардс и А. Китчен¹⁷. Второй раз А. Эдвардс в компании с Л. Чепменом и другими английскими предпринимателями повторил свое путешествие в 1568–1569 гг.¹⁸. В том же 1568 г. агенты Московской компа-

нии Т. Бэннистер и Д. Дэккет совершили наиболее длительную поездку в Персию, вернувшись в Москву только в 1574 г.¹⁹ И наконец, последнее, седьмое путешествие на Восток англичане осуществили в 1579–1581 гг. вновь под руководством А. Эдвардса²⁰. На этом завершили все известные современной науке экспедиции англичан по Волжскому пути.

За исключением последнего путешествия, англичане отправлялись в низовья Волги весной. Плавание от Казани до Астрахани в среднем занимало от 3 недель до месяца. По подсчетам А. Эдвардса (4 путешествие), средняя скорость на участке от Ярославля до Астрахани протяженностью в 2700 верст составляла 90 верст в сутки; а все это расстояние можно было преодолеть соответственно за 30 суток²¹. Однако участники третьей экспедиции потратили на этот путь полтора месяца (с 10 мая по 24 июня)²². Дженкинсон во время второй своей поездки пробыл в пути из Москвы в Астрахань также полтора месяца (с 27 апреля по 10 июня)²³. Наиболее полное представление о движении судов англичан дают материалы по первой и последней экспедициям (см. табл. 1)²⁴.

Таблица 1

**Сведения о передвижении судов англичан
от Казани до Астрахани по Волге**

Пункты	Первая экспедиция Э. Дженкинсона		Седьмая экспедиция по Х. Бэрроу	
	Даты	Количество суток в пути	Даты	Количество суток в пути
Казань	13 июня	–	26 сентября	–
Устье Камы	14 июня	1	–	–
Тетюши	16 июня	3	28 сентября	2
Устье Самары	22 июня	9	–	–
Увек	28 июня	15	5 октября	9
Перволока	6 июля	23	10 октября	14
Астрахань	14 июля	31	16 октября	20

Разумеется, обратный путь должен был занимать гораздо больше времени; судам приходилось идти против течения. Первая экспедиция под руководством Дженкинсона затратила на него более 6 недель, отплыв из Астрахани 10 июня (в описание путешествия, видимо, вкралась неточность, так как датой отправления судов из Астрахани указано 10 июля) и прибыв в Казань 28 июля²⁵. Суда второй экспедиции прошли это расстояние немного быстрее: отправившись из Астрахани 10 июня, они оказались в Казани 15 июля²⁶. Наиболее подробно показано движение седьмой экспедиции в описании Х. Бэрроу (см. табл. 2)²⁷.

**Сведения о передвижении судов англичан
от Астрахани до Казани по Волге (на примере седьмой экспедиции)**

Пункты	Седьмая экспедиция, по Х. Бэрроу	
	Даты	Количество суток в пути
Астрахань	9 апреля	–
Переволоки	21 апреля	12
Увек	3 мая	24
Тепюши	23 мая	44
Казань	26 мая	47

Таким образом, для того, чтобы миновать участок Волжского пути между Казанью и Астраханью в обоих направлениях, нужно было затратить как минимум 2–2,5 месяца. Английские путешественники хорошо осознавали опасности, подстерегавшие их на Волге, ниже впадения Камы²⁸. Разумеется, они не столь часто пишут об угрозе нападений казаков и кочевников, как это делал позднее А. Олеарий. Однако в их отчетах постоянно указывается ряд опасных участков и, прежде всего, Переволока как одно из самых беспокойных мест²⁹. Весной суда с англичанами спускались вниз, как правило, с большим, хорошо охраняемым «весенним» русским караваном. На обратном пути астраханские воеводы по обыкновению выделяли для охраны коммерсантов (вплоть до Казани) сотню стрельцов³⁰. Это была длинная дорога через неизведанное, опасное и пустынное пространство, и впечатления от нее должны были отложиться в их дневниках, отчетах, письмах.

В Уставе и инструкциях путешественникам, разработанных Московской компанией, говорилось: «Купцы и другие лица, искусные в писании, должны ежедневно составлять записи, описывать и запечатлевать в памяти плавание каждого дня и ночи с отметками и наблюдениями над землями, приливами и отливами, высотой солнца и движением луны и звезд. Все эти наблюдения должны, по приказанию командира судна и кормчего, излагаться в письменном виде, а главный начальник должен раз в неделю (если ветер и погода будут благоприятствовать) собирать вместе всех командиров для обсуждения всех заметок и наблюдений, сделанных на отдельных кораблях, и для определения, в чем они сходятся и расходятся. После достаточного обсуждения, когда придут к общему заключению, весь материал должен записываться в общую постоянную книгу, сохра-

нившуюся как документ для компании. Такой же порядок должен соблюдаться относительно карт, астролябий и других инструментов, заготовленных для путешествия за счет компании»³¹. Разумеется, такое строгое предписание едва ли исполнялось в полном объеме, но даже частичное следование данным указаниям способствовало сохранению известий об этих экспедициях.

Сведения о них, далеко не столь репрезентативные, как хотелось бы, сохранились в самом разном виде % в форме отчетов, писем, заметок, грамот, а также знаменитой карты Дженкинсона. В большинстве своем они посвящены Северной и Центральной России, а также Персии (по первому путешествию – Средней Азии). Лишь в немногих описаниях содержатся данные о недавно вошедшем в состав России участке Волжского пути от устья Камы до Каспия. К ним относятся материалы первого путешествия Дженкинсона и последней – седьмой – поездки англичан в Персию в 1579–1581 гг., составленные ее участником Христофором Бэрроу. Тексты, созданные этими авторами, несомненно, подвергались редактированию; они не похожи на дневник путешествия, который вели каждый день, записывая свежие впечатления от увиденного. В основе всех свидетельств англичан о Волжском пути и Астрахани лежат материалы, которыми оперировал А. Дженкинсон, приобретенные им до начала своих поездок на Восток и дополненные и уточненные во время путешествий. Именно Дженкинсон являлся наиболее значимой фигурой как организатор деятельности англичан в России и Персии. Его сочинения, несомненно, были основным источником сведений для современников путешественника. Их достоверность и информативность высоко оцениваются историками³². Среди творческого наследия Дженкинсона наиболее известной и широко используемой является карта Московии 1562 г. От второй половины XVI в. сохранилось 3 основных издания этой карты. До сих пор ведутся споры, какой же из них в большей степени соответствует оригиналу, подготовленному самим Дженкинсоном. Ряд ученых высказывает сомнение в том, что англичанин действительно сам создал карту после своей первой поездки в Среднюю Азию³³. Вероятнее всего, это плод коллективного творчества, а не труд одного исследователя. Основой карты являлись картографические материалы русского и западного происхождения; сведения, сообщенные англичанам, в том числе и самому Дженкинсону, во время пребывания в России. Вместе с тем карта отражает и собственные наблюдения путешественника. Для нас в первую очередь важны два обстоятельства, которые позволяют не обращаться к выбору одного из вариантов карты как наиболее

репрезентативному и авторскому. Во-первых, несмотря на определенные различия в трех основных изданиях карты во второй половине XVI в. (в атласах А. Ортелия³⁴ и Г. де Йоде, а также настенной карте неизвестного в исполнении братьев Ван Деутекум)³⁵, на них всех участок от устья Камы до Увека (тот, который нам наиболее интересен) выглядит практически идентично. Во-вторых, сохранившееся описание этого участка, сделанное Э. Дженкинсоном, когда он проплывал мимо, является гораздо более подробным и тщательным, чем это показано на карте. Второе утверждение касается прежде всего участка Волжского пути к югу от впадения Камы³⁶. Характерно, что из 12 снятых самим Дженкинсоном показаний географической широты на всем пространстве от Холмогор до Бухары 4 приходятся на рассматриваемый нами участок Волжского пути (см. табл. 3) [10, с.227].

Таблица 3

Показания географической широты, снятые Э. Дженкинсоном на пути от Казани до устья Волги

	град.	мин
Казань	– 55	33
Увек	– 51	40
Астрахань	– 47	9
Устье Волги	– 46	72

Карта и описание путешествия у Э. Дженкинсона, совпадая в главном, в значительной степени взаимно дополняют и уточняют друг друга. Более богатым и информативным источником является именно описание (а не карта) Дженкинсона. Англичанин в целом хорошо представлял территории, через которое пролегал путь экспедиции, их физико-географические характеристики, этнокультурные особенности народов, встречаемых вдоль волжских берегов. Дженкинсону было совершенно ясно, что перед ним находится практически пустынное, не освоенное земледельческим населением пространство вдоль Волги: «...от Астрахани до Казани мы пробыли в пути более 6 недель ни разу не пополнив наших съестных припасов, так как на всем этом пути нет ни одного жилья»³⁷. Он сообщал, что в восточной части всей этой территории полновластными хозяевами являются ногаи (в низовьях Камы по ее левому берегу – казанские татары, в верховьях р. Самары – по ее притокам – башкиры), а на правом – крымские татары. Причем путешественник особо отмечает проходящих к Волге хозяйствовать наездом «черемисов» и мордву. Из представителей всех этих народов его больше всего интересуют

ногаи как главное население степей Заволжья. Дженкинсон достаточно подробно описывает обычаи этого кочевого народа. Он сообщает о своих впечатлениях при встрече с ордой бия Исмаила в районе волго-донской Переволоки и особо пространно — о страшных бедствиях, постигших ногаев вследствие голода³⁸.

Всего лишь несколько географических объектов от Камы до Каспия удостоиваются особого внимания англичанина — Тетюши, р. Самара, Увек, Переволока, Старая и Новая Астрахань. Карта Дженкинсона значительно беднее его же описания в отношении старых и новых городов на Волге. Там нет ни Тетюшей, ни Увека; старая и новая Астрахани объединены под одним названием. Зато на левом берегу против Переволоки (Perevolock) появилось поселение Мечеть (Meshet). На карте указаны только левобережные притоки Волги. Интересно, что они начинаются только с Самары (нет ни Большого Черемшана, ни Сока), далее обозначены Иргиз (Urgis) и Уруслан (Ouruslane). Причем р. Самару (Samar) составитель карты обозначил без основного притока Б. Кинеля, но очень подробно показал ее многочисленные истоки (являющиеся плодом его фантазии)³⁹. Не увидим мы у Дженкинсона ни описания, ни рисунка-плана Самарской Луки.

Из старых ордынских городов он упоминает Увек, а на карте — Мечеть⁴⁰. Дженкинсон нигде не высказывает сомнения в том, что Волжский путь принадлежит русскому царю. Но на всем огромном протяжении Волги от устья Камы до Каспия он указывает только на два русских поселения: Тетюши — «...нескольких рыбацких хижин...»⁴¹ и «новую» Астрахань, ставшую форпостом русского продвижения к Каспию, куда «русский царь... ежегодно посылает... людей, припасы и лес для постройки замка»⁴². Единственное из природных ресурсов региона богатство, пригодное для добычи, по мнению путешественника, — рыба, которой много как в районе Тетюшей, так и у Астрахани.

Дженкинсон считал, что Астрахань как центр торговли с Востоком и рядом живущими кочевниками не имеет сколько-нибудь серьезного значения ни в том состоянии, в котором находится, ни в будущем: «Здесь производится некоторая торговля нужными населению товарами, столь малая и нищенская, что не стоило бы о ней упоминать». Вместе с тем он не может не отметить, что «...купцы приезжают сюда из разных мест». Дженкинсон считал, что Астрахань нужна была России только как крепость, которую «...русский царь завоевал в сторону Каспийского моря; он старается, чтобы она была очень сильной, и ежегодно посылает туда людей, припасы и

лес для постройки замка»⁴³. Возможно, англичанин сознательно пытался преуменьшить роль Астрахани в торговых сношениях с Востоком. В одном месте он допускает очевидное противоречие, сообщая, что весной 1558 г. вниз по Волге отправилось «...до 500 больших судов, частью нагруженных съестными и военными припасами и солдатами, частью же товарами»⁴⁴. Хотя, возможно, 1558 г., который он описывает в своем отчете, был не самым лучшим не только для астраханской торговли, но и для всего населения этого огромного края.

Характерно, что, свидетельствуя о волжском побережье к югу от Камы, Дженкинсон практически полностью сохранил стиль и особенности изложения, которые он использовал при описании участка от Москвы до Казани, хотя тот, несомненно, был гораздо в большей степени заселен. Внимание Дженкинсона в определенной степени избирательно: он пишет только о том, что ему важно и интересно.

В описании второго путешествия, на этот раз в Персию, предпринятого в 1561 г., Дженкинсон специально указывает, что опускает все, «...что касается городов, городков, замков и стран, как магометанских, так и прилегающих к ним языческих, по которым я проехал от Москвы до Астрахани, так как я раньше подробно описал их, рассказывая о моем путешествии в Бухару»⁴⁵. Крайне лаконичны в описании волжского побережья и другие агенты компании. Создается впечатление, что англичан более ничего особо не интересовало на этом участке пути на Восток. Описание Дженкинсона предоставило руководителям и участникам последующих экспедиций вполне достаточную и исчерпывающую информацию. Лишь немногие пытались хоть как то детализировать эти сведения. Интересно приложение к письмам А. Эдвардса, участника экспедиции в Персию 1565–1567 гг., в котором он приводит сведения о путях и расстояниях от Белого моря до Каспийского, а также краткие характеристики наиболее примечательных, на его взгляд, особенностей этого маршрута. На участке от устья Камы до Астрахани Эдвардса занимают только вопросы навигации и природных ресурсов Нижней Волги. Он пишет: «Вниз по Волге каждое лето плывут до 500 судов, больших и малых, из всех мест по верхней Волге; некоторые из них имеют 500 тонн водоизмещения. Они идут за минеральной солью и осетрами». И далее Эдвардс дает краткую характеристику месторождений соли и способов ее добычи, а также рыбных промыслов. Видимо, в эти годы именно данные факторы выходят на первый план в развитии Волжского пути⁴⁶.

Особняком стоит описание Волжского пути участником последней английской экспедиции 1679–1581 гг. в Персию Христофором

Бэрроу. По объему и значимости сведений оно вполне сравнимо с материалами Дженкинсона и содержит даже данные о широтах местонахождения Тетюшей, Увека и Астрахани, самостоятельно измеренных членами экспедиции. Бэрроу не просто повторял или уточнял уже известное ранее. Скорее всего, он сам активно пытался разобраться в том, что представляют собой Волжский путь и прилегающая к нему местность. Например, он специально осматривал окрестности Увека и привел ряд данных об остатках городских сооружений, надписях и рисунках на надгробных плитах; легендах, связанных с гибелью города, и даже о плодородии почв и о растительности. Отметим, что как для Дженкинсона, так и для Бэрроу из старых ордынских городов, ранее существовавших на волжском побережье, значимым являлся только один Увек, вернее, его развалины, т. к. самого города к этому времени уже не существовало. На всем Волжском пути от Казани до Астрахани именно развалины Увека являлись своеобразным репером для англичан.

Особый интерес в сочинениях Бэрроу вызывает также описание шести русских караулов, находившихся между Переволокой и Астраханью. Оно настолько любопытно, что стоит привести его целиком: «В 7 верстах ниже (Переволоки. — Э.Д.), на острове, называемом Царицыном (Tsaritsna), русский царь держит в летнее время отряд из 50 стрельцов для охраны дороги, называемый татарским словом «караул». Между этим местом и Астраханью есть еще пять караулов или сторожевых отрядов. Первый называется «Каменный караул» — он находится в 120 верстах от Переволоки. Второй называется «Ступино-караул» (Stupino Carawool) и находился в 50 верстах от предыдущего. Третий называется «Полый (PoLooy) караул» и находится в 120 верстах от второго. Четвертый, по имени «Кизеюр-караул» (Keezeyur), находится в 50 верстах от третьего. Пятый, по имени «Ичкебри» (IchKebre) находится в 30 верстах от четвертого, а от Ичкебри до Астрахани — 30 верст»⁴⁷.

В исторической науке до сих пор окончательно не решен вопрос о том, насколько последовательно русские власти пытались обеспечить безопасность плавания и промысловой деятельности на Волге во второй половине XVI в., до строительства первых русских городов — Самары, Царицына, Саратова. В так называемых «Ногайских делах», Разрядных книгах и других материалах того времени имеются сведения о «плавных ратях»; «летовании» служилых людей в стратегически важных пунктах Волжского пути — в устьях Самары, Иргиза, на Переволоке⁴⁸. Однако столь развернутой характеристики «караулов», как это сделано у Бэрроу, нигде больше не встречается.

Свод сведений, собранных английскими путешественниками, можно оценивать по-разному. Целью англичан являлось проникновение в страны Востока – Персию, Индию, Китай, и потому ситуация, складывавшаяся в Среднем и Нижнем Поволжье, их интересовала лишь постольку, поскольку необходимо было миновать этот чуждый регион. Они не собирались завязывать ни торговых, ни каких-либо других отношений с местным населением. Из русских опорных пунктов ниже устья Камы, с администрацией которых они должны были налаживать сотрудничество, их интересовала только Астрахань. Вся великая река от впадения Камы и до Астрахани, по словам Дженкинсона, была пустынна, и англичане, которые никак не стремились выходить за пределы ее акватории, ни с кем не пытались заводить каких-либо отношений. Сотрудники Московской компании были прагматиками: они писали только о том, что для них было необходимо или как-то затрагивало их интересы. Описания англичан существенно отличаются от пространных, полных различных подробностей записок, созданных путешественниками XVII столетия – А. Олерием, Я. Стрейсом, Э. Кемпфером и др.

Интересно то, насколько оказались востребованными и как отразились данные, полученные во время этих экспедиций, в сочинениях английских авторов, писавших о России в конце XVI – середине XVII в. Широко известные сочинения агента Московской компании и дипломата Джерома Горсея, жившего в России в 70–90 гг. XVI в. и, несомненно, принимавшего участие в организации поездок в восточные страны, таких материалов практически не содержат. Его интересовали иные сюжеты – политические, дипломатические, придворная жизнь и т. д.⁴⁹ Хотя вряд ли стоит отрицать, что Горсей многое знал о Московии, ее вновь приобретенных территориях на Юго-Востоке Европейской России % Казани, Астрахани и Волжском пути. Джильс Флетчер, побывавший в России в 1588–1589 гг., в своем сочинении привел ряд любопытных данных по интересующим нас вопросам, которые, скорее всего, получил от Горсея⁵⁰. Возможно, англичанин имел в виду не только Тетюши, но и Самару, основанную к этому времени, когда писал: «Пространство вдоль реки Волги, между царствами Казанским и Астраханским... также не заселено, за исключением той части на Волге по западному берегу, где царь имеет несколько крепостей с пограничной стражей (хотя Самара была на левом берегу. – Э.Д.)»⁵¹. Описания других англичан, побывавших в эти годы в России, слишком кратки, лаконичны, и сколько-нибудь пространных описаний пути на Восток не содержат.

Сочинения Дженкинсона и, возможно, других английских путешественников по Волжскому пути были достаточно хорошо извест-

ны в Англии. Они публиковались в историко-географических сборниках Р. Гаклюйта (Хаклюйта) и С. Перчаса⁵². Наконец, Д. Мильтон в своей знаменитой «Московии», характеризую Астрахань и ее окрестности, очевидно, использовал материалы описания первого путешествия Дженкинсона⁵³.

В связи с попытками голландцев и англичан найти северо-восточный морской путь в Индию, путешествиями последних в Персию и Среднюю Азию через Россию и появлением у западноевропейцев новых представлений и знаний о «Тартарии», вошедшей в состав Московского государства, интересно выяснить, как менялись представления крупнейших картографов о Среднем и Нижнем Поволжье. Совершенно ясно, что Г. Меркатор располагал более точными и систематичными сведениями о гидрографии и орографии Среднего и Нижнего Поволжья, чем, например, С. Герберштейн, С. Мюнстер или А. Вид. Уже на известной карте 1554 г. юго-восточные окраины Европы изображены более детально и точно, чем у картографов первой половины XVI в. А ведь для этой карты Меркатор еще не мог использовать данные путешествий англичан и, в частности, Э. Дженкинсона по Волге, так как они просто еще не состоялись. Анализируя эволюцию картографических представлений самого Г. Меркатора о рассматриваемом регионе, исследователи приходят к выводу о существенном их развитии и обогащении⁵⁴, что подтверждают карты из его атласов конца XVI — начала XVII в. Например, на поздних картах у Меркатора вдоль правого берега Волги, начиная с устья Иргиза, отмечена горная гряда. Тем самым он показывает часть Приволжской возвышенности, но начинает ее несколько южнее реального местоположения. И вообще прибрежная часть Волги, начиная от Камы, у Меркатора выглядит более проработанной, хотя он не знает о Самарской Луке, западных притоках и т. д.⁵⁵

Даже при столь кратком, схематическом анализе представлений западноевропейцев о Среднем (и Нижнем) Поволжье выявить сведения о наличии «культурного ландшафта», существовавшего на его территории, и о постоянных, длительное время существующих поселениях или их остатках не удастся. Западные путешественники второй половины XVII в., совершавшие поездки по Волге, не указывают даже на временные «караулы» в устье р. Самары или Иргиза, хотя таковые, несомненно, существовали.

Отдельно стоит рассмотреть сюжет о том, как соседи России в Европе и на Востоке отреагировали на сам факт появления на Средней и Нижней Волге новых русских городов в конце XVI в. — Самары, Царицына, Саратова, на строительство каменной Астрахани.

В трудах западных авторов и путешественников эти укрепленные пункты, как правило, начинают упоминаться только с XVII в. В качестве такого примера можно привести сочинение Г. Тександера о путешествии его в составе посольства под руководством Стефана Какаша, направленного императором Рудольфом в Персию вниз по Волге в 1602–1603 гг.⁵⁶. Эту же традицию продолжают И. Масса и другие западноевропейцы, оказавшиеся в России в эпоху Смуты⁵⁷.

Но любопытно, что на картах конца XVI в. указания на города Самару, Царицын, Саратов отсутствуют⁵⁸. Появляются они только на картах И. Масса и Г. Герритса (1614 г.)⁵⁹. Отметим еще один факт, характерный для западноевропейской картографии и описаний Поволжья этого времени: ни на одной из карт конца XVI – начала XVII в. мы не увидим хоть сколько-нибудь очевидные очертания Самарской Луки. Чем объясняется это невнимание, неизвестно. Думается, что те же англичане во время своих плаваний должны были определить столь характерную излучину Волги.

К числу самых ранних упоминаний русских городов на Волге в сочинениях иностранцев можно отнести сочинения Орудж-бека Баята, одного из членов персидского посольства ко двору испанского короля, проследовавшего из Астрахани вверх по Волге в октябре 1599 г. Впоследствии Орудж-бек остался в Испании, перешел в католичество и больше известен как Дон Хуан (вариант – Жуан) Персидский. Среди городов, встретившихся автору на пути от Астрахани до Казани, он указывает Саресен (Царицын), Симер (Самару) и др.⁶⁰ Еще раньше (в 1595 г., а возможно, и ранее) Самара, Саратов и Царицын начинают упоминаться в указах русского царя среди городов, в которых необходимо предоставить дворы, корм и прочее для персидских гонцов⁶¹.

Адам Олеарий о Южном Средневожье. Место англичан на Волжском пути попытались занять представители других европейских государств – голландцы, шведы, французы. Одна из самых интересных таких попыток – предприятие сравнительно небольшого европейского государства, Голштинии, пожелавшего откупить у русского правительства путь в богатые страны Востока. Итоги всех этих переговоров и действий оказались неутешительными: маленькая Голштиния взялась за слишком грандиозное предприятие, которое не смогла осилить. Однако поездка голштинцев в Персию вошла в анналы российской истории XVII в. благодаря уникальному по полноте и информативности сочинению секретаря посольства Адама Олеария (настоящая фамилия Эльшлегер) «Описание путешествия в Московию». Об Олеарии, его образованности, уме и научной добросовест-

ности написано много. Достаточно сказать, что достоинства голштинца в полной степени оценило и русское правительство, приглашавшее его на службу в Москву. Отечественные историки считают книгу этого человека, которая уже во второй половине XVII столетия была несколько раз переиздана в Западной Европе, важнейшим источником по истории России; сравниться с которым не могут описания других иностранцев, посетивших страну в допетровский период. Сам Олеарий так писал о своей исследовательской методике при изучении р. Волги, по которой проходил основной путь посольства в Персию: «Так как эта река, по моему заключению, одна из величайших, длиннейших и важнейших в мире, то я прилежно наблюдал ее и при помощи опытного Корнелия Клаус(ен)а и некоторых русских лоцманов не только по компасу определил и нанес на план ее течение, изгибы, углы и берега, но также и глубокий фарватер на ней, мели, острова и местности, от мили до мили, и даже от версты до версты. Так как в первом издании я обещал, что со временем сообщу настоящую карту этой реки, то я ее теперь и изготовил и прилагаю здесь изображение реки со всем тем, что имеется на берегах ее»⁶². Чуть ниже по тексту своего описания он сообщает, что сведения о реке, волжских берегах и других достопримечательностях получал от нового лоцмана, нанятого под Казанью⁶³.

И действительно характеристика Волги и ее побережья поражает специалистов своей тщательностью и вниманием к деталям. Причем описание А. Олеария Самарской Луки, Самарского урочища и прилегающих к ним территорий на карте Волги касаются именно той прибрежной полосы, сведения о которой голштинiec сообщает, руководствуясь достоверными данными или же результатом личных наблюдений. Олеарий ничего не придумывает и не домысливает, он поступает прежде всего как фактолог, по крупицам собирающий проверенные и им самим добытые данные. Разумеется, в сообщениях путешественника можно найти ошибки и неточности, но они вполне объяснимы обстоятельствами его путешествия, непродолжительными остановками судна, противоречивостью сведений, получаемых от лоцманов и русских людей, с которыми состоялись беседы⁶⁴. Характерно, что, миновав Тетюши, Олеарий пишет, что далее по Волге вплоть до Астрахани он не повстречал ни одной деревни⁶⁵. Среди достопримечательностей, находившихся ниже Камы, Олеарий особо отмечает городища, сохранившиеся от ранее существовавших городов (например, Унеровская гора (Ундоры), Симбирское и Арбухинское): «Вокруг этой местности (об окрестностях Арбухинского городища. — Э.Д.)... там и сям видны были знаки и следы стоявших

здесь некогда городов и деревень, которые все были разрушены во время войн Тамерланом»⁶⁶.

Первые в тексте книги Олеария конкретные записи о местности, лежащей южнее устья Б. Черемшана, были сделаны 26 августа 1636 г.: «...мы пришли к Соляной горе, где у русских устроены солеварни для соли, добываемой из соседних копей; здесь же сушится и та соль, которая уже выпарена солнцем, и много лавов соли отсюда увозится вверх по Волге к Москве». Это описание касается местности в окрестностях современного села Усолье в Шигонском районе, где в 1631–1632 гг. богатым предпринимателем, гостем Надеей Светешниковым у северо-западной оконечности Жигулевских гор был устроен крупный центр добычи соли. Ниже по течению Волги Олеарий особо указал на устье р. Усы из-за опасности нападения на караваны судов казачьей вольницы. Действительно, в русских документах конца XVI – начала XVII в. эти места считались одними из самых «разбойных» на Волге. Из природных достопримечательностей края голштинца и его спутников особо поражают горные вершины на Самарской Луке, массив Соколых гор и др. Кроме Соляной горы Олеарий специально упоминает о важнейших ориентирах по Волге – Девичьей горе, Цареве кургане, Казацкой, Соковской, Печерской горах. Особое впечатление на Олеария и его спутников произвели три первые вершины, а о Девичьей горе и Цареве кургане плывший на судне поэт П. Флеминг даже написал сонеты. Девичья гора (сохранился ее рисунок, сделанный А. Олеарием) поразила голштинца не только высотой и красотой, но и легендой, услышанной об этой вершине от местных жителей и записанной в стихотворной форме Флемингом:

*Скажите, русские, так весть в устах народа
Про гору – истинна? Так правда то, что тут
Премудрый Карла жил, как нам передают,
И дева здесь была, из исполинов рода?*

Еще одну легенду, Олеарий и в стихотворной форме Флеминг передают о Царевом кургане как о насыпанном над могилой, где был захоронен во время похода на Русь некий «татарский государь по имени Момаон (Мамай?)... солдаты его, которых было бесчисленное количество, шлемами и щитами собрали столько земли для погребения, что возникла эта гора». Характерно, что в транскрипции немецкого издания 1696 г. «Путешествия...» название этой горы звучит как «Sariol Kurgan» (на карте Волги, составленной А. Олеарием и во

всех изданиях помещенной с названиями в немецкой транскрипции, эта гора названа «Sariol Kurgan mons»), что, скорее всего, сближает его с тюркскими «сары» («сар» – желтый, «олы» – большой), переделанными позднее пришедшими сюда русскими в более привычное «Царев»⁶⁷.

Это первые предания, связанные с историей Южного Средневожья, которые были записаны и сохранились до наших дней. Еще одна гора, Казацкая, расположенная несколько ниже устья р. Сызрани, запомнилась путешественникам как чрезвычайно опасное место, где стояли летние становища донских казаков.

Олеарий впервые увидел и показал на карте Самарскую Луку и указал на названия ряда географических объектов, находящихся в ее пределах: р. Уса, отмеченные выше горные вершины, межгорные долины – «Яблочный квас» (Яблоневого оврага) и др. Проплыв по Волге, путешественники ниже устья Камы практически не увидели ни одного сельского поселения, если не считать места, где добывалась соль у Соляной горы. Это вполне понятно. К середине 1630-х гг. из тех небольших селений, существовавших на Самарской Луке, которые были видны с Волги, можно назвать только с. Рождествено. Из-за «превосходно-попутного ветра» посольство 28 августа, не останавливаясь, миновало Самару. По всей видимости, Олеарию не удалось как следует рассмотреть Самару, и он описывает ее очень кратко: «Этот город лежит по левую руку, в 2 верстах от берега, построен в виде четырехугольника, имеет небольшое количество каменных церквей и монастырей...»⁶⁸ Очевидно, что этот текст содержит явные неточности, так как, судя по сохранившимся документам XVII в., каменных храмов это время в Самаре не было. Положение несколько исправляет рисунок Самары, который, как пишет Олеарий, сделал он сам. Гравюра с этого рисунка, получившая широкое распространение и ставшая классическим изображением города в исторической литературе, дает достаточно полное представление о Самаре, ее укреплениях, храмах и застройке середины 1630-х гг. Впервые она была помещена в издании «Путешествия...», вышедшем в Германии в 1656 г. и, судя по высказываниям самого Олеария, как и другие иллюстрации, выверялась самим автором. Российскому читателю известна еще одна гравюра Самары из издания А. Олеария, вышедшего во Франции в 1719 г. Мастер, который готовил гравюру для этого издания, также взял за основу рисунок, сделанный самим голштинцем, но, сохранив основные детали изображения города, в значительной степени изменил общий план, саму перспективу, попытался оживить изображение за счет фигур всадников, повозки,

сделал его более «европейским». Различия настолько существенны, что при поверхностном взгляде можно посчитать, что этот рисунок не принадлежит уже Олеарию, а какому-то более позднему путешественнику⁶⁹.

Олеарий имел слишком мало времени, чтобы рассмотреть Самару и как в описании, так в рисунке значительно «упростил» ее градостроительные особенности и топографию. Во второй половине 1630-х гг. у города уже были предместья, слободы — Рыбная, Болдырская; находившиеся за пределами крепостных укреплений на берегу Волги, бани и другие строения, которые почему-то не увидел голштинец. Реальная Самара этого времени была более сложным по своим градостроительным особенностям поселением.

В любом случае эти допущенные неточности не умаляют значимости того, что сделал секретарь голштинского посольства, создав первое по-настоящему полное описание Волги и ее прибрежной зоны ниже впадения Камы. Олеарий был первым из оставивших упоминание о «новых» городах между Казанью и Астраханью. Он пишет, что Самара получила свое название от «...реки Самары, которая в 3-х верстах под городом дает рукав (его они называют — Сын Самары) в Волгу, но главным течением своим вливается в нее лишь 30-ю верстами ниже» [35, с. 383]. Отметим одну очень важную деталь: ни А. Олеарий, ни другие путешественники не пишут о том, что русский город в устье р. Самары возник на месте старинного городища.

Примечания

¹ Стебницкий И. Первая известная оригинальная карта Европейской России // Известия ИРГО. 1889. № XXV. Раздел: Географические известия. С. 106.

² Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV — начала XVI века. М., 1974. С. 8.

³ Иовий Павел. Книга о посольстве Василия, Великого князя Московского, к папе Клименту VII // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / сост., авт. введ. ст., примеч., указателей О.Ф. Кудрявцев. М., 1997. С. 218–219.

⁴ Там же. С. 259.

⁵ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 110.

⁶ Рыбаков Б.А. Указ. соч.; Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997; Багров Л. История картографии. М., 2004; 2005; др. авторы.

⁷ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 139, 146, 164–184.

⁸ Сотин А.Б. Поиск ориентиров: восточные экспедиции Энтони Дженкинсона 1557–1572 гг. // Одиссей. М., 2007. С. 226–249.

⁹ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. Ю.В. Гогье. Рязань, 2007. С. 201–345.

¹⁰ Atlas sive Cosmographicae Meditationes de Fabrica Mundi et Fabricati Figura (Atlas, or Cosmographical Meditations on the Frame for the World and its Form) by Gerardus Mercator. Duisburg, 1595; Atlas Minor Gerardi Mercatoris: a I. Hondio plurimis aeneis tabulis auctus atque illustratus. Amsterodami, 1610.

¹¹ Багров Л. История русской картографии. М., 2005. С. 145; Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, XIII–XVII вв. Новосибирск, 2006. С. 143–145; Осипов И.А. Антоний Дженкинсон и карта России 1562 года. Сыктывкар, 2008. С. 14–19, 35. (работа с текстом велась по электронному варианту на сайте: Кольские карты. URL: <http://www.kolamar.ru/library/txts/osipov.html>).

¹² Асташкин Р.С. Россия и торговая экспансия европейцев на Восток (вторая половина XVI – XVII в.): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2007.

¹³ Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. М., 1973. С. 276–277; Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С. 141–142, 155–157.

¹⁴ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке.

¹⁵ Дубман Э.Л. Английские путешественники на Волжском пути (вторая половина XVI в.) // Вестник СамГУ. Сер.: Гуманитарная. 2007. № 5 /3 (55). С. 96–106.

¹⁶ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. С. 260.

¹⁷ Там же. С. 264–287.

¹⁸ Там же. С. 288–300.

¹⁹ Там же. С. 301–315.

²⁰ Там же. С. 316.

²¹ Там же. С. 285.

²² Там же. С. 260.

²³ Там же. С. 241.

²⁴ Там же. С. 203–206, 319.

²⁵ Там же. С. 226.

²⁶ Там же. С. 256.

²⁷ Там же. С. 343.

²⁸ Там же. С. 301, 322, 343.

²⁹ Там же. С. 301, 322–343.

³⁰ Там же. С. 226, 256.

³¹ Там же. С. 40.

³² Платонов С.Ф. Москва и Запад в XVI–XVII веках. Борис Годунов. М., 1999. С. 29; Юрченков В.А. Взгляд со стороны. Очерки. Саранск, 1995. С. 104–106.

³³ Багров Л. История русской картографии. М., 2005. С. 142–145; Осипов И.А. Указ. соч. С. 44–45.

³⁴ Ortelius Abraham. Theatrum orbis terrarum. Antverpiae, 1570.

³⁵ Кордт В. Материалы по истории русской картографии. Вып. 1. Карты всей России и южных ее областей до половины XVII века. Киев, 1899. С. 10–11.

³⁶ Багров Л. История русской картографии. М., 2005. С. 145.

³⁷ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. С. 226–227.

³⁸ Там же. С. 206–207.

³⁹ Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. С. 24–27.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. С. 205.

⁴² Там же. С. 27.

⁴³ Там же. С. 207.

⁴⁴ Там же. С. 202.

⁴⁵ Там же. С. 241.

⁴⁶ Там же. С. 285–286.

⁴⁷ Там же. С. 320.

⁴⁸ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. Л. 248, 303 – 303 об., 353–354, 352 об., 361.

⁴⁹ Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1990.

⁵⁰ Рогожин Н.М. Иностранцы дипломаты о России XVI – XVII веков // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М., 1991. С. 9; Севастьянова А.А. Предисловие. Джером Горсей и его сочинения о России. Издания и переводы Джерома Горсея (археографическое введение) // Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1990. С. 33.

⁵¹ Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М., 1991. С. 27.

⁵² Комарова В.П. Литература и политика в английской литературе XVI–XIX вв. СПб., 2006. С. 50; Лимонов Ю.А. Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. Л., 1978. С. 236.

⁵³ Толстой Ю.В. Московия Джона Мильтона. М., 1875; Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. С. 206–207.

⁵⁴ Осипов И.А. Указ. соч. С. 35; Багров Л. История русской картографии. М., 2005. С. 145.

⁵⁵ Atlas sive Cosmographicae Meditationes de Fabrica Mundi et Fabricati Figura (Atlas, or Cosmographical Meditations on the Frame for the World and its Form) by Gerardus Mercator. Duisburg, 1595; Atlas Minor Gerardi Mercatoris: a I. Hondio plurimis aeneis tabulis auctus atque illustratus. Amsterodami, 1610; Ortelius Abraham. Theatrum orbis terrarum. Antverpiae, 1570.

⁵⁶ Какаш и Текандер. Путешествие в Персию через Московию 1602–1603 гг. // ЧОИДР. Кн. 2. Ч. 3. М., 1896. С. 25.

⁵⁷ Масса М. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 126, 138.

⁵⁸ Кордт В. Указ. соч.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Из рассказов Дон Хуана Персидского. Путешествие персидского посольства через Россию от Астрахани до Архангельска в 1599–1600 году // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М., 1991. С. 174.

⁶¹ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / под ред. Н.И. Веселовского. Т. 1. СПб., 1890. С. 312–314.

⁶² Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / пер. с нем. А.М. Ловягина. СПб., 1906. С. 360.

⁶³ Там же. С. 374.

⁶⁴ Гуркин В.А. На берегах русского Нила. История изучения территории Симбирского Поволжья. М., 2005. С. 24.

⁶⁵ Олеарий А. Указ. соч. С. 375.

⁶⁶ Там же. С. 376–378.

⁶⁷ Viel Vermehite Moskovitische und Persianische Reisebeschreibung wie auch Mandelslo u. Anderßen nebenst andern von Adam Olearius außgegebene Schiften. Von neuem aufgelegt. AO. 1696. (IV Buch. Cap 7–8). S. 186–188.

⁶⁸ Олеарий А. Указ. соч. С. 383.

⁶⁹ Ширманов А.К. О двух рисунках города Самары в изданиях путешествия Олеария // Краеведческие записки. Вып. 2. Куйбышев, 1971. С. 24–28.

МЕЖДУ КАЗАНЬЮ И АСТРАХАНЬЮ...

Идея сооружения русских городов-крепостей на Волжском пути между Казанью и Астраханью появилась практически одновременно с присоединением края к Российскому государству. После завоевания Казанского и Астраханского ханств Волга становится основной торговой артерией страны. Весной и ранней осенью к Астрахани и обратно шли огромные караваны судов – торговых, посольских, военных; по всей акватории реки начинают складываться крупные рыболовные промыслы. Волжский путь необходимо было укрепить, обезопасить, и лучшего способа, чем поставить крепости в наиболее уязвимых стратегических пунктах реки, правительство не знало. Об этом свидетельствует и переписка между правительством Ивана Грозного и нурадином, а затем бием Ногайской Орды Исмаилом в середине 1550-х гг.¹

Однако только после неудачного завершения Ливонской войны, обострившихся отношений с Крымским ханством, Малой и отчасти Большой Ногайскими ордами, вмешательства Турции в ситуацию, складывающуюся в Нижнем Поволжье, новое правительство перешло к более активной политике в этом регионе. Вряд ли основные направления новой политики были ясно и четко определены в каком-либо законодательном акте, по крайней мере, такого документа пока не обнаружено. Тем не менее этот поворот все же был замечен и в обобщенном виде сформулирован в летописных памятниках. Например, автор «Нового летописца» так отразил новые подходы к закреплению Казанского края: «Сам же государь праведной (Федор Иванович. – Э.Д.) чая от них (народов Среднего Поволжья. – Э.Д.) впредь измены... повеле ставити... города... и насади их Рускими людьми и тем он государь укрепил все Царство Казанское»². Составители «Пискаревского летописца» под 1684 г. распростирали это положение на всю южную и юго-восточную окраины страны: «Приказывает (Федор Иванович. – Э.Д.)... города ставити на Поле и в Сивере и к Астрахани, которые за многие лет запустевша от безбожных агарян и от междуусобных брани: Елецких князей вотчина Ливна, Койса, Оскол, Волуйка, Белгория, Самара, Кромы, Монастырев и иныя многия польския и сиверския»³. Подобная же линия проводилась и на пограничных территориях Заволжья и Приуралья, а также в Западной Сибири.

В частности, на европейском Юго-Востоке Москва строит новые города, закрепляющие реальное присутствие русского государства в Башкирии (Уфа – 1586 г.), на Волжском пути (Самара – 1586 г., Царицын – 1589 г., Саратов – 1590 г.), в устье р. Урал (Яицкий городок – 1594/95 г.) и в близких к Астрахани районах Предкавказья (городки долины р. Терек).

Чтобы понять, что же правительство наметало «...ставить... к Астрахани...» и почему среди «иных многие» оказалась крепости на Волге, Белой, Яике и других реках европейского Юго-Востока, необходимо рассмотреть, какие события разворачивались на его прострaнстве в 1584–1585 гг.

По всей видимости, бий Большой Ногайской Орды Урус в середине 1580-х годов не оставил своей враждебной политики по отношению к Москве. В начале 1585 г. русский посланник И. Мясной сообщал из Крыма, что князь Урус и мурза Тинбай обращались к крымскому хану Ислам Гирею с предложением дружбы и союза против традиционных противников – московского царя и польского короля. Кроме того, они просили турецкого султана послать свои войска под Астрахань, чтобы совместными усилиями установить свое господство над Нижней и Средней Волгой⁴. Таким образом, речь шла о повторении известного крымско-турецкого похода 1569 года под Астрахань.

По количеству походов ногаев на юго-восточные окраины России и столкновений между ногаями и казаками лето 1585 г. весьма напоминает события ожесточенного 1581 г. Все свидетельствовало о том, что противоречия между Ордой во главе с Урусом и Россией достигли апогея. Перед московским правительством в качестве первоочередной встала задача усмирения своего беспокойного вассала. Ситуация осложнялась еще и тем, что нижегородские и казанские земли, граничившие с летовьями Орды, в меньшей степени, чем южнорусские земли, были защищены от нападений кочевников. Недавно построенная там засечная линия не всегда могла противостоять нападениям ногайских отрядов, как правило, переходивших Волгу на правобережье через броды в районе современной Сызрани. Сооружение постоянных крепостей в Самарском урочище и на р. Белой имело важное значение для обеспечения безопасности российских земледельческих окраин, раннего предупреждения ногайских набегов.

По всей видимости, правительство в 1584–1585 гг. разрабатывало план глубокого охвата ногайских летних кочевий в междуречье Волги, Камы и Белой русскими крепостями. П.П. Пекарский, специаль-

но изучавший ситуацию этих лет на Средней Волге, считал, что в планы Москвы входило сооружение 4 городков-крепостей: на Увек (рядом с современным Саратовом), в устье Самары, на притоке Камы — Белой и в месте впадения в нее р. Уфы⁵.

В действительности на первом этапе выполнения правительственной программы в 1586 г. были построены два города-крепости — Самара и Уфа, но и они, если внимательно присмотреться к карте, должны были оказывать весьма серьезное давление на непокорные ногайские улусы. Задача этих городов заключалась в охране бродов и перелазов от ногаев, предотвращении их дальних походов к освоенным российским окраинам. Они как бы нависали над летними ногайскими кочевьями; не позволяли ордынцам чувствовать себя в безнаказанности. И сколько бы ни внушали московские приказные люди ногайским послам, что Самара и Уфа построены для их же блага, чтобы уберечь ногаев от нападений вольных казаков, Урус и его окружение быстро поняли сложившуюся ситуацию.

Таковы обстоятельства, предвещающие сооружение Самары и Уфы. Волжскую Самару было поручено строить тогдашнему алатырскому воеводе Григорию Осифовичу⁶ Засекину. Выбор кандидатуры этого князя вполне очевиден. Засекин, будучи в 1583—1585 гг. воеводой Алатыря, держал под своим контролем все правобережье Волги вплоть до устья р. Терешки. В конце XVI в. Алатырь, как и Темников, Тетюши и другие окраинные крепости Юго-Востока, в отличие от городов, спрятанных в глубинных лесных районах Среднего Поволжья, несли двойную нагрузку. Воеводы в них не только поддерживали порядок и «тишину» в недавно завоеванном крае, но и охраняли юго-восточные окраины Российского государства от набегов крымцев и, прежде всего, ногаев. Походы на «алатырские места», «алатырские окраины» то и дело упоминаются в исторических документах того времени. Алатырь оказался одним из ключевых пунктов в организации сторожевой и станичной службы в Поволжье, той самой, что была создана в 1571 г. выдающимся русским полководцем князем М.И. Воротынским. Крепость защищала крайние, наиболее уязвимые подступы к давно освоенным нижегородским землям и колонизируемому в последние десятилетия правобережью Казанского Поволжья.

Станицы, посылаемые Г.О. Засекиным, контролировали не только ближние к Алатырю места, но и заезжали к Волге ниже Самарской Луки и Увека, татарского городища близ современного Саратова⁷. Занимаясь организацией пограничной службы, знакомясь с доносениями руководителей сторожевых отрядов и имея, по всей ви-

димости, на руках какие-то описания-планы местности, Григорий Осифович должен был хорошо знать новый для него район, стать одним из крупнейших «специалистов» по лесостепным пространствам Среднего Поволжья. Несмотря на донесения сторожей, окраинные воеводы не всегда вовремя успевали собрать отряды и дать действенный отпор стремительным рейдам степняков. Поэтому-то в 1578 г. правительство приняло решение о строительстве засечной черты по линии Темников – Алатырь – Тетюши. Алатырская, или, как ее еще называли, «Пузская», засека строилась не один год, и вполне очевидно, что Г.О. Засекин был тем самым воеводой, который завершил ее сооружение⁸. Ведь не зря в 1585 г. Григорий Засекин был послан первым воеводой довольно большой армии, призванной обеспечить устройство и «бережение» городка Санчурска (позднее он получил название Царевосанчурск)⁹.

В русском градостроительном искусстве XVI–XVII вв. истари сложилась практика подготовительных и строительных работ по возведению новых городов¹⁰. Сооружением крепостей занимался Разрядный приказ, ведавший большинством военных дел страны. Предложения о строительстве той или иной крепости или системы оборонительных сооружений предварительно, в общих чертах, разрабатывались подьячими Разрядного приказа и направлялись в Боярскую Думу или непосредственно государю. После утверждения на ориентировочно выбранное место будущего строительства направлялись служилые люди для составления точного плана местности, определения необходимых материалов и средств – вплоть до каждого бревна. Перед проведением градостроительных работ обязательно проводился опрос знающих людей. С чертежами и сметой разбирались опытные горододелъщики в самом приказе, а затем законченный проект с предложениями по кандидатуре «строителя», то есть руководителя строительством, отправляли вновь в Боярскую Думу. Здесь окончательно утверждался проект «Наказа», в котором определялись основные требования к будущему городку и состав экспедиции, направляемой для его сооружения.

Фрагменты копии такого «Наказа» сохранились по Самарскому городу¹¹. Он адресован князю Засекину, назначенному руководителем экспедиции для строительства новой крепости и ее первым воеводой. В соответствии с документом проектировщики должны были определить, будет ли «...в городе бесстрашно от ногайских татар и сколь далече ногаи кочуют от Самары (реки. – *Э.Д.*) от того места, в котором ныне город станет и впредь теми людьми мочно ли в городе сидеть, а сметя и расписав те места и всякие крепости и

скольким людям впред в том городе быти и как их мочно устроить о всем подлинное расписав и роспис тот час ко государю роспис прислать...» Далее в тексте говорилось, что после того, как «роспис» (чертеж) и смета будут составлены и «...ко государю... присланы», обсуждены и поправлены, их передадут алатырскому воеводе князю Григорию: «... государь потому указ учинить велит да память воеводу князю Григорию как город на Самаре поставить и укрепить».

Подготовительные работы продолжались как минимум полтора, а то и два года. В конце 1584 или начале 1585 г. были сделаны предварительные приготовления в Разрядном приказе, затем летом 1585 г. в междуречье Волги и Самары, так называемое Самарское урочище, выезжали подьячие – проектировщики из приказа. К осени или к началу зимы они составили окончательные проект и смету, утвердили их. Зимой 1585–1586 гг. указ и необходимые средства для его исполнения были доставлены в Алатырь к Григорию Засекину (возможно, князь был вызван для получения нового назначения в Москву). Зимой в нижегородских или казанских местах рубили лес, вывозили его ближе к волжскому берегу, на место, заливаемое полыми водами. Скорее всего (как это было при строительстве многих пограничных крепостей), уже в месте вырубки из бревен складывали срубы основных оборонительных сооружений. Лес помечали, затем срубы разбирали и готовили бревна к сплаву. Одновременно собирали ратных и работных людей, готовили запасы продовольствия, оружейные припасы, суда. К началу волжского половодья все было готово, и уже в конце апреля – начале мая караван судов и плотов направлялся вниз по Волге к месту будущего строительства. Вместе с Засекиным отправились голова Ф.Е. Ельчанинов, дети боярские и горододельщики, казанские стрельцы, служилые иноземцы и, по всей видимости, работные люди.

Документов о начале строительства Самарской крепости ни в местных, ни в центральных архивах не обнаружено. Восстановить хотя бы в общих чертах картину строительства Самары можно, лишь опираясь на аналогичные описания. Экспедиция под руководством Григория Засекина должна была прибыть в Самарское урочище примерно в середине – второй половине мая. На наш взгляд, перед воеводой и его товарищем – головой Ельчаниновым при осмотре будущей строительной площадки встала весьма трудная проблема. Воеводы, руководившие строительством пограничных городков, обладали широкими полномочиями. В пределах установленной сметы они имели право вносить свои изменения в ход строительства, порой весьма значительные, вплоть до перемены места сооружения укреплений.

Сама же территория Самарского урочища и прилегающие к ней окрестности не давали очевидного однозначного решения при выборе расположения будущей крепости.

Термин «Самарское урочище» возник довольно рано и подразумевал обширные пойменные территории, находившиеся в нижнем течении реки Самары при ее впадении в Волгу. Дело в том, что до середины XVII в. река Самара впадала в Волгу основным своим руслом на 20–25 километров ниже современного устья, напротив возникших в XVII веке деревень Ермаково и Кольцово (сегодняшнее русло Сухой Самарки). Значительно выше от основного русла Самары отделялся небольшой рукав и впадал в Волгу, проходя по современному руслу реки. Тогдашнее русло самой Волги напротив современного города Самары было смещено к западу и проходило под тем местом, где ныне расположено село Рождествено. Местность между старым руслом реки Самары, ее рукавом и Волгой почти вся заливалась во время половодья. Она была занята лесами и лугами, труднодоступна для кочевников и являлась надежным укрытием для многочисленных казачьих ватаг второй половины XVI столетия. В Самарском урочище стояли временные летние отряды русских войск, охранявшие Волжский торговый путь. В старом устье Самары, возможно, существовала пристань с зимовьем. Здесь останавливались на зиму экипажи судов, которые не успевали до морозов пройти устье реки Самары и «вмерзали» в лед, то есть оставались на зимовку.

По всей видимости, именно здесь на Волге, при впадении в нее основного русла реки Самары, и предполагалось возвести Самарскую крепость. При таком ее расположении гарнизону было бы сравнительно легко наблюдать за Волгой, охранять передвижение судов по реке. Кроме того, крепость могла стать перевалочным пунктом для торгового потока, перекрыть дорогу казачьим судам, спускавшимся с Яика по реке Самаре в Волгу, и частично контролировать перемещение кочевых орд. Самарский город находился бы в относительно труднодоступном, хорошо защищенном рельефом от нападений кочевников месте. И все же Засекин то ли наперекор первоначальному проекту, то ли согласуясь с ним, проявил подлинно стратегическое мышление и начал строить крепость в совершенно, казалось бы, неожиданном месте. Она расположилась в нескольких верстах от Волги, на возвышенном (очевидцы даже называли его горой) правом берегу реки Самары за пределами Самарского урочища. Здесь Самара разделялась на два рукава. Воевода решил не прятать крепость за протоками и озерами, а поставить ее на самом видном месте. Теперь гарнизон мог гораздо эффективнее контролировать

передвижение кочевых орд и перекрывал дорогу казакам на пути с Яика (р. Урал) по обоим самарским рукавам на волжские просторы.

В середине XVII в. Волга пробила себе новую дорогу. Ее русло сдвинулось на восток и пролегло прямо под городскими стенами. Топография окружающей местности резко изменилась. Тогда-то, почти век спустя, в полной мере выявилась дальновидность и точность выбора места для строительства.

Выбор территории места для расположения крепости был, пожалуй, самым трудным действием, определявшим весь ход строительства. Обычно пограничные крепости строились по своеобразным типовым проектам. В Разрядном приказе предварительно регламентировался размер будущего города. За расчетную единицу в сметах принималось поселение, вмещавшее примерно тысячу жителей мужского пола. Существовало несколько наиболее оптимальных вариантов таких «городков». Служилым людям, делавшим предварительные чертежи и сметы, требовалось наиболее точно привязать какой-либо из этих вариантов к особенностям местности. Поэтому при удачном выборе места для устройства города, правильной увязке его основных элементов с особенностями рельефа, при тщательном проведении подготовительных работ само строительство городка-крепости занимало сравнительно немного времени — от 2–3 недель до 1,5–2 месяцев.

Первые известия о построенном Самарском городке появились в конце лета 1586 г. В начале сентября крепость уже принимала многочисленные гости: послов, стрельцов, свиту крымского царевича¹².

Возведение крепости происходило следующим образом. На волжском берегу строители и воины экспедиции Засекина сначала устроили временный лагерь: соорудили шалаши и другие временные жилища, выставили караулы. Вероятнее всего, на следующее утро после высадки на берег воеводы и горододельщики начали сверять с чертежами окружающую местность. Пока Засекин с Ельчаниновым окончательно определились с местом сооружения крепости, а подьячии-горододельщики размечали участки под различные строения, работные и служилые люди разобрали плоты, вытащили на высокий берег бревна и прочие строительные материалы, разложили их в определенном порядке. День закладки города был особым ритуалом. Как требовала традиция, необходимо «...точас петь молебен и, освятя воду, велети город обложить по чертежу и по росписи, каковы им чертежи и роспись даны и велети плотником город рубити и делати наспех...»¹³ Главное внимание горододельщики сосредоточили на строительстве собственно города или «кремля». На размеченной рабочей

площадке сооружались стены с башнями. Внутри кремля устроили избы воеводы и начальных людей, съезжую избу, тюрьму, осадные дворы, склады для военных припасов, житницы и т. д. Площадь кремля вряд ли составляла более 5 гектаров. По мнению самарского краеведа Е.Ф. Гурьянова, в плане кремль составлял близкую к квадрату прямоугольную фигуру с размерами сторон 213 на 245 метров¹⁴.

Первыми жителями городка были служилые люди, присланные сюда на год — «годовальщики». Дворы, семьи, нажитое имущество стрельцов, иноземцев и детей боярских находились в Казани и других городах. Никто из них не намеревался долго задерживаться во вновь построенной крепости и, естественно, не строил здесь для себя дома и дворовые постройки. По всей видимости, первые служилые люди Самары, а их было не менее 400, обосновались в немногочисленных избах — «казармах», осадных дворах внутри кремля. Для многих, желавших устроиться своими дворами, места для подворья отводились вне стен кремля, там, где позднее расположился посад.

Город, занимавший самую возвышенную, примыкающую к обрывистому самарскому берегу часть междуречья, господствовал над окружающей местностью.

В самой цитадели-крепости господствующим, несомненно, являлось здание храма, сооружение которого велось одновременно со строительством городка. Выбор духовного покровителя жителей крепости считался не менее важным делом, чем проектирование самого городка, и производился в Москве одновременно с определением названия крепости. В Самарском городе было učinено строить храм Пресвятой и Живоначальной Троицы¹⁵. А вот как назывался придел храма, обычно получавший имя заступника, покровителя города, неизвестно. Возможно, что он получил сразу же имя святого Алексия, будущего духовного патрона Самары.

Пространство за стенами кремля — посад или, как его еще называли, острог — должно было осваиваться также целенаправленно и планомерно. На отведенной под поселение служилых и посадских людей, если таковые имелись к началу строительства, территории размечались участки для строительства усадеб. Вероятнее всего, создавалась даже общая планировочная структура улиц и кварталов. Владельцы дворовых мест должны были обустриваться собственными силами.

После определения территории посада-ostroга по мере его обустройства начинали сооружение второй внешней системы оборонительных стен и башен. «Город» постепенно принимал тот облик, который мы представляем себе по описанию 1623 г. московского

купца Ф. Котова и рисунку середины 1630-х гг. голштинского посланника А. Олеария¹⁶. Торговые и посольские люди, проплывавшие по Волге в конце лета – начале осени 1586 г., видели на возвышенном левом берегу Волги небольшую деревянную крепость. Она располагалась километрах в двух от Волги, на высокой стрелке – «горе», между реками Волгой и Самарой, чуть спускаясь по склону возвышенности к Волге. Спуск к реке Самаре был крутым и ниспадал как раз к месту разделения реки на два рукава. Как тогда писали, крепость стояла «за песками».

До середины XVII в. суда к волжскому берегу напротив городка приставали редко. Основная пристань находилось в устье старого русла реки Самары, километрах в двадцати ниже крепости.

Затерянная среди бескрайних степей Поволжья, вдалеке от земель русских, давно освоенных русскими территориями Самарская крепость со своими защитниками и воеводой могла надеяться только на удачу, собственные силы да заступничество святого Алексия.

В документах того времени крепость называли по-разному – «Самарский», «Самара», но чаще «Самарский город». Разумеется, городом новопостроенное поселение назвать трудно, но терминология русского средневековья и смысл, вкладываемый в нее, существенно отличаются от современной.

Из-за отсутствия необходимых документальных источников трудно воссоздать облик тогдашней Самары. Одну из первых попыток ее реконструкции произвел Е.Ф. Гурьянов. Он тщательнейшим образом свел воедино все крайне редкие разрозненные источники о первоначальном облике городка в своей книге «Вехи древней Самары».

«Самарский город» по своему устройству мало чем отличался от десятков подобных городков-крепостей, построенных в это беспокойное время на обширных пограничьях Российского государства.

В 1588 г. правительство решило провести подготовительные работы для строительства еще одного волжского города, на этот раз на волго-донской Переволоке. Посланные для рекогносцировки местности подьячие Разрядного приказа выбрали для основания крепости пологий невысокий остров Царицын. Его территория уже со времен взятия Казани и Астрахани использовалась для стоянок летних русских караулов. Например, проплывавший по Волге англичанин Х. Бэрроу писал, что видел на Царицыне острове летовавший там отряд в 50 стрельцов¹⁷.

Место выбрали, все документы и сметы подготовили и осенью 1588 г. подали для доклада Боярской Думе. Государевым указом строить город велено было князю Засекину. Знания, умение и твер-

дость, проявленные им во время сооружения Самарского города и воеводства в нем, оценили по заслугам.

Местность, избранная для сооружения крепости, была пустынная, безлесная, опасная из-за «приходу воинских людей». Царицын строили так же, как и Самару, да и как многие другие укрепленные пункты XVI–XVII вв. Лес для строительства начали готовить зимой 1589 г. под Казанью, а с полыми вешними водами караван стругов с плотами должен был спуститься вниз по Волге. Царским указом от 2 июля 1589 г. царицынским воеводам во главе с Г.О. Засекиным рекомендовалось отпущенные из Казани на «Переволоку» суда «...для лесовой возки с князем Григорием и Иваном... как бог даст город и острог сделаете» частью оставить себе, а лучшие отправить в Астрахань¹⁸. Кроме первого воеводы – Г.О. Засекина – в крепость были назначены еще два: бывший опричный печатник и думный дворянин Р.В. Алферьев и И.А. Нащокин. Вряд ли кто-либо из них с самого начала контролировал все операции по заготовке леса и транспортировке его. Скорее всего, этим занимались другие люди.

Как это часто бывало при назначении нескольких воевод в один город, не обошлось без местнического спора. На этот раз «обиженным» оказался Алферьев, у которого были все основания считать себя обойденным¹⁹. Быть думным дворянином, то есть заседать в весьма ограниченной по своему составу Боярской Думе рядом с виднейшими представителями боярско-княжеской аристократии, считалось весьма почетным. Кроме того, Р. Алферьев в 1570-х – начале 1580-х годов исполнял должность дворового, то есть опричного печатника. Печатниками, или, говоря современным языком, государственными канцлерами (практически вторыми людьми в государстве после царя), являлись во второй половине XVI века такие выдающиеся государственные деятели, как И.М. Висковатый, А.Я. Щелкалов. И тот и другой были по-европейски образованными людьми, знали по нескольку языков и обладали огромной властью и влиянием на государственные дела. Алферьев явно недотягивал до них. Это был временщик, который, по его же словам, хотя «...те государевы грамоты печатал своими руками ...», но при этом признавался, что «...аз грамот не прочитаю, потому что аз грамоте не умею»²⁰. После низвержения своих покровителей, знаменитых Нагих, Алферьев был подвергнут опале и отправлен вторым воеводой в захудалую крепость. И все же даже опальный Роман Васильевич по всем нормам того времени должен был выиграть местнический спор у Засекина. Однако все произошло наоборот. Единственное правдоподобное объяснение этому решению приводит сын Алферьева Семен Романович в

повторном челобитье на Засекина. Уже после смерти не выдержавшего позора отца он писал, что князь выиграл местнический спор «неправедно», только благодаря тому, что «...берег его Ондрей Щелкалов, что за Ондреем ево (Засекина) сестра»²¹. Щелкалов в те времена был весьма влиятельным человеком, он имел власть, сравнимую с влиянием самого Б. Годунова, всесильного царского шурина.

Алферьев, расстроенный исходом дела, задержался, а Засекин и Нащокин с майским караваном судов отправились вниз по Волге к Переволоке. Путь был дальний, изобиловавший опасностями. В «Змеевых горах», недалеко от современного Саратова, к каравану «прибежал... от черкас и от воровских казаков атаман Микита Болдырь...» и сообщил, что казачья вольница задумала ограбить русские окраины. По словам Болдыря, 150 казаков и «черкас» во главе с атаманом Борисом Татаринцом пошли на «алатырские и темниковские места», а некий Ондрюша во главе своих сподвижников собрался напасть на «мордовские и чувашские вотчины». Остальные же казаки затаились по волжским протокам поджидать весенние купеческие караваны. Поверив Болдырю (а Засекин хорошо знал волжских казаков и вполне мог доверять своей интуиции), князь Григорий не стал ожидать указаний сверху, а здесь же, в «Змеевых горах», послал детей боярских, стрельцов и казаков во главе с О. Соловцовым на «воровских людей». Отряд действовал стремительно и успешно, и, пока караван судов отдыхал, к Засекину «...привели из Керешки (реки Терешки, притока Волги) атамана Ондрюшу Голошапа и 3 казаков, а других побили и разогнали...». «Ондрюшу» при воеводах допросили с пристрастием, то есть с пытками, и он признался в злом умысле, рассказав, как казачьи атаманы пытались добиться согласия в своих рядах. У М. Болдыря, не пожелавшего «своровать», отняли лошадей, самого атамана насильно «приводили к крестному целованию». По словам самого Микиты, с ним обошлись еще более жестоко: его людей погромили, самого ранили и держали в плену шесть недель. Несомненно, что из большинства волжских атаманов Микита Болдырь более других «прямил» Москве. Его имя часто упоминалось и в более поздних документах, и всегда он действовал на стороне правительственных войск.

По всей видимости, задержка в «Змеевых горах» не была длительной, и вскоре караван судов вновь тронулся вниз по Волге²². Сведений о сооружении Царицынского города — крепости на Царицыном острове — практически не сохранилось²³. Вряд ли Засекину пришлось для нового дела приобретать какие-либо дополнительные навыки. Небольшие сторожевые городки-крепости строились по еди-

ным или близким проектам. Трудности прежде всего заключались в выборе места под строительство и в привязке к местности основных крепостных сооружений. В отличие от Самары, для сооружения которой было выбрано хотя и несколько неожиданное, но единственно верное место, Царицыну пришлось в будущем «переезжать». Использование низменного, подтопляемого волжского острова имело только одно, хотя и немаловажное, преимущество — безопасность. Городку некуда было расти, и уже в конце XVI — начале XVII века его перенесли на правый берег Волги. Русский купец Ф. Котов летом 1623 г. так писал о недавно перенесенном городке: «А на Царицыне (город стоит) на горней стороне, (невелик) стоячей тын, баш(ны рубленные) круглые на горе стоят невысоко. А над ним гора пошла и (стога) по нижнюю сторону города. Речка невелика течет, что ручей, а лоткою ехать нельзя. А около Царицына города кругом степь, а город стоит над Волгою. Дворы в ряд и храмы — все в городе. А круг города надолобы и всякая скотина для тотарского приходу»²⁴.

После строительства основных крепостных сооружений Царицына триумвират воевод, возглавляемый Г.О. Засекиным, правил в городе все лето и осень 1589 г. Трения между Засекиным и Алферьевым продолжались, и вряд ли между ними смогли установиться хорошие отношения. Однако второму воеводе недолго пришлось терпеть над собой главенство «площадного дворянина» Засекина. Внезапно осенью 1589 г. князя отозвали в Москву в ведение Разрядного приказа для участия в шведском походе. После завершения войны со Швецией Засекина ждало новое назначение и вновь на Нижнюю Волгу, на этот раз строить еще один городок на волжском пути — Саратов.

В помощники ему был определен голова Ф.М. Туров. Подробностей о сооружении Саратова не сохранилось. В разрядных книгах записано, что крепость ставили на «Саратове острове»²⁵. Насколько эта запись соответствует истине, неизвестно. В начале XVII века городок был razoren, затем перестроен, переносился с одного места на другое, и судить о его первоначальном облике, исходя из описаний Ф. Котова, А. Олеария и других путешественников этого времени, весьма трудно. Сохранилась запись на евангелие конца XVI века, свидетельствующая о начале строительства городка: «Летом 7098 (1590) месяца июля во 2 день в память положения пояса пречистыя богородицы приехал князь Григорий Осипович Засекин да Федор Михайлович Туров на заклад города Саратова ставити»²⁶. Эта запись

хорошо согласуется с другими краткими известиями, и ее можно считать достоверной.

На волжских берегах Засекин сразу же погрузился в круг уже привычных забот по строительству нового городка, охране Волжского пути, переговоров с ногайскими мурзами, размещению гарнизонов. Не прекратились его старые связи с волжскими атаманами, лояльными Москве. Появлялся в Саратове старинный «знакомый» князя Микита Болдырь. В 1590/91 г. Засекин и Туров по указу «посылали... на воровских казаков и черкас на Медведицу» стрелецкого сотника И. Бирюева с казанскими конными стрельцами, а в помощь ему дали отряды волжских казаков под предводительством М. Болдыря, Т. Ларионова, М. Погоняева. Предприятие закончилось удачно. Была разгромлена станица «Савы Долгова», сам Сава едва смог уйти, но удалось поймать и привести в Саратов гостившего у С. Долгова атамана Треню Щеголева. Таким образом, руками одних казаков громили других, «воровских». За услуги верных атаманов ждало вознаграждение: самарские воеводы выдали им четыре «портища сукна настрафилю», да четыре «половинки сукон рословских».

Так в один узел сплелась в конце XVI в. судьба всех трех вновь построенных волжских низовских городков – Самары, Саратова и Царицына. У истока их истории, в первые самые трудные годы, стоял один человек – князь Григорий Осифович Засекин. Пожалуй, во второй половине 1580-х гг. именно он являлся наиболее опытным и деятельным из всех русских воевод Понизовья. С именем Засекина связано окончательное закрепление Волги между Казанью и Астраханью за Россией, практически полное подчинение приволжской части Большой Ногайской Орды, более тесные отношения с яицким и волжским казачеством, привлечение наиболее лояльной части последнего на царскую службу.

Примечания

¹ Дубман Э.Л. Вопрос о сооружении русских городов на Волге в московско-ногайских взаимоотношениях середины 1550-х гг. // Вестник СамГУ. Сер.: Гуманитарная. 2012. № 2 / 2 (93). С. 30–35.

² ПСРЛ. Т. 14. С.36.

³ Пискаревский летописец // Материалы истории СССР. II. Документы по истории XV–XVII вв. М., 1955. С. 88.

⁴ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 35.

⁵ Пекарский П.П. Когда и для чего основаны города Уфа и Самара. СПб., 1872. С. 3–8

⁶ В документах того времени князя Засекина, как правило, величали Осиповичем, но его отца звали «Осифом».

⁷ Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства, до царя Алексея Михайловича. М., 1848. С. 7, 17, 23, 27.

⁸ Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Саратов, 2006 С. 14–15.

⁹ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (управление Казанским краем). Казань, 1982. С. 36.

¹⁰ Тверской Л.М. Русское градостроительство до конца XVII в. Планировка и застройка русских городов. М.; Л., 1953; Алферова Г.В. Русские города XVI–XVII веков. М., 1989.

¹¹ Фотокопия документа хранилась в личном архиве самарского краеведа Е.Ф. Гурьянова.

¹² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586. Д. 11. Л. 6–7 и др.

¹³ Алферова Г.В. Указ. соч. С. 57–58

¹⁴ Гурьянов Е.Ф. Древние вехи Самары. Куйбышев, 1986. С. 24, 36–42.

¹⁵ Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 38. Оп. 1. Д. 66. Л. 374.

¹⁶ Новое описание путешествия на восток магистра Адама Олеария. СПб., 1906. С. 383; Петровский Н.М. Новый список путешествия Ф.Я. Котова // Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук. Т. XV. Кн. 4. 1910. С. 291–292.

¹⁷ Английские путешественники в Московском государстве в XVII в. Рязань, 2007. С. 320.

¹⁸ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1846. С. 212–213.

¹⁹ Лихачев Н.П. Местнические дела 1563–1605 гг. Собраны и изданы Н.П.Лихачевым. СПб., 1894. С. 17–51.

²⁰ Там же. С. 22.

²¹ Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 2. Вып. 2. М., 1976. С. 69.

²² Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1841. С. 436–447.

²³ Самойлов Г., Супрун В. О происхождении топонима «Царицын» // Волга. 1989. № 9. С. 187–190.

²⁴ Петровский Н.М. Новый список путешествия Ф.Я. Котова. С. 292.

²⁵ Разрядная книга 1475–1598. М., 1966. С. 436, 494, 504.

²⁶ Акимова Т.М., Ардабацкая А.М. Очерки истории Саратова (XVII и XVIII век). Саратов, 1940. С. 3.

РАЗДЕЛ II

«ВРЕМЯ ФРОНТИРА»: XVII СТОЛЕТИЕ

ЮЖНОЕ СРЕДНЕВОЛЖЬЕ В СМУТНОЕ ВРЕМЯ¹

В начале XVII века в России разразилась гражданская война, названная современниками «Смутой». Причиной катастрофы, угрожавшей стране гибелью, стал острый внутренний кризис, осложненный вмешательством извне и прямой иностранной интервенцией. Население, не оправившись до конца от разорения, вызванного Ливонской войной и опричным террором Ивана Грозного, стало жертвой страшного голода 1602–1603 гг. Закрепощение крестьян не смогло остановить массового бегства на окраины. На границах «Дикого поля» возникают сообщества вольницы. Казачество враждебно относилось к московским порядкам. Рост помещичьего землевладения усилил конфликты между отдельными слоями самих феодалов. Интенсивное освоение Юга и Юго-Востока Европейской России, массовое испомещение там служивых людей способствовало нарастанию противоречий между центром и окраинами. Устои монархии пошатнулись из-за пресечения московской правящей династии потомков Ивана Калиты. Последний царь из этого рода Федор, сын Ивана Грозного, умер бездетным в 1598 г. Еще раньше, в 1591 г., в Угличе погиб при таинственных, до сих пор не выясненных обстоятельствах его младший брат Дмитрий. Трон занял Борис Годунов. Однако могущественная аристократия, ослабленная, но не изведенная Грозным, подняла голову и не собиралась склонять ее перед «худородным» правителем. В течение 1603–1613 гг. страну потрясали многочисленные восстания, заговоры, мятежи, терзали интервенты, авантюристы, разбойники.

Не обошла Смута и Южное Средневожье, тогда еще малолюдное и удаленное от основных театров военных действий. В 1605 г., когда власть на Москве захватил самозванный царь «Дмитрий Иванович», якобы чудом спасенный в Угличе, а на поверку сказавшийся беглым монахом Григорием Отрепьевым, на далеком Тереке объявился «племянник» нового московского «государя». Тамошние казаки велели своему товарищу беглому холопу Илейке Коровину, прозванному также по месту рождения Муромцем, впредь именоваться «царевичем Петром», сыном покойного царя Федора Ивановича.

Весной 1606 г. рать «царевича Петра» пришла с Терека на Волгу и двинулась вверх на стругах. К ней присоединялись волжские казаки и простонародье, численность ее достигла 4000 человек. Лжедмитрий I,

растерявший в столице авторитет и сторонников, отправил в апреле к казакам своего доверенного дворянина Т. Юрлова, надеясь, что отряд Лжепетра «в крайней нужде мог оказать ему помощь»². Когда те «дошли до Самары, и тут, де, их встретили от ростриги [Г. Отрепьева] под Самарою с грамотою, и Третьяк Юрлов велел им идти к Москве наспех». Однако около Свияжска казаками было получено известие о том, «что на Москве Гришку Ростригу убили миром всем, и... все казаки... поворотились назад на Волгу, на реку на Камышенку»³, а по ней ушли в верховья Дона.

О каких-либо нападениях на волжские города между Казанью и Астраханью, мимо которых этот отряд проследовал дважды, источники не сообщают. В документах этого времени имеются сведения о том, что гарнизоны волжских городов поддерживали самозванца. «И астраханские, и терские, и саратовские, и самарские стрельцы крест ему целовали. И поцеловав крест, они много дворян побили...»⁴. Известно также, что во время похода по Волге казаки во главе с «царевичем Петром» «всяких служилых людей побивали до смерти», грабили купцов. Среди «служилых» особую ненависть казаков вызывали бояре и дворяне – владельцы холопов и крепостных, из числа которых вышло большинство повстанцев. Впоследствии, присоединившись к Ивану Болотникову, казаки Лжепетра отличались особой беспощадностью и жестокостью в расправах со сторонниками царя Василия Шуйского, посаженного на престол боярами после убийства Лжедмитрия I.

Сильно пострадало и купечество. Поход Илейки Муромца, действия других казачьих предводителей, волнения в волжских городах, активизация кочевников-ногаев вконец расстроили торговлю по великой реке. Голландский коммерсант сообщал о злключениях своих собратьев по занятию: «Купцы, бывшие в Саратове, Самаре и других местах, претерпевая бедствия, блуждали по стране, и каждый бежал своей дорогой...»⁶ Иноземные торговцы боялись появляться в беспокойных городах и крепостях на Волге. А среди хивинских и бухарских купцов многие и гораздо позже отказывались от поездок в Самару, где в Смутное время несколько среднеазиатских торговцев были убиты и ограблены местными жителями⁷.

Уход с Волги отрядов «царевича Петра» не привел к спокойствию на всем пространстве от Каспия до устья Камы. В июне 1606 г. астраханский воевода князь И.Д. Хворостинин поднял мятеж против Василия Шуйского. Началось брожение среди Больших Ногаев, для которых позиция властей Астрахани значила очень много⁸.

Для стабилизации ситуации в Понизовье летом 1606 г. вниз по Волге были посланы войска под командованием боярина Ф.И. Шереметева. Однако взять Астрахань царской рати не удалось. Шереметев вынужден был остановиться на острове Балчик в 15 верстах от города, затем в октябре 1607 г. перешел в Царицын. Несмотря на относительную неудачу этого похода, пребывание сил, верных В.И. Шуйскому, в Понизовье в значительной степени стабилизировало ситуацию в регионе. Ногаи вынуждены были вновь признать свое подданство Москве. Казачья вольница могла появляться на Волге лишь время от времени, спорадически. Даже когда в отдельных «малых» городах Нижнего Поволжья верх брали антиправительственные элементы, как, например, в Царицыне, Шереметьеву удавалось вовремя подавлять эти «бунты».

Однако когда правительственные войска летом 1608 г. ушли из Понизовья сначала к Казани, а затем в центральные районы страны, огромный край был предоставлен сам себе. Тем же летом вверх по Волге из Астрахани отправились к Москве еще три самозванца – Август-Иван, Осиновик и Лавр. Если Царицын без боя перешел на сторону «царевичей», то под Саратовым они встретили ожесточенное сопротивление «... в Саратове воеводы и ратные люди отсиделися и на приступах и на вылазках астраханских воров многих побили и вор, которого называли царевичем Иваном, от Саратова пошел с астраханскими людьми в Астрахань»⁹. Любопытно, что обозленные неудачей казаки одного из «царевичей» – Осиновика убили здесь же на волжском берегу, а двух других Августа и Лавра отвезли в лагерь Лжедмитрия II, где их ждала не менее печальная участь.

Однако и саратовцы недолго сохраняли верность Василию Шуйскому. Уже в феврале 1609 г. их посланцы появились в лагере одного из полководцев Лжедмитрия II Я. Сапеги¹⁰.

Практически вся Волга до устья Камы оказалась во власти ногаев и казаков. По данным известного саратовского историка А.А. Гераклитова, в 1613 г. по всей Волге от Самары до Царицына (до Вязовки, лежащей 150 км ниже) находилось 8 казачьих городков, в которых в совокупности насчитывалось до 600 казаков¹¹. Не совсем ясно, были эти городки зимовьями или временными летними стоянками. Характерно, что в Москве весной 1614 г., когда рассылали грамоты, призывавшие к борьбе с казачьим атаманом Иваном Заруцким, обосновавшимся в Астрахани, обращались к волжскому казачеству как к совершенно самостоятельной силе. Его ставили в тексте грамот впереди яицких и терских казаков и именовали: «...на Волгу атаманом и казаком всему великому войску» или «всему вашему Волскому вели-

кому войску»¹². Руководители армии, спускавшейся вниз по Волге, должны были привести казакам «царское жалованье, денги, и сукна, и хлебные запасы, и вино...» Возможно, что такое обращение к разрозненным ватагам волжских казаков было прежде всего дипломатической уловкой, попыткой разделить возможных противников. Но все же эти послания свидетельствуют и о той роли, какую вольное казачество играло в это время по всей Волге от Самары до Астрахани.

Только Самара до конца оставалась верной Василию Шуйскому. В 1611–1612 гг. ногайская конница приходила под Тулу и Самару, сожгла Саратов¹³. Видимо, в это время был уничтожен и Царицын. Кому после свержения царя Василия подчинялись самарские жители – «Семибоярщине», руководству I или II ополчений, неизвестно.

Мы знаем лишь, что к концу Смуты на Волге между Астраханью и Тетюшами уцелела только Самара.

Самара в 1613–1614 гг. Воевода Д.П. Пожарский. После освобождения Москвы в 1612 г. от интервентов и избрания на царство в 1613 г. Михаила Романова обстановка на юго-восточных границах России, восстановившей свою независимость и государственную власть, не только не стабилизировалась, но и еще более осложнилась. В Поволжье была предпринята последняя попытка сохранить в качестве политической реальности призрак «царя Дмитрия Ивановича». Организаторами этой попытки стали Марина Мнишек и Иван Заруцкий. Марина, дочь польского магната, была супругой обоих наиболее известных самозванцев, Лжедмитрия I и Лжедмитрия II. После гибели того и другого она возложила свои надежды на русский престол на своего малолетнего сына «царевича Ивана Дмитриевича», которого официальные московские власти называли просто «воренком», так как его отец Лжедмитрий II именовался «тушинским вором». Атаман Заруцкий за годы смуты был и сподвижником Ивана Болотникова, и «боярином» Лжедмитрия II, и одним из вождей Первого ополчения против засевших в Москве поляков, опирался на верные ему казачьи отряды, заигрывал с крестьянами, горожанами и служилыми людьми. На самом же деле интересы этих общественных слоев ему были в равной степени чужды. Он мечтал стать правителем государства, поэтому в 1612 г. вступил в конфликт с Д.М. Пожарским, а в следующем году не признал избрание Михаила Романова царем.

В конце весны – летом 1613 г. войска московского правительства вынудили Заруцкого и находившуюся под его покровительством Мнишек с сыном покинуть Рязанскую землю и Верхний Дон, где они пытались закрепиться. Беглецы укрылись в Астрахани. Там

Заруцкий захватил власть, убив воеводу Хворостинина и многих горожан¹⁴. Крупнейший город в низовьях Волги рассматривался им как база для организации нового похода в центр страны. При этом он был готов получить поддержку Ирана и Турции даже ценой передачи под их власть Астрахани.

У московских правителей не хватило сил для скорого устранения угрозы, исходившей от Заруцкого, так как продолжалась тяжелая война против польско-литовских интервентов и их пособников, не были погашены очаги казачьих выступлений. Требовалось время для подготовки похода правительственных войск, местом сбора которых определили Казань. В этих условиях Самарский город приобретал стратегическое значение, поскольку между Казанью и Астраханью не оказалось волжских крепостей. Основные силы самарского гарнизона составляли 300 самарских стрельцов и 205 саратовских, пришедших сюда после гибели своего города¹⁵. Население, не относившееся к военно-служилым, было на Самаре немногочисленным и не могло существенно пополнить число защитников крепости. Для сравнения укажем, что Заруцкий в благоприятных обстоятельствах мог повести до 30 тыс. ратных людей: русских жителей Астрахани, тамошних татар и ногаев, волжских казаков. При таком соотношении сил непростая задача удержания города до подхода правительственной армии была возложена на нового самарского воеводу князя Дмитрия Петровича Пожарского-Лопату.

Воевода доводился троюродным братом герою освобождения Москвы Д.М. Пожарского, сам командовал передовым отрядом ополчения в 1612 г. Сражаясь против польских интервентов, Д.П. Пожарский под Москвой не раз сталкивался с казаками Заруцкого как в военных стычках, так и за столом переговоров. Так что своего противника воевода представлял хорошо. Дальнейшие события показали, что выбор князя Дмитрия на воеводство в Самару весьма удачен.

Первым из известных нам шагов нового воеводы стала отправка 23 сентября 1613 г. донского атамана И. Онисимова к волжским казакам, чтобы побудить тех признать власть царя Михаила Федоровича и отойти от астраханских мятежников. Склонить казаков к повиновению московским властям полностью не удалось, однако споры о том, чьей стороны держаться, раскалывали волжское казачество, мешая Заруцкому вовлечь его в свои планы. Кроме того, вернувшись весной 1614 г. в Самару, Онисимов привез важные сведения о положении на Нижней Волге.

В январе самарский воевода уведомил Москву о своем намерении послать человека к ногаям с теми же предложениями, что и к волж-

ским казакам. Столичные власти, считая, что они разбираются в обстановке на волжских берегах лучше, чем воевода передовой крепости, стали убеждать Пожарского, что от ногаев «не чаяти никакого дурна», и сделали ему выговор за проявление инициативы «без государева указа»¹⁶. А в то самое время, пока из Москвы шли утверждения о лояльности ногаев, их бий и мурзы присягнули Заруцкому, втянувшись в его авантюру. Недоверие, оказанное столичными бюрократами князю Дмитрию, обернулось нападением степняков на русские селения. Ущерб от ногайского набега оказался не очень значительным: благодаря предупреждениям самарского воеводы, о нем стало заранее известно в пограничных со степью городах. У налетчиков удалось отбить пленников, «мужиков и женок и робят», скот.

Все сообщения, поступавшие в Москву зимой и весной 1614 г. о ситуации в низовьях Волги, шли в Россию исключительно через Самару. Они собирались воеводой в допросах астраханских перебежчиков, торговцев или, как в случае с И.Онисимовым, специально посланными людьми. Воеводы крепостей, находившихся под угрозой нападения Заруцкого и его союзников, часто, не дожидаясь официальных сообщений из Самары, посылали туда разъезды («станции») своих разведчиков для скорейшего получения новостей. Так, 11 апреля от Свяжжской засеки послали к Пожарскому «станцию для вестей, вожа Атиша Абакова с товарищи», а привезенные сведения передали свияжскому воеводе¹⁷.

Астраханский мятеж перерезал традиционный Волжский путь. Единственной дорогой, связывавшей Россию со странами Средней Азии и Переднего Востока, осталась караванная тропа от Самары на Ургенч в Хивинском ханстве. При Пожарском удалось обеспечить безопасность торговли и доверие купцов. Видимо, поэтому в его воеводство, несмотря на военное время, поступления из Самары в государственную казну значительно возросли. Регулярное прибытие караванов в Самару не только соответствовало торговым интересам России, но и позволяло находиться в курсе обстановки на Нижней Волге и в прикаспийских степях, знать о положении и взаимоотношениях Хивы, Бухары, Ирана, Турции, кочевых народов Казахстана и Средней Азии.

Этот путь через степь использовали и для дипломатических целей. В декабре 1613 г. самарский воевода получил указ расспросить бухарских и хивинских купцов в Самаре, возможно ли возвращавшемуся в Иран шахскому посольству и ответному посольству русского царя «с ними вместе пройти, которыми местами они на Самару шли». Впервые Посольский приказ в Москве вынужден был ис-

кать маршрут до персидских владений, минуя Астрахань, и посол шаха предложил отправить его «зимним путем на санях до Самары» и далее «на вьюках» через Хиву в иранскую провинцию Хорасан. Но московские дьяки боялись, что за Самарой послы могут не пропустить кочевники: казахи, туркмены, каракалпаки или еще кто-нибудь.

Из Самары воевода прислал утешительные известия. Хивинские и бухарские купцы обещали безопасный проезд зимой, поскольку «от Самары... до Юргечи [Ургенча] нет степняков, которые в это время года откочевывали в другие места. Необходимо было только успеть, пока лед «на реках не прошел и покаместа конский корм под копытом не будет». Когда же вскроется лед и сойдет снег, тогда «без людей [кочевников] в степи не будет... дорогою будет не проехать»¹⁸.

22 февраля 1614 г. русское и персидское посольства прибыли в Самару почти на месяц. Появление в маленькой крепости более 100 человек и 200 лошадей до крайности обострило недостаток продовольствия и фуража. Воевода извещал, что в «государевых житницах хлебных запасов нет», купить их у жителей невозможно, многие женщины и дети сами «по миру ходят». Если же люди, в том числе и стрельцы, не убегают из голодного городка, то только потому, что «держит их зимней путь», а весной «удержати их з голоду будет не можно — разбредутца розно». Но послы требовали обеспечить их в достатке для предстоящего пути. Иранец привел на площадь усталых и больных лошадей, подлежащих, по его мнению, замене, и бросил их на попечение воеводе, пригрозив: если не дадут овса, он выведет и остальных лошадей сюда же.

Требования послы подкреплялись царскими указами из Москвы, предупреждавшими воеводу, «чтобы твоим оплошеством нашему такому великому государственному делу порухи не было, а тебе б от нас за то в великой опале не быти». Но и Пожарский понимал, что будет с Самарой и с ним самим, если с шахом договорятся не московские посланцы, а люди Заруцкого, которые уже выехали в Персию просить помощи. Понимал он и правоту слов иранского посла: «На такую дальнюю степь на худых лошадех ити нельзя... Лошеди потерять — и самому погинуть»¹⁹.

Действительно, ни на какую помощь в безлюдной степи рассчитывать не приходилось. Каким-то чудом воевода собрал послам необходимый фураж и продовольствие. Обеспечил конвой, выделив 30 конных стрельцов, по паре коней на каждого. Часть находившихся в Самаре купцов присоединилась к посольскому каравану, часть

была задержана в городе до получения известий о благополучном исходе этого путешествия. Раз ручались «головой» за безопасность дороги — пришлось оставаться заложниками своего поручительства.

22 марта послы выехали из Самарского городка, без приключений пересекли степь. Не столь мирным оказался обратный путь стрельцкого конвоя, который на реке Эмбе оставил посольство и повернул назад. Возвращавшиеся в степь кочевники, «калмыки ль, турхменцы», напали на самарский отряд. В схватке стрельцы потеряли двух человек убитыми, пятерых ранеными и 33 лошади, с таким трудом собранные в Самаре. Нападавшие заплатились жизнями двадцати человек и сорока коней, покинув поле боя.

Важнейшая внешнеполитическая акция нового московского правительства, направленная на восстановление дружественных отношений с Ираном, была успешно осуществлена. Однако обеспечить невмешательство могучего южного соседа в русскую Смуту одними дипломатическими шагами было нельзя. Многое зависело от того, насколько быстро Россия восстановит контроль над всем волжским путем до Каспия, сумеет ли подавить мятежников, упредив возможную интервенцию на этом направлении.

Разгром атамана Заруцкого и его сторонников. Поздняя осень и зима 1613–1614 гг. отодвинули непосредственную угрозу нападения Заруцкого на Самару, но уже 5 марта Пожарский сообщил: «На весну ждем под Самарской снизу воровских людей»²⁰. 11 марта трое астраханских перебежчиков подтвердили намерение Заруцкого и ногайских мурз весной «итти под Самар». 30 марта еще подробнее эти планы раскрыл беглец из Астрахани Г. Омелянов. Заруцкий со своими астраханскими сторонниками собирался двинуться «Волгою противу льду в стругах», а татар и ногаев убеждал, чтобы «деи шли на конех степью под Самарской и под Казань и Самарской бы деи осадили, покаместа деи он, вор, подоспеет Волгою в стругах с нарядом [артиллерией] и с вогненными пушками». Не оставлял он надежды привлечь к походу на Самару волжских казаков, обещая: «я де вас пожалую тем, чего де у вас и на разуме нет». Пытаясь обнадежить своих сторонников, Заруцкий добавлял: «Знаю де я московские наряды [порядки], покаместа деи люди с Москвы пойдут, я деи до тех мест Самару возьму да и над Казанью промысел учиню»²¹.

По мнению Д.П. Пожарского, сложившаяся обстановка требовала присылки подкреплений самарскому гарнизону из числа войск, стянутых в Казань под команду воевод И.Н. Одоевского и С.В. Головина. Однако Одоевский принял другое решение. Его, как команду-

ющего правительственными войсками в Поволжье, беспокоила не столько судьба Самарской крепости, сколько возможность соединения Заруцкого с отрядами казаков и разных авантюристов, возобновивших военные действия и грабежи на Верхней Волге и в Пошехонье. В половодье силы Заруцкого могли пройти незаметно, минуя Самару и Казань, вверх по Волге, а верхневолжские отряды мятежников мелкими группами – в Астрахань. 15 апреля Одоевский отдал распоряжение стрелецкому голове Г. Пальчикову отправиться с пятью сотнями стрельцов из Казани к устью реки Усы, построить там небольшую крепость-«острожек» и воспрепятствовать возможной попытке противника пересечь Самарскую Луку по Усе. В случае необходимости Пальчикову предписывалось «Самарскому городу помогати», но основными задачами ставились наблюдение за движением по Волге, запрет на передвижение по ней мимо устья Усы, а также охрана рыбных промыслов.

Узнав о посылке Пальчикова, Пожарский стал требовать перевода этого отряда в Самарский, приводя соображения как военного, так и политического характера. Он указывал, что действительной помощи друг другу отдаленные на 60 верст гарнизоны оказать не смогут. Запретив движение по Волге мимо своей заставы, Пальчиков перекрыл подвоз хлеба в Самарский городок, где «всякие люди бедны и голодны и хлебных запасов продажного нет у них». В городе расплозились слухи, что казанские воеводы хотят самарских жителей «голодом поморить», а потому на Самаре «смута и в людех сумнение великое». Пожарский предупреждал Одоевского и его помощников: «В Самарском служилые люди и всякие ружники и оброчники бедны и голодны, а воров ожидаем вскоре... а которая, господа, над Самарским городом поруха учинится, и то, господа, не от меня, от вас». Еще сдерживаясь в официальных донесениях, самарский воевода устно, видимо, высказывался более круто. В Казань шли доносы, будто он грозил: «Пойду де я на Усу и острожек де велю скрыть», и पुше того: «Когда де воровские люди Самарской возьмут, и я де умею воровать, и от меня де многие города подрожат». Разумеется, подобные реплики воевода отрицал, объясняя их появление клеветой недругов²².

Видимо, чтобы хоть как-то разрешить этот конфликт и окончательно обезопасить Самару от нападения с низовьев, в начале мая Одоевский и Головин поручили стрелецкому голове Сунгуру Соковину с пятистами стрельцами перекрыть Волжский путь и «переволоку» между Волгой и Усой ниже города, у южной оконечности Самарской Луки²³. Однако по неизвестным нам причинам это решение так и осталось только на бумаге.

При всех неурядицах в правительственном лагере время работало не на Заруцкого. Споры из-за острожка на Усе прекратились сами собой, когда из Казани по Волге двинулась вниз вся рать князя Одоевского, который 17 мая прибыл в Самару. В тот же день Пожарский и Одоевский получили очень важные сообщения из Астрахани. Там против Заруцкого и его приспешников вспыхнуло восстание русского и татарского населения города. Эти известия подтвердили справедливость расчетов Пожарского на внутренние раздоры в пестром по своему составу лагере Заруцкого.

Астраханские вести ускорили продвижение правительственных войск в низовья Волги. По совещанию с Одоевским самарский воевода передал ему часть своих «ратных людей с головами стрелецкими, с Михаилом Соловцовым да с Лукою с Вышеславцовым, два приказа стрельцов с вогненным боем»²⁴.

Бежавший из Астрахани с частью казаков Заруцкий засел «на Яике на Медвежьем острове». Оттуда посылались разведчики «проехать, что на Самаре вестей»²⁵. В планы казачьего отряда человек в 600 входил прорыв на Волгу по реке Самаре. Вновь на предполагаемом пути мятежников оказывался Самарский город. Стрелецким головам, преследовавшим Заруцкого, приказали не дать казакам уйти к Самаре сухим путем или переволочиться с Яика на Самару на стругах. Основным силам засевших на Медвежьем острове мятежников осуществить свой план не удалось. Они были окружены и 24 июля выдали царским воеводам Заруцкого, Марину и ее сына, которых срочно отправили в Москву. Конвою, в состав которого входила и сотня самарских стрельцов М. Соловцова, Одоевский приказал умертвить пленников, если по дороге их попытаются отбить сообщники. Опасения оказались напрасными – пленных доставили в столицу. Заруцкий и малолетний «воренок» были казнены, «царица» Марина вскоре умерла (или была тайно убита) в тюрьме.

Часть казаков все же бежала с Яика на Волгу, но не по реке Самаре, так как не решалась теперь из-за своей малочисленности двигаться мимо укрепленного городка, а степью. К тому времени новые воеводы В.И. Туренин и М.В. Белосельский сменили на Самаре Пожарского. До Волги казаки не дошли, ибо напали на след «сакмы» – дороги, по которой хивинские купцы «с корованы прошли на Самару, и стали те воры их на степи ждати и стеречь, как они пойдут с Самары назад степью, а на Самаре про то ведомо не было». Когда же купцы, «исторговався, пошли с Самары степью назад в Юргенчи, и те воровские казаки... пришли на них на стан, на сонных»²⁶.

Из-за внезапности нападения в руки казаков попала добыча и пленные. Однако, придя в себя, купцы настигли грабителей, благо те были пешими, отбили пленных и часть своего товара. Но казаков ждала и еще большая неприятность. Не успели они разделить остатки награбленного, как из Самарского города на конях подоспела погоня. Стрелецкий голова С. Есипов со служилыми людьми «отбили» их в степи, доставив в Самару трех плененных атаманов и 42 казака.

Этот эпизод наглядно свидетельствовал о том, что опаснейшее антиправительственное движение окончательно выродилось в обычный казачий разбой на Волге и в заволжских степях. Было у данной истории и дипломатическое продолжение. В 1616 г. хивинский посол на переговорах в Москве поднял вопрос о возвращении купцам тех денег и товаров, которые попали сначала к казакам, а от них к ратным людям самарского гарнизона. При этом выяснилась подробность, характерная для взаимоотношений торговцев и воеводской администрации. Иноземные купцы по закону не имели права вывозить из России деньги — все вырученное от продажи серебро требовалось потратить на покупку русских товаров. Однако воевода Белосельский хивинцев «с Самары с теми деньгами выпустил, а взял от того 200 рублей денег да 20 лошадей», освободив за это купцов от таможенного досмотра. После пленения казаков Белосельский уверил купцов, что отбитые деньги и товар взяты «в государеву казну».

Хивинские купцы исхлопотали у своего хана грамоту царю Михаилу Федоровичу с просьбой вернуть из казны то, что принадлежало купцам. Думные дьяки московского Посольского приказа могли только усмехнуться по поводу столь наивных представлений о порядках на русском пограничье. Они объяснили хивинскому послу: «А что будет царского величества самарские ратные люди... рухляди [товары] какие и отгромили [отбили], и воинские люди по себе и розделили, потому что взяли у воровских людей... да того уж не поднята и ни на ком не взяти». После такого объяснения обещание, данное послу, — ради добрососедских отношений Москвы и Хивы про купеческие «животы и рухлядь на Самаре... сыскивати, да будет что... сыщется, и государь велит, сыскав, им отдати»²⁷ — выглядело не более чем уловкой дипломатического этикета.

По поводу же денег московские представители на переговорах не без поучающей интонации заявили: «В государевой казне тех погромных [награбленных] денег нету, да и не надобно государю в казну такие погромные деньги». Эти деньги самарские воеводы, если и собрали сначала, то лишь для того, чтобы опять раздать «ратным

людям» как военную добычу. Правоту таких действий под сомнение не ставил никто...

Самарский гарнизон выполнил свое предназначение в самое трудное не только для города, но и для страны время. Он активно участвовал в разгроме мятежа атамана Заруцкого, в обеспечении дипломатических и торговых связей России со странами Востока, в охране ее рубежей. Все это было достойным вкладом в возрождение российской государственности, в предотвращение интервенции со стороны южных соседей, Турции и Ирана. Наконец, оказался восстановлен на всем протяжении Волжский путь, вновь по нему спокойно путешествовали и торговцы, и дипломаты.

В начале 1615 г. в Самару прибыл русский гонец с грамотой к шаху, и городским воеводам предписывалось решить, как его направить — «Волгою или степью». Воевода Белосельский рассудил за лучшее дожидаться вскрытия реки, после чего с чистым сердцем отправил гонца на струе в Астрахань...

Смута кончилась. Жизнь входила в обычное русло...

Примечания

¹ Этот раздел написан совместно с Ю.Н. Смирновым.

² Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 150

³ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией имп. Академии наук (далее — ААЭ). СПб., 1836. Т. 2. С. 175.

⁴ Корецкий В.И. Летописец с новыми известиями о восстании Болотникова // История СССР. 1968. № 4. С. 130.

⁵ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 22–23.

⁶ Масса И. Указ. соч. С.153.

⁷ Труды Восточного отделения Императорского русского археологического общества. СПб., 1892. Т. XXI. С. 171.

⁸ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001. С. 393.

⁹ Цит. по: Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923. С. 195.

¹⁰ Тюменцев О.И. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 246.

¹¹ Гераклитов А.А. Указ. соч. С. 198.

¹² ААЭ. Т. 3. № 18. С. 21–23; № 25. С. 46–54.

¹³ Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 396.

¹⁴ Смирнов Ю.Н. Разгром авантюры И. Заруцкого в Поволжье в 1614 г. // Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале и в Среднем Поволжье (дореволюционный период). Уфа, 1988. С. 72.

¹⁵ Труды Восточного отделения... Т. XXI. С. 241.

¹⁶ Там же. С. 165, 175, 178.

¹⁷ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее – АИ). СПб., 1841. Т.3. С.425

¹⁸ Бушуев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613–1621 гг. М., 1987. С. 16, 21, 22.

¹⁹ Там же. С. 30, 32–33.

²⁰ Труды Восточного отделения... Т. XXI. С. 229.

²¹ АИ. Т. 3. С. 411–413.

²² Там же. С. 420, 423, 426-428.

²³ Там же. С. 426.

²⁴ Там же. С. 442.

²⁵ Там же. С. 25.

²⁶ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л., 1933. Ч. 1. С. 119.

²⁷ Там же. С. 121.

ПОНИЗОВОЙ ФРОНТИР МОСКОВСКОЙ РУСИ

Юго-Восток Европейской части России относится к территориям, сравнительно недавно вошедшим в ее состав. Освоение этих ранее полупустынных пространств заняло несколько столетий и отразило одну из важнейших тенденций в историческом развитии нашей страны. Как писал С.М. Соловьев, в одной короткой фразе обобщивший суть созданной им теории колонизации, «...древняя русская история есть история страны, которая колонизируется»¹. Продолжая своего учителя, В.О. Ключевский распространил его концептуальный подход на всю средневековую историю России: «...Периоды нашей истории — этапы, последовательно пройденные нашим народом в занятии и разработке доставшейся ему страны...»². Под колонизацией отечественные историки второй половины XIX — начала XX в. понимали процесс заселения и хозяйственного освоения пустующих окраинных земель. В их трудах этот термин не имел того негативного оттенка, который появился позднее в трудах советских исследователей. Почти одновременно, в конце XIX в., в западной исторической науке начинает применяться другой подход, связанный с теорией фронта и позволявший объяснить разнообразие уникальных черт, присущих вновь осваиваемым территориям. Ее создателем был американский историк Ф.Дж. Тернер³, считавший, что фронт способствует возникновению «смешанной национальности». По его мнению, люди, жившие в условиях пограничья, вырабатывали новые стереотипы поведения, ментальные особенности, становились более независимыми⁴.

Эти два дополняющих друг друга подхода позволяют объяснить многие процессы в истории Московского царства, когда взаимодействие метрополии и осваиваемых территорий становится важнейшим, а в ряде случаев определяющим фактором для развития страны. Начиная с середины XVI в. государство и общество приступили к медленному и неуклонному заселению Дикого Поля, его восточных окраин по Средней и Нижней Волге, Яику (Уралу); вышли на сибирские просторы, отодвинули Речь Посполитую за Днепр. Это был замечательный период в неустанный колонизационный движении, складывании новых социальных групп, формировании особой ментальности жителей окраин.

Одним из интереснейших регионов, где происходили процессы «перемалывания» пространства, превращения его из кочевий степняков в ареал расселения земледельцев и промышленников, была территория «Понизовых городов». Так назывались тогда юго-восточные окраины Европейской России, которые в конце XVI–XVII вв. становятся пограничной, интенсивно осваиваемой территорией. Их южная лесостепь являлась рубежом между различными культурами, как правило, враждующими, соперничающими за ставшие на некоторое время ничейными районы «Дикого Поля». Действия различных участников этого процесса, сама ситуация в регионе наиболее полно соответствуют понятию «фронтир»⁵, объясняющему особое состояние осваиваемой территории, психологию и поступки людей пограничья. Здесь возник своеобразный котел, где «варились» чувства, настроения, убеждения представителей различных культур, верований, обычаев – русских, коренных народов Среднего Поволжья и Приуралья, кочевников – ногаев и калмыков; происходило постепенное сближение и ассимиляция различных историко-культурных стереотипов.

Начало этой грандиозной эпопеи обретения «новой родины» было положено завоеванием Казанского и Астраханского ханств, позволившим перейти к постепенному закреплению огромного региона за Москвой. В процессе его освоения принимало участие как само государство, так и различные группы российского общества. В настоящее время господствовавшему ранее в марксистской историографии «...противопоставлению правительственной и вольной колонизации все чаще приходит на смену мнение об их органической связи; в целом для практики освоения “украин” в XVI–XVII вв. характерно тесное переплетение различных колониционных форм, их постоянное взаимодействие»⁶. Но при этом нельзя не отметить важнейшую роль государства в закреплении вновь присоединенных районов за Россией.

Агенты Английской Московской компании, проезжавшие несколько раз по Волге во второй половине XVI в., голштинец А. Олеарий, детально описавший Волжский путь во время своего путешествия в Персию в 1630-х гг., другие западноевропейцы оставили фактически совпадающие сведения о пустынных, не заселенных сельскими жителями берегах великой реки, начиная от Тетюшей и до Астрахани⁷. Полновластными хозяевами степных и лесостепных пространств, примыкающих к Волге, по их мнению, были ногаи и затем вытеснившие их калмыки. Однако уже к рубежу XVI–XVII вв. правительство и местная администрация могли достаточно уверенно контролировать ряд стратегических территорий Юго-Востока. По своей

конфигурации они напоминали дерево, корни которого обвивали волжскую дельту и северное побережье Каспия, стволом являлась Волга, а крона охватывала территорию бывшего Казанского ханства. Опорными пунктами русского влияния на всем пространстве ниже устья Камы были только города-крепости – Астрахань, Самара, Саратов, Царицын, Терки и другие.

Смутное время, когда центр практически утратил контроль над окраинами, стало своеобразным тестом, индикатором, показавшим степень эффективности всей предшествовавшей правительственной политики на европейском Юго-Востоке. Сложившаяся во второй половине XVI – начале XVII в. система городов-крепостей, опорных пунктов, торговых путей и промысловых угодий; политического равновесия в крае, где соседствовали коренное население Среднего Поволжья, Ногайская Орда, яицкое казачество, служилое и посадское население, русские промышленники и торговцы из центральных районов, пришла в расстройство. Астрахань, бывшая под властью опозиционных правительству Василия Шуйского сил, оказалась в 1613 г. в руках бывшего «тушинского» боярина И.Т. Заруцкого, готовившего новый поход на Москву. На Волге от Самары до Астрахани складывается волжская казачья область. Фактически враждебную позицию России заняла Большая Ногайская Орда⁸. Ниже устья Камы московское правительство контролировало только Тетюши, Самару и Терки.

В этих условиях правительство Михаила Романова предприняло максимум усилий для укрепления своих позиций в Среднем и Нижнем Поволжье. Весной 1614 г. из Казани была отправлена вниз по Волге крупная армия для подавления авантюры Заруцкого. Наряду с военными мероприятиями Москва пыталась склонить на свою сторону всех колеблющихся с помощью уговоров, рассылки грамот, обещания льгот. В 1616 г. подданство России признали владельцы Большой Ногайской Орды. Были вновь отстроены Царицын и Саратов.

К концу 1610-х – началу 1620-х гг. обстановка в крае в целом стабилизировалась. Сложившиеся в предшествующее время контуры российской политики в Поволжье и Приуралье сохранились и в первой половине XVII в. Характерной особенностью этого периода явилась нарастающая «милитаризация» региона, усиление в нем русского военного присутствия. Восстанавливались «старые» города по Волге, строились новые, росла численность гарнизонов. Московский гость Ф. Котов, в 1623 г. составивший краткое описание низового пути, только Казань и Астрахань увидел крупными военными и торгово-промышленными центрами, а все остальные «города» по

Волге — прежде всего крепостями, за стенами которых спрятались «посады и ряды»⁹.

Специфичным явлением стал «выплеск» сельского населения в южную и юго-восточную лесостепь, за границы ранее освоенных и хорошо защищенных районов: в Предволжье — за пределы линии Темников — Алатырь — Тетюши, а в Заволжье — на юг за Каму. Источники конца XVI — первой половины XVII в. свидетельствуют о том, что эти пустынные пространства (вплоть до Самарской Луки включительно и даже южнее, почти до Саратова) были зоной постоянной промысловой деятельности коренного населения Среднего Поволжья. Причем если на Правобережье занималось бортными и бобровыми промыслами, ловило рыбу и охотилось, косило сено «наездом» и селилось в укромных местах в основном местное чувашское, мордовское и отчасти татарское население, то в Закамье появился ряд русских селений.

Относительно безопасным становится промысловое рыболовство на Волге к югу от устья Камы¹⁰. Эти районы изобиловали богатейшими ресурсами красной и другой ценной рыбы¹¹. Таково резюме членов экспедиции под руководством К.М. Бэра, проделавших в середине XIX в. выдающуюся работу по изучению рыбных ресурсов России.

О привлекательности волжских рыбных богатств свидетельствует наплыв предпринимателей «сверху». Из казанско-тетюшских вод промышленники и работные люди все в больших количествах уходили вниз по Волге в более выгодные в промысловом отношении районы. Местные воеводы жаловались на то, что в «...казанских водах ...недолавливается рыба для царя...», так как рыбные ловцы уходят к Самаре, Саратову и ниже¹². В Нижнем и Среднем Поволжье складываются крупные предприятия по добыче рыбы и соли, активно эксплуатируется Волжский торговый путь. В волжской и яицкой (уральской) дельтах возник комплекс крупнейших в стране рыболовецких промысловых предприятий-поселений — учугов. Сезонные промысловые поселения, ватаги и станы появились по всей Средней и Нижней Волге, а также Каме. Во время навигации и промысловой путины здесь скапливались огромные массы работных людей. Продукция рыбных и соляных промыслов региона заняла одно из главных мест на Макарьевской ярмарке и других крупнейших торговых центрах страны. Характерно, что в первой половине XVII в. государство являлось только регулятором этого процесса, верховным собственником и распределителем природных богатств края. Непосредственно же в торгово-промышленной деятельности оно отдало инициативу представителям привилегированного купечества, мона-

стырям, епархиальным домам, предпринимателям из московских слобод, центральных и местных посадов и т. д.

Итоги хозяйственного развития региона в первой трети XVII в. были подведены в документах пятины (сбора чрезвычайного налога с населения, ведшего торговую и предпринимательскую деятельность) 1634 г. Анализ ее результатов позволяет говорить о подъеме в эти годы восточной торговли, осуществлявшейся в основном через Волжский путь¹³. Однако тезис о подлинном расцвете поволжских городов и прилежавших к ним территорий следует отнести к торгово-промышленным центрам от Ярославля до Казани. Города к югу от устья Камы значительно уступали им по количеству посадских и «белых» дворов, по размаху предпринимательской деятельности. Крупнейший торгово-промышленный центр нижней Волги – Астрахань с собранными пятинными и запросными деньгами (соответственно, 2273,22 и 2395,5 руб.) вряд ли мог конкурировать с такими поволжскими гигантами, как Ярославль (17665,04 руб.) или Казань с пригородами (26197,36 руб.)¹⁴. Не следует преувеличивать и уровень развития поволжских посадов. По сводным данным за 1620-х – 1630-е гг., численность служилого населения в городах, подведомственных приказу Казанского Дворца, в несколько раз превышала количество посадских людей¹⁵, что свидетельствует о сужении возможностей для превращения их в крупные экономические центры.

Середина 30-х гг. XVII в. стала переломной в освоении южных и юго-восточных окраин России. После поражения в Смоленской войне правительство активизировало свою деятельность на границах с «Диким Полем». Этой перемене «способствовали» нападения Крымского ханства и Малых Ногаев во время войны с Польшей, а также появление в междуречье Волги и Урала калмыков, дестабилизировавших обстановку в степных и лесостепных районах Заволжья. Необходимо было добиться стабильности на границах с кочевниками и приобрести новые относительно безопасные районы для сельского расселения. Наиболее надежным проверенным способом для этого являлось строительство непрерывных засечных черт и размещение в их крепостях и острогах военных гарнизонов¹⁶. В южном пограничье России начинается возведение оборонительных сооружений грандиозной Белгородской линии. Происходит массовое «испомещение» служилых людей и крупные миграции тяглого населения. В Среднем Поволжье к созданию единой системы засечных линий приступили позднее, только в конце 1640-х гг. Но изменения в отношении государства к своим юго-восточным окраинам проявились и здесь. Политика, направленная на «умиротворение» калмыков, дала свои

плоды. После нескольких столкновений с гарнизонами пограничных городов калмыцкая знать осознала необходимость установления мирных отношений с Россией. Продолжилось продвижение населения на юг и юго-восток в пустынные районы лесостепи. Далеко за пределами ареала сельского расселения складывается земледельческий Самарский уезд. На Самарской Луке – в Надеинском Усолье, в устье Яика и других местах появились хорошо укрепленные городки, промысловые и земледельческие поселения. Разрастается сеть поселений в Закамье, для охраны которых с начала 1640-х гг. было построено несколько укрепленных пунктов. Последние, по мнению американского историка А. Доннелли, явились небольшой «второстепенной» укрепленной линией, открывшей первый этап продвижения русских внутрь Башкирии¹⁷.

Основные направления и динамика развития поволжского фронта в первой половине XVII в. вполне очевидны. Продолжалось последовательное закрепление за государством огромного региона, строительство на его территории новых военизированных поселений и расширение социальной базы для проведения более активной правительственной политики. Складываются крупные центры промысловой эксплуатации природных ресурсов. За их пределами, на Яике, Тереке и Доне формируются обособленные области казачьей вольницы. Многие исследователи рассматривают эти тенденции как создание предпосылок для появления нового района интенсивной правительственной колонизации в Южном Средневожье. Однако вряд ли возможно, свести сложнейшие процессы социально-экономического и политического «включения» огромного региона в состав России только к подготовке условий для формирования под защитой укрепленных линий ареала постоянного сельского расселения на сравнительно ограниченной территории.

Завершением создания непрерывной системы укреплений от границ с Польшей до Башкирии явилось строительство в конце 1640-х – 1650-х гг. Симбирско-Карсунской и Закамской оборонительных линий. Их возведение коренным образом изменило ситуацию в лесостепной зоне правобережья Волги и в Закамье. Началось интенсивное сельское заселение находившихся под защитой укреплений пустынных территорий. Там сложился крупный, преимущественно русский, контингент военизированного населения. В него также вошла значительная часть служилых людей из народностей Среднего Поволжья¹⁸. Во вновь образованном Симбирском уезде и закамских землях Казанского уезда получило преимущественное развитие мелкое и среднепоместное землевладение. Как и в южных районах Рос-

сии, здесь действовали нормы законодательства о «казачьих городах», препятствовавшие складыванию крупного вотчинного хозяйства¹⁹. Особо следует отметить роль вольной беглой колонизации, столь же, а возможно, и более интенсивной, чем в южных пограничных уездах страны. Значительная часть новых земель оказалась занятой переселенцами из среды ясачного населения Среднего Поволжья. Симбирск, в отличие от других городов к югу от устья Камы, стал центром крупного аграрного района. Его жители обеспечивали продукцией сельского хозяйства не только собственное служилое и торгово-промышленное население, но и поставляли хлеб в другие города и промышленные центры региона. О значимости этих территорий для Российского государства свидетельствует отписка 1664 г. симбирского воеводы И. Дашкова с личными пометами царя Алексея Михайловича: «А в тех во всех уездах хлебом, и скотом, и медом, и рыбою изобильно гораздо ж. И великий государь будет изволит... завести... пашни великие, а земли в тех местах самые добрые...»²⁰

К концу 1660-х – началу 1670-х гг. защищенная укрепленной линией территория Правобережья не смогла вместить всех желающих там поселиться. Поток переселенцев и раздачи земель перевалили через «вал». Заселение местности к югу от черты начало приобретать массовый характер, о чем свидетельствуют результаты переписи Симбирского уезда 1678 г.²¹

С середины XVII в. правительство более целенаправленно пытается установить свой контроль над кочевым волжско-яицким междуречьем. Начинается процесс постепенного подчинения калмыков, признания ими своего подданства России²².

Важнейшую роль в освоении новых территорий и закреплении «старых» играло формирование структуры органов местной администрации. Административное «строительство» шло в основном в направлении расширения территории ее функционирования, а также более «четкой организации и детализации» системы управления. Создаются новые административно-территориальные единицы, и, соответственно, растет количество учреждений местной администрации. Управлять из Симбирска огромной и все более расширяющейся территорией уезда, занявшего все Предволжье вплоть до Саратова, было затруднительно. Поэтому в конце XVII в. часть полномочий «главного» воеводы передали местным воеводам пригородов и острогов, которым подчинялись жители прилегающих к этим укрепленным пунктам сельских поселений²³. Следует отметить, что даже в национальных районах региона важнейшие структуры местного управленческого аппарата комплектовались из русских служилых людей. Представи-

тели нерусского населения назначались или выбирались только на низшие должности²⁴. Именно в это время вполне очевидной стала политическая направленность формируемой в регионе административно-управленческой системы, созданной для унификации присоединяемых и осваиваемых территорий с основной территорией государства.

В определенном смысле «Разинщину», охватившую всю юго-восточную окраину Европейской России, можно назвать восстанием окраин против центра. В свое время известный историк Н.Я. Эйделман, рассматривая другое столь же мощное движение («Пугачевщину»), писал: «Главные народные войны зажигаются не в самых задвленных, угнетенных краях... нет, они возникают в зонах относительно свободных... Оказывается, для того, чтобы восстать, чтобы начать, уже нужна известная свобода, которой не хватает помещицкому рабу²⁵. Население юго-восточного фронта — казачество, рабочие и гулящие люди, посадские и служилые по прибору люди местных городов, крестьяне — с оружием в руках ответило государству на попытку установить на новых более свободных территориях порядки, которые господствовали в крепостническом центре страны.

Восстание 1670—1671 гг. вынудило правительство по-новому выстраивать политику, направленную на стабильное развитие региона; принимать меры к предотвращению массовых выступлений его жителей. Центр и местные власти начинают понимать, что военно-административная и социально-экономическая системы, созданные на юго-восточной окраине, имеют ряд серьезных недостатков. Вносятся существенные коррективы в политику по отношению к казачеству, посадским и приборным людям волжских городов, русскому и национальному сельскому населению Среднего Поволжья. Наряду с военно-административными действиями, усилением гарнизонов, строительством новых укрепленных пунктов, унификацией системы местного управления, ростом полномочий местных властей и т. д. правительство приняло ряд мер, направленных на защиту русского тягло и коренного ясачного населения. Например, на территориях с нерусским населением был упорядочен и передан в ведение выборных сбор ясака, временно отменен сыск беглых ясачных людей и возвращение их на старые места жительства, в 1682 и 1685 гг. появились новые указы, защищающие ясачное землевладение, и т. п.²⁶

В последние десятилетия XVII в. существенно изменился экономический облик Юго-Востока, прежде всего его промыслово-торговая составляющая. Следствием этого явилась более напряженная экономическая деятельность, окончательное оформление предприятий, имеющих черты не только крупной кооперации, но и отчасти ма-

нуфактуры. Складывается многочисленная армия наемных рабочих; растет товарообмен с центральными районами страны, а также между аграрными и промысловыми центрами региона. Казань, Симбирск, Астрахань и другие города края превратились в крупные торгово-промышленные центры с многочисленным посадом²⁷. Их экономическое развитие было обусловлено не только положением на Волжском транзитном пути, но и обслуживанием местной земледельческой округи. Наиболее явственно это проявляется на примере Симбирска и даже Сызрани, которые по численности посадского населения за короткий срок своего существования значительно обогнали такие «старые» города края, как Самара, Тетюши и т. д. Вместе с тем интенсивное развитие волжских промыслов и торговли позволило превратиться в крупные экономические центры и не имевшим своего уезда городам, например Саратову.

Характерно, что государство в большей степени, чем ранее, вмешивается в хозяйственное развитие юго-восточных окраин. Особенно это становится очевидным после завершения «Разинщины». Среди различных участников колонизационных процессов наиболее значимая, выдающаяся роль принадлежала правительственному освоению. На территории Юго-Востока, по образному выражению Л.В. Милова, несколько перефразировавшего слова К. Маркса, особенно отчетливо проявилась: «...необычайная активность Русского государства в области создания так называемых «всеобщих условий производства»»²⁸.

Именно с этого времени явственно проявляется процесс «встраивания» Поволжья и Приуралья в социально-экономическую систему России. Регион, прежде всего его земледельческие и земледельческо-промысловые территории, промысловые центры по Волге и другим рекам, Волжский и Камский торговые пути, становится неотъемлемой частью экономического пространства страны. Его промысловая и сельскохозяйственная составляющие оказывают все более возрастающее воздействие на развитие общероссийского народного хозяйства.

В 1680-е – 1690-е гг. район поместного землевладения на волжском Правобережье стал стремительно расширяться к югу, вплоть до широты Саратова и ниже. Для обеспечения его безопасности, в отличие от более раннего периода, правительство отказалось от сооружения дорогостоящих непрерывных линий. Оно ограничилось строительством групп отдельных укрепленных центров с прилегающими к ним сельскими военизированными поселениями. Так, вместо запланированного создания Сызранской линии начиная с 1683 г. строятся Сызрань, Кашпир, ряд слобод, населенных служилыми людью

ми, что позволило перейти к интенсивному заселению всей территории между Симбирском, Сызранью и Пензой. Походы 1695–1696 гг., завершившиеся взятием Азова, дальнейшее укрепление волго-донского междуречья, где в 1697 г. были начаты работы по сооружению канала между Камышинкой и Иловлей²⁹, способствовали еще большей безопасности уже освоенного района, находившегося в окрестностях Саратова и выше по Волге. К началу XVIII в. на этих территориях, входивших в огромный Симбирский уезд, насчитывалось уже более 300 населенных пунктов³⁰.

В конце 80-х – начале 90-х гг. XVII в. правительство начинает рассматривать земли Правобережья как относительно безопасные территории, о чем свидетельствует отмена законодательства о «заповедных городах». Здесь появляется вотчинное землевладение крупнейших светских феодалов России и центральных монастырей. Значительно медленнее шел процесс освоения Заволжья, но и там к югу от укреплений Закамской линии вдоль Волги стали появляться сельские поселения. Новые земледельческие районы существенно отличались по этническому и конфессиональному составу населения, землевладению от давно обжитых территорий Среднего Поволжья. Эти территории характеризовались чрезвычайно высоким приростом, «исключительно большим возрастанием крепостного населения, особенно помещичьих крестьян»³¹.

Рубеж XVII–XVIII столетий явился итоговым, решающим для «Понизовых городов» по целому ряду факторов. Завершился знаковый период в развитии этой территории. Значительная часть региона оказалась освоенной земледельцами и промысловиками, появилась частая сеть сельских и городских поселений, сложилась система местного управления. К началу XVIII в. эти районы в определенной степени становятся внутренним пространством Российского государства. Правительство поставило под свой контроль основные силы, находившиеся как внутри региона, так и на его границах – яицкое и донское казачество, калмыков. Но в то же время юго-восточные территории, в первую очередь Заволжье, не утратили своего пограничного положения, остались открыты фронтиром. По степени и характеру своей освоенности, социального, политического и экономического развития они продолжали оставаться разнородными. Факторы, объединяющие их, оставались слишком слабыми, неэффективными для создания единого пространства. Характерно, что позднее, в 1720 г., вскоре после образования Астраханской губернии, ее территорию (в том числе и входившие в нее Симбирский и Самарский уезды) в доношении губернатора А.П. Волынского характеризовали следую-

щим образом: «К тому же пограничная как к Персии, так и к степным народам, от которых всегда набеги бывают»³². Понадобилось строительство в XVIII в. Царицынской, Новой Закамской, Самарской и других линий; создание и заселение Оренбургской губернии, подавление «Пугачевщины» для того, чтобы окончательно утвердиться на южных и юго-восточных рубежах Европейской России.

Примечания

¹ Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. М., 1988. Кн. 2. С. 631.

² Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. М., 1987. Т. 1. С. 50–51.

³ Тернер Ф.Дж. Фронтир в американской истории. М., 2009.

⁴ Ананьев Д.А. Западная историография XX века: основные концепции и теоретические подходы к изучению сибирской колонизации конца XVI – XIX века // Исторический ежегодник. Новосибирск, 2008. Вып. 2. С. 23.

⁵ В настоящее время, помимо западных исследователей, из отечественных наиболее последовательно этим термином пользуются историки Сибири и Урала. См., например: Баррет Т.М. Линия неопределенности: северокавказский фронтир России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период: кнтология. Самара, 2000; Агеев А.Д. Сибирь и Американский Запад: движение фронтиров. Иркутск, 2002; Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005.

⁶ История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: в 5 т. Т. 2. Крестьянство в периоды раннего и развитого феодализма. М., 1990. С. 405.

⁷ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Рязань, 2007. С. 226–227; Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / пер. с нем. А.М. Ловягина. СПб., 1906. С. 375; др. авторы.

⁸ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.; Л., 1948. С. 92–93.

⁹ Петровский Н.М. Новый список путешествия Ф.Я. Котова // ИОРЯС. Т. XV. Кн. 4. СПб., 1910. С. 291–294.

¹⁰ Исследования о состоянии рыболовства в России. СПб., 1861. Т. 4. С. 1.

¹¹ Исследования о состоянии рыболовства в России. СПб., 1860. Т. 2. С. 21.

¹² ААЭ. СПб., 1836. Т. 3. № 153. С. 219.

¹³ Смирнов П. Города Московского государства в первой половине XVII века. Киев, 1917. Т. 1. Вып. 1. С. 103.

¹⁴ Сташевский Е. Пятина 142-го года и торгово-промышленные центры Московского государства // ЖМНП. № 38. 1912, апрель. С. 97–99; № 39. 1912, май. С. 84–94.

¹⁵ Книги разрядные. СПб., 1853. Т. 1. С. 1141–1358; Т. 2. С. 931; Разрядная книга 1637–1638 года. М., 1983. С. 117–124; и др.

¹⁶ Яковлев А. Засечная черта Московского государства в XVII в. М., 1916; Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969; др. работы.

¹⁷ Доннелли А.С. Завоевание Башкирии Россией 1552–1740 // Страницы истории империализма. М., 1995. С. 58.

¹⁸ Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века. Очерки из истории колонизации края. Одесса, 1882. С. 74–80, 140–176.

¹⁹ Дубман Э.Л. Формирование сельского населения в Симбирско-Самарском Поволжье в XVII – начале XVIII вв. // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1990. С. 19–25.

²⁰ Гурлянд И.Я. Приказ Великого государя тайных дел. Ярославль, 1902. Приложения. № 3. С. 353–354.

²¹ Описание городу Синбирску и его уезду в 1678 году (Переписные книги Приказа Казанского Дворца). Симбирск, 1902.

²² Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967. С. 126.

²³ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX.

²⁴ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982. С. 125, 142–143, 176.

²⁵ Эйдельман Н.Я. 17 сентября 1773 г. // Эйдельман Н.Я. Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. М., 1993. С. 188.

²⁶ Айплатов Г.Н. Марийский край в составе Российского государства второй половины XVI – начала XVIII века: проблемы социально-экономической и политической истории. Чебоксары, 2002. С. 60; Гилязов И.А. Политика царизма по отношению к татарам Среднего Поволжья во 2-й пол. XVI – XVIII вв. // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995. С. 248.

²⁷ Водарский Я.Е. Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в. // Города феодальной России. М., 1966. С. 289–290.

²⁸ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 561.

²⁹ Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923. С. 269–271.

³⁰ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX.

³¹ Водарский Я.Е. Указ. соч. С. 180–181.

³² РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 93. Л. 101.

РЫБОЛОВСТВО ЮГО-ВОСТОКА

Присоединение Среднего и Нижнего Поволжья оказало мощное системообразующее воздействие на последующее развитие Российского государства. Одним из важных следствий этого процесса стало появление у страны уникального промыслового рыболовецкого района, обеспечивающего своей продукцией потребности населения как новых, так и «старых» густонаселенных территорий Европейской России¹. Развитие рыбных промыслов во второй половине XVI – XVII вв. заложило основу для складывания в дальнейшем одного из наиболее крупных мировых центров добычи ценных сортов рыбы. «Все европейские морские рыболовства в сравнении с рыболовством Каспийского моря могут быть названы незначительными. Нигде в Европе лов рыбы, особенно красной, не производится в таких громадных размерах, не составляет столь важной отрасли государственного хозяйства, не приносит существенных выгод и правительству, и народонаселению государства, как рыболовство Каспийского моря и впадающих в него рек: Волги, Урала, Куры и других менее значительных» – таково резюме сотрудников экспедиции академика К.М. Бэра, проделавших в середине XIX в. выдающуюся работу по изучению рыбных ресурсов России².

С точки зрения развития промыслового рыболовства вся водная акватория северного Каспия, Волги от впадения Камы, нижнего и среднего течения Камы, Урала (Яика) представляла собой совершенно уникальный по своим биологическим запасам регион. «Только от Казани или определительнее от впадения Камы Волга заслуживает славу богатой рыбою реки. Богатство это возрастает медленно, начиная же от Царицына весьма быстро»³. Такого же мнения придерживались П.С. Паллас, И.И. Лепехин, С.Г. Гмелин и многие другие исследователи XVIII–XIX вв.⁴ Почти замкнутая в единое целое, эта система морской и речных акваторий только с середины XVII в. начинает входить в ареал освоенного земледельческого пространства. Крайность, удаленность от основных районов страны, разреженность сети городских поселений, постоянная угроза нападений кочевников и казачьей вольницы определяли основные условия развития всего этого пространства на протяжении рассматриваемого периода. Условно для обозначения его промысловой акватории и прилегающего к ней побережья мы используем термин «Понизовое Поволжье»⁵.

Русское промысловое рыболовство получило развитие в этом регионе задолго до его присоединения к Москве. В «Казанском летописце» говорится о том, что казанский хан «Шигалей» (Шах-Али), в 1521 г. изгнанный из Казани, бежал вниз по Волге и между Самарской Лукой и «Увеком» встретил русских рыбаков, которые вместе с ним, опасаясь погони, ушли степью на запад на сторону рязанских окраин. «И ведуща с собой боле 10000 рыболовов русских, ловяще рыбу на Волге, под горами Девичьими и до Змиева камени и до Увека, за 1000 верст от Казани, — захавши бо тамо живяще лето все, на диких водах ловяща и в осень на Русь возвращахуся, на(ло)-вящесея и обогатившесея. И слышавше рыболове от царя весть пришедшу к ним про сечу в Казани, яко да бежат к нему оттууда не молгащи, да и они не избиены будут от казанцев, а сам дожидашесея их, стоя на месте некоем. От нужи ладья своя, и мрежа, и рыбы, и весь корм свой, и запас огню и воде предаша, и сами побегоша полем, не знающе, куды же очи несут, токма на себе носяще рыбу едину»⁶. Следовательно, в первой половине XVI в. волжские воды от северного изголовья Самарской Луки и до основанного позднее Саратова являлись крупным промысловым районом. Он находился за пределами собственно Казанского ханства, «в диких водах», где на протяжении всего летне-осеннего сезона занимались рыболовством русские предприниматели. Данные о 10 000 человек явно преувеличены, но даже на порядок меньшее количество рыболовов достаточно велико. Одним из первых документов, свидетельствующих о юридическом обеспечении в середине XVI в. прав русских предпринимателей на промыслы в низовьях Волги, было послание Ивана IV Ямгурчею, в котором хану выговаривалось, что астраханские татары ограбили на Волге русских рыболовов⁷. Текст договора между Иваном IV и Дербыш-Алеем в 1554 г. содержал пункт о том, что русские рыбные ловцы получают право промышлять рыбу от Казани до «моря» «безданно и безьявочно» вместе с астраханскими ловцами⁸.

Однако по-настоящему крупный промысловый район русского предпринимательства в Среднем и Нижнем Поволжье складывается только после присоединения его к России. Первоначально районы «регулярного» рыболовства с четко очерченными границами угодий формируются в водах, прилегающих к Казани (устье Камы, район Тетюшей и ниже) и Астрахани⁹. В отношении всей остальной акватории Волги вплоть до конца XVI в. правительство, передавая ее участки в пользование отдельным предпринимателям, ограничивалось расплывчатыми формулировками, типа: «ловить рыбу ... в Волге реке до Самары и до Саратова, где место приищут»¹⁰. Например,

власти Троице-Сергиева монастыря сообщали в 1616 г. о том, что они: «изстари ловили рыбу на Волге и на Каме от Казани и до Царицына острова»¹¹.

Только в конце XVI – начале XVII в., после возведения между Казанью и Астраханью ряда волжских городов-крепостей, началась более регулярная эксплуатация прилегающих к ним вод, с четко определенными границами «ловель». Одним из первых таких предпринимателей в 1597 г. стал нижегородский Печерский монастырь: «...Печерсково ж монастыря в Самарском городе, на реке на Волге, воды с верхние изголови Тушина острова до нижние изголови Шелехмецкие заводы, да Шелехмецкая заводь до нижнего устья Самары реки, с озерами вниз по Волге, по верхнюю изголовь Васильчиковы воложки...»¹². Несколько позднее, в феврале 1606 г., Чудов монастырь получил от Лжедмитрия I жалованную грамоту на безоброчный, четко ограниченный территориально промысел 30 связками рыбы «Самарских водах... от Черного затона до устья реки Елань Иргиз»¹³.

К началу XVII в. развитие волжского рыболовства получило массовый характер. Об этом позволяют судить строки из грамот лета 1606 г. тому же Чудову («...по всей Волге рыбной ловле и всем ловцам приток большой»¹⁴) и Троице-Сергиеву («и им тех вод дати невместно, потому что во всей Волге (речь идет о Тетюшских водах. – Э.Д.) рыбной ловле и всем ловцом приток большой»¹⁵) монастырям. Подавляющее большинство предпринимателей были русскими. Но определенную группу среди них составляло и местное тюркское население. Например, вскоре после присоединения Казанского ханства «бортной ужожи и бобровые гоны и рыбные ловли за Камою рекою по Волге реке, на Нагайской стороне, по Самарской дороге, ниж Тетюшь по Майне реке» от р. Майны до Красного Яра (ниже будущего Симбирска, а также по рекам Майне и Уреню), в вотчинное владение получил князь В. Асанов. Затем в 1597 г. все эти угодья перешли его сыну новокрещену Я.В. Асанову¹⁶. В Астрахани до середины 1570-х гг. отдельными рыболовецкими угодьями и учугами владели местные татары. Власти астраханского Троицкого монастыря в 1575 г. сообщали об «учужках как бывали за прежними татары за Сей-Нашарком Амоmekовым, да за Янкурою Камбиевым»¹⁷. Характерно, что от более позднего периода таких сведений не сохранилось.

Подлинный расцвет рыболовецкое хозяйство Волжского Понизовья переживает после завершения Смуты, в XVII – начале XVIII вв. Оно становится основной промысловой отраслью хозяйственного развития региона, по праву считаясь крупнейшим в стране, и составляя львиную долю товарной продукции: рыбы, икры, клея, вя-

зиги и жира на внутренний рынок России. По своей продуктивности оно значительно превосходило основные промысловые центры страны — северный беломорский, белозерский и другие. Далеко не полные данные о размерах улова и видах добываемой рыбы на промыслах в последней четверти XVII — начале XVIII в.¹⁸ подтверждают мнение Б.Б. Кафенгауза и других исследователей о том, что на внутреннем рынке России главным поставщиком ценных сортов рыбы являлись промыслы астраханской дельты и низовьев Яика, а также Средней и Нижней Волги с Камой и Яиком¹⁹.

В промысловом освоении участвовали представители различных категорий российского общества. Первое место в этом процессе занимало государство. Его особой роли способствовала специфика владельческих прав на промысловые угодья. Они отличались условностью, неустойчивостью и требовали постоянного подтверждения. Правовые нормы средневекового землепользования распространялись на «рыбные ловли» в весьма ограниченной степени, что придавало промысловой собственности, не говоря уж об оброчных водах, характер временного владения, во многом зависящего от воли центральных и местных учреждений. Поэтому роль государства в регуляции этих отношений была чрезвычайно важной. Постоянной функцией местной администрации являлось распределение промысловых угодий, контроль за ними и сбор откупных платежей. Законодательство XVI—XVII вв. не содержит сколько-нибудь разработанного правового кодекса, регулирующего правила пользования «рыбными ловлями» как объектом самостоятельного владения²⁰. Но анализ содержания актов и делопроизводственных материалов позволяет предположить наличие единых правовых норм по этому виду владений²¹. Несомненно, что они предполагали гораздо более активную, чем в землевладении, роль государства в регулировании владельческих отношений и изъятии части производимой продукции²².

Нередко местные власти вынуждены были организовывать собственные казенные предприятия или руководить родственными им дворцовыми. Провести грань между деятельностью казны и Дворца в эксплуатации природных богатств края крайне сложно. До середины XVII в. дворцовое ведомство либо закупало продукцию в Астрахани и Нижнем Новгороде, либо получало ее от местной администрации, собиравшей часть откупных платежей за оброчные угодья натурой²³. Возникновение и дальнейшее развитие собственного, крупнейшего в стране дворцового промыслового комплекса началось лишь с 60-х гг. XVII в. В его создании непосредственно участвовали как дворцовые, так и казенные учреждения, в частности приказы Тайных дел, Казанского Дворца, местная администрация. Предприятия

Дворца располагались едва ли не во всех промысловых районах Понизового Поволжья, но крупнейшие находились в астраханской дельте и низовьях Яика²⁴.

Выдающуюся роль в промысловом и промыслово-аграрном освоении Понизового Поволжья сыграли Патриарший дом и монастыри центра страны. Но и эти привилегированные предприниматели не смогли полностью преодолеть условности владения промысловыми угодьями, права на которые приходилось постоянно возобновлять. Церковь смогла сохранить позиции крупнейшего предпринимателя Понизового Поволжья на протяжении всего изучаемого периода и значительно их усилила во второй половине XVII в. Политика ограничений этого времени практически не затронула ее деятельность и владения. Патриаршие промыслы, возникнув в начале XVII в., по-настоящему крупными стали только во второй половине столетия. Их география была ограничена астраханской дельтой и угодьями, примыкающими к Самаре. Промысловая деятельность центральных монастырей началась уже во второй половине XVI в., охватив всю Волгу от Казани и почти до Астрахани, а также Каму. Но в следующем столетии, особенно во второй его половине, наибольший размах монастырское предпринимательство получило в сравнительно небольшом районе волжской акватории, примерно от Симбирска до Саратова.

В отличие от большинства светских предпринимателей, в деятельности церковных промышленников наиболее органично совмещался интерес как к промысловому, так и аграрному освоению региона. Но каждая обитель шла к приобретению крупных земельных вотчин своим, порой очень сложным путем. Наибольшие трудности пришлось преодолеть на этом пути властям «старых» промысловиков региона — Чудову и Новоспасскому монастырям. Заданная одним из исследователей истории Новодевичьего монастыря тема, как «воды превратились в покосы, леса и пашни»²⁵, наиболее отчетливо проявила себя только в последние два десятилетия XVII в.²⁶ Однако уже в 1620-х — начале 1630-х гг. на правобережье Волги и Камы появились первые крупные земельные владения предпринимателей, занимавшихся промысловым рыболовством. Заведя крупные земельные вотчины, Дворец, патриарший дом, центральные монастыри создавали в своих владениях многоотраслевое хозяйство. В таких крупных вотчинах наиболее отчетливо виден процесс воспроизводства крепостнических отношений, характерных для владений привилегированных светских и духовных собственников в центральных районах страны.

Представители местных епархий и монастырей, прежде всего казанских и астраханских, также относились к крупным предпринимателям Понизового Поволжья. В основном сфера их деятельности была ограничена ближайшей округой, а полученную продукцию они реализовывали на местном рынке. В большей степени это положение относилось к астраханским церковным корпорациям. Торговые интересы отдельных монастырей Казанского края нередко простирались вплоть до Астрахани и Нижнего Новгорода.

Привилегированное купечество, расцвет деятельности которого приходился на 20-е – 50-е гг. XVII в., в основном эксплуатировало наиболее продуктивные угодья Астраханского края и низовьев Яика; но его предприятия располагались по всей акватории Волги и Камы. В более поздний период купечество оказалось вытесненным из крупного понизового производства (прежде всего учужного). Сферой приложения его усилий остались подряды на перевозку продукции промыслов, хлеба, выполнение посреднических операций и т. д. Сравнительно небольшая группа гостей и членов гостиной сотни (Светешниковы, Шорины, Гурьевы, Никитников) смогла создать поистине гигантские промысловые предприятия, по своим размерам сравнимые только со сменившим их дворцовым комплексом. Значимость и экономическое могущество этих людей основывались прежде всего на поддержке государства. Зачастую они выступали торгово-промышленными агентами правительства. Уникальными случаями комплексной колонизации новых территорий являлись предприятия Светешниковых на Самарской Луке и Гурьевых в устье Яика²⁷. В деятельности по созданию каменного городка и учугов на Яике, их эксплуатации отчетливо проявляется теснейшая связь между государством и частным лицом, взаимное переплетение их интересов. Близкими по размерам производства и его организации к предприятиям менее крупных представителей привилегированного купечества (гостиной и суконной сотен) были заведения жителей московских слобод. К ним же примыкали богатейшие промышленники из верховых посадов, монастырских слобод и т. д. К таковым, например, относились братья Калмыковы, до того как их приписали к гостинной сотне.

Массовость группы непривилегированных предпринимателей позволяла им сохранять за собой весьма серьезные позиции в промышленном хозяйстве Понизового Поволжья, в организации средних и мелких предприятий, транзитных перевозках и т. д. Среди них наиболее многочисленным было население местных городов. Формы такого предпринимательства могли быть самыми различными: от откупов до подрядов и найма в качестве рабочей силы. Для боль-

шинства посадских и приборных людей, рыболовецкие промыслы являлись важнейшим источником доходов. Именно поэтому они смогли добиться прикрепления к городским округам примыкающих водских вод.

В подавляющем большинстве случаев размеры откупов и их продолжительность были невелики и, как правило, не превышали года. На них, как и на промыслы верховых непривилегированных предпринимателей, практически не распространялись таможенные и другие льготы.

Исследователи выделяют в Понизовом Поволжье более локальные рыболовецкие районы. К таковым, например, относят акваторию Нижней Волги и, прежде всего, астраханской дельты как наиболее богатую природными ресурсами. Но в определении ее границ мнения расходятся. Сотрудники экспедиции К.М. Бэра ее начинают от Царицына. Другие, выделяя «Волго-Каспийский рыболовный район», ограничивают его Саратовом, или Камышином. Нередко эти границы сужают до волжской дельты и северных вод Каспия²⁸. Во всех приведенных рассуждениях есть рациональное зерно. Действительно следует выделить в качестве особого района астраханскую дельту, низовья Яика и прилегающую к ним бережную полосу Каспийского моря, где рыболовство могло развиваться в совершенно иных условиях, чем на всей остальной территории Понизового Поволжья.

Исходя из особенностей складывания рыболовецкой деятельности в Понизовом Поволжье во второй половине XVI – XVII вв., богатства рыбными ресурсами, типов и размеров предприятий, категорий владельцев, можно предложить следующее районирование: казанско-камский, симбирский, самарский, саратово-черноярский, астраханско-нижнеяицкий и яицкий промысловые районы. Оно весьма условно, но позволяет выявить определенные закономерности в развитии рыболовства всего региона.

Казанско-камский район принадлежал к наиболее ранним очагам формирования крупного промыслового предпринимательства в Понизовом Поволжье (наряду с астраханским). Это была зона стабильного промыслового производства, где уже к началу XVII в. сформировались различные формы владения и собственности на рыболовные угодья. Здесь получили развитие сравнительно небольшие рыболовецкие предприятия. Организованное на большинстве из них производство имело целью создание, как правило, потребительской, а не товарной продукции. В середине 1660-х гг. южная часть вод, подведомственных казанским воеводам, была передана в распоряжение администрации недавно построенного Симбирска.

В отличие от других районов волжской акватории, в *самарском* практически не получили сколько-нибудь заметного распространения дворцовые промыслы. Важнейшей тенденцией в истории этого района явилось последовательное формирование собственности на промысловые воды крупнейших монастырей центра страны. К концу XVII в. большая часть промысловых угодий оказалась распределенной между церковными корпорациями, создавшими здесь весьма значимые по размеру производственные комплексы по добыче, переработке, хранению и транспортировке выловленной рыбы. Мелкие местные предприниматели – крестьяне, посадские и приборные люди, непривилегированные предприниматели из верховых городов предпочитали брать на оброк угодья или наниматься к духовным владельцам.

Саратово-черноярский промысловый район, несомненно, обладал более значительными рыбными ресурсами, чем расположенные выше по течению самарский и симбирский. Но по типологии промысловых хозяйств, их размерам, товарности он оказался весьма близким к ним. Отличительная особенность его заключалась в более широком распространении дворцовых и казенных промыслов, управители которых нередко сдавали находившиеся в их распоряжении рыболовные угодья на откуп. Поэтому по данному району отложилось гораздо больше записей в пошлинных книгах Печатного приказа, фиксировавших все откупные сделки²⁹.

Преобладали в *астраханско-нижнеяицком районе* учужные предприятия, хотя широкое распространение там получили также неводные и другие промыслы. По своим производственным и товарным характеристикам, богатству природными ресурсами этот район занимал ведущее место в России. Именно отсюда шла большая часть выловленной рыбы и изготовленной из нее продукции в центральные районы России.

Уникальность *яицкого промыслового района* состояла в том, что местное казачество, не допуская сюда других промышленников, являлось единоличным коллективным владельцем промысловых угодий. По своим вкусовым качествам рыба, добываемая в этом районе, считалась лучшей и высоко ценилась в центральных районах страны³⁰.

Промыслово-хозяйственная деятельность в Понизовом Поволжье в основном охватывала весенне-осенний период. Однако крупные, хорошо налаженные рыболовецкие предприятия Юго-Востока работали круглый год, который делился на несколько промысловых сезонов или путин. Интенсивность труда, в зависимости от промыслового сезона, могла резко меняться. Первая весенняя путина начиналась сразу же после вскрытия Волги и длилась примерно до середи-

ны мая, до весеннего половодья. Она приурочивалась к весеннему ходу на нерест и давала большую часть годового улова красной рыбы — осетров, белуг, севрюг, белорыбицы (белой семги) и т. д. Летнюю — примерно с середины июля и до середины августа — и осеннюю — с середины августа до начала декабря — путины промысловики зачастую не разделяли и считали за одну. Зимой наступало время затишья: подо льдом ловили лосося, небольшое количество красной рыбы, белорыбицы и частика. Выделение по времени четырех путин в годовом промысловом цикле характерно для волжского рыболовства на всем протяжении XVII—XVIII вв. Периоду XVII — начала XVIII вв. соответствует некоторая неразделенность весенне-осенних путин³¹.

Эксплуатация рыбных ресурсов Понизового Поволжья производилась через создание самых различных форм промысловых предприятий. Возможно несколько вариантов их классификации: по товарности, организации технологического процесса, использованию рабочей силы, типу собственности и т. д. Крупнейшими из них являлись учуги, сложившиеся в волжской и ияцкой дельтах на протяжении второй половины XVI — XVII вв. Важнейшее место в них занимали забойки, которые, собственно, и называли учугами. По настоящему крупные забойки, а к таковым, несомненно, относились Большой Иванчуг, Басарга, Увара, Урустоба, Комызык, Чурка, Малый Иванчуг, Бирюль, Бузан, Коклуй, учуги на Яике, имели протяженность от 300 до 600 м. К концу XVII в. общее количество забоек составляло более 20³². Примерно на половине из них промысел был особенно выгоден, и поэтому они поддерживались в рабочем состоянии на протяжении всего рассматриваемого периода. Отметим, что промысловый комплекс отнюдь не сводился к собственно учугу или учужной забойке, а состоял из укрепленного городка с промысловыми и жилыми строениями, одной или нескольких забоек, расположенных рядом неводных, самоловных и других ловель; плота, на который принимали улов; целой флотилии судов и т. д. Нередко в него входили сооружения в самой Астрахани — дворы и т. д.; работничья слободка, располагавшаяся рядом с учугом или в городе, храмы; сады и огороды. На наш взгляд, в данном случае под категорией «предприятие» или «промысловый комплекс» следует подразумевать не единичный учуг или неводные ловли, а всю совокупность промысловых заведений, сосредоточенных в локальном районе и находящихся в руках одного владельца. С их помощью осуществлялся замкнутый технологический цикл по добыче, переработке, хранению и вывозу (или продаже на месте) рыбы; изготовлению или закупке необходимых материалов, соли, продуктов питания и т. д.; ремонту сооружений и оборудования, обеспечению промысла рабочей силой³³.

Нередко в руках одного предпринимателя оказывалось несколько крупных учюгов, что требовало создания в Астрахани крупной пере-валочной базы, складов и т. д. Стоимость всего производственного комплекса, находившегося в руках такого владельца, могла доходить до нескольких тысяч рублей. Например, только в астраханском промысловом районе стоимость дворцового промыслового хозяйства составляла более 3 тысяч рублей³⁴.

Технологический процесс добычи и переработки рыбы был разделен на ряд операций, каждую из которых возглавляли специалисты. Однако, преобладала на промыслах неквалифицированная рабочая сила. Особенно это относится к тем участкам, где использовались временные рабочие. На астраханских промыслах господствовал вольнонаемный труд. Расходную часть бюджета отдельного промысла в основном составляли затраты на рабочую силу, достигавшие 1200–1300 руб. Наиболее значимыми из них являлись денежные выплаты. Например, суммарная заработная плата, выдаваемая деньгами на патриарших промыслах в начале 1680-х – 1690-х гг., составляла около 1000 рублей³⁵. На всем протяжении XVII в. по основным категориям рабочей силы заработная плата была стабильной, происходило даже некоторое ее снижение. Исключение составили только неквалифицированные рабочие, оплата труда которых осталась на прежнем уровне. Затраты на строительные материалы, снасти, оборудование неизвестны.

Количество произведенной продукции в подобных заведениях оценивалось в денежном исчислении от 10 000 до 1000–2000 рублей. Каждый год через технологический цикл единичного производства проходило несколько тысяч (до 10 000 и более) пудов рыбы. Общая доходная часть бюджета на крупнейших промыслах достигала 5000 – 5500 рублей, а чистая прибыль доходила до 3 и более тысяч рублей. Рубль, вложенный в производство, давал не менее 2,5 рублей³⁶. Но прибыль непосредственно на самом астраханском промысле не ощущалась, т. к. основная часть произведенной продукции отправлялась в Москву или на продажу в Нижний Новгород. Патриарший и, видимо, дворцовый промыслы в Астрахани не имели ни единого бюджета, ни единой администрации и не были сколь-нибудь самостоятельны от метрополии в финансовой сфере. Доходы гостей, членов гостиной сотни и т. д. от эксплуатации ими крупнейших астраханских учюгов были ничуть не меньше. В пользу этого свидетельствуют суммы откупных платежей, достигавшие 2000–3000 руб. в год за 1 учуг.

Большинство учужных предприятий астраханско-нижнеяицкого промыслового района были крупнейшими в своей отрасли для всей

территории России. Размеры производства на них, характер использования и квалификация рабочей силы, другие показатели позволяют увидеть в каждом из таких предприятий черты мануфактурного производства.

Учужные предприятия можно назвать своеобразными центрами кристаллизации, вокруг которых складывалась сеть постоянных поселений. Исследователи нередко используют термин «дельтовая цивилизация». Он имеет многозначный смысл и нередко употребляется для обозначения массовых зимовий кочевников в дельтах крупных рек, где были большие запасы подножного корма для скота. В некоторой степени это понятие можно использовать для обозначения совокупности промысловых предприятий, сложившихся в астраханской дельте.

Развивавшееся в течение полутора столетий рыболовецкое предпринимательство, за пределами волжской и яйцкой дельт в основном проявлялось в форме мелких и средних предприятий, во множестве возникавших на берегах Волги, Камы, Урала (Яика) и их притоков. Центрами управления и хозяйственной жизни таких промысловых предприятий являлись рыбные дворы. Если ватажский промысел практически не менялся на протяжении всего изучаемого периода, то рыбные дворы прошли серьезную эволюцию. Наиболее обыденным для конца XVII – XVIII вв. являлся тип временного стана, состоявшего из легких построек, шалашей, рассчитанных не более чем на 1 сезон. Его строили в начале промыслового сезона в укромных, насколько возможно, безопасных местах волжского побережья, на островах. Нередко эти станы становились объектом грабежа не только со стороны кочевников или вольных казаков, но и местных гарнизонов. Подобные временные постройки вынуждены были устраивать не только мелкие и средние, но и богатейшие промышленники страны. Посланный на «оханном струге» весной 1666 г. казанец С. Петров построил на волжском острове, напротив устья р. Черемшан, государев стан «для рыбного промыслу и соленья». Основными сооружениями стана были лубяной амбар 5 на 3 сажень, где находились «корень для рыбного соленья»... корыто для тузьюку... три солила» и крытый лубом плот³⁷. Власти Чудова монастыря сообщали в 1671/1672 г.: «И на том же Сосновском острову, где Сосновской затон, чудовская ватага и весь ватажской завод»³⁸. Так как подобные сооружения, как правило, строили на низком пойменном берегу, весной они затапливались полыми водами, сносились и практически полностью разрушались³⁹. На таких станах возможна была только первичная обработка улова. Базовыми для уда-

ленных промыслов являлись дворы в близлежащих городах, в которых хранили припасы и оборудование, жил постоянный персонал, производилась перевалка переработанного улова и т. д. В последние десятилетия XVII в. привилегированные промышленники смогли создать действительно крупные, со значительным количеством производственных и жилых помещений, промыслово-перерабатывающие центры — дворы. Таким образом, речь идет о своеобразном промысловом освоении прибрежной части речной акватории Понизового Поволжья.

Так складывался комплекс, состоящий из ватаг, прибрежных стан-нов — рыбных дворов и дворов в приволжских городах. Такая технологическая цепочка являлась наиболее естественной для подавляющего большинства богатых волжских предпринимателей. Разделение труда на промыслах в целом соответствовало вышеуказанным стадиям. Для выполнения каждой из них существовала своя специализированная группа работников. На мелких промыслах все операции выполняли одни и те же люди. Центрами управления и хозяйственной жизни промыслового предприятия являлись рыбные дворы. Стоимость их сооружений составляла до 100—120 руб.⁴⁰ В этом отношении волжские и камские рыбные дворы значительно уступали учужным городкам нижней Волги и Яика. При рассмотрении использования рабочей силы, занятой при добыче и обработке рыбы, вряд ли можно говорить об устойчивом разделении труда, о четком выделении отдельных операций, о наличии значительных групп профессионалов — руководителей и квалифицированных исполнителей отдельных операций. К последним можно отнести только неводчиков, ватажских разделщиков и в какой-то мере пятчиков. В целом же на промыслах работали малоквалифицированные наемные люди. Можно предположить, что число одновременно занятых на крупном волжском предприятии в весенне-осенний период достигало 100 и более человек. При добыче рыбы применялось несколько способов организации рабочей силы: подряд, наем неводных рабочих и т. д. Основным способом добычи рыбы был подрядный, причем на каждом предприятии использовались различные варианты его применения. Разница в закупочных и рыночных ценах в 2—2,5 раза позволяла предпринимателям получать весьма значительный доход⁴¹. Для рассматриваемого района заработная плата неквалифицированных рабочих была гораздо ниже, чем на промыслах астраханской дельты. Среди квалифицированных работников только неводчики получали примерно столько же, сколько на волжских учугах.

На предприятиях Понизового Поволжья использовалась, как правило, вольнонаемная рабочая сила. Лишь сравнительно немного-

численная группа квалифицированных работников формировалась из зависимых людей. Иначе вопрос о характере найма рабочей силы решался в хозяйствах предпринимателей, которые имели рядом с промыслами населенные вотчины (гость Н. Светешников; Савво-Сторожевский, Новодевичий, Чудов, Новоспасский и другие монастыри, патриаршее и дворцовое ведомства). Там, использование рабочей силы шло от почти исключительного применения вольнонаемного труда к постепенной замене его трудом феодально-зависимого населения⁴². По отношению к ним, как и в случае с солеварением, можно говорить о «принудительном оплачиваемом труде зависимого населения». По своим показателям рыболовецкие промыслы являлись рентабельными доходными предприятиями. Один вложенный в них рубль давал более 1,5–2 руб. прибыли⁴³. Специфика крупных монастырских рыболовецких предприятий заключалась в том, что при весьма значительном размахе производства главной его задачей являлась поставка потребительских ценностей в метрополию. Постоянная связь с рынком, продажа крупных партий рыбы и «рыбных продуктов» служили в первую очередь для получения денежных средств, необходимых для возобновления процесса производства, но, как правило, не расширения его. Развитие промыслового хозяйства шло не в сторону узкой специализации, увеличения товарности, а к созданию дополнительных сельскохозяйственных отраслей, необходимых для полного самообеспечения промысла, независимости его от рынка, как это было, например, в приволжских владениях звенигородского Савво-Сторожевского монастыря. Это же относится и к дворцовому ведомству. Действительно товарными являлись рыболовецкие промыслы привилегированного купечества.

Крупное рыболовецкое предприятие, каковым его можно представить по материалам конца XVII – начала XVIII в., имело совокупный доход от 1000 до 4500 руб.⁴⁴. Выгодность организации производства в этой сфере деятельности была чрезвычайно велика. Несмотря на издержки при транспортировке рыбы, продажа продукции понизовых предприятий позволяла получать значительную прибыль. В начале XVIII в. только крупнейшие монастырские предприятия Савво-Сторожевского, Новодевичьего, Чудова, Новоспасского, Высокопетровского и московского Вознесенского монастырей производили рыбы и припасов примерно на 10 000–12 000 рублей (по московским и нижегородским ценам того времени). Чистая прибыль составляла около 5000 рублей. По этим показателям указанные предприятия значительно превосходили рыболовецкие промыслы Поморья и вполне были сопоставимы с неводными Астраханского Повол-

жья, но значительно уступали астраханским и яицкими учужным предприятиям⁴⁵.

Уровень развития производительных сил, организации труда, размеры отдельных предприятий на территории края были значительно выше, чем в целом по стране (за исключением астраханско-нижнеяицкого района). Они отражали процесс возникновения в XVII в. крупных промысловых добывающих центров, региональной специализации. По всем этим признакам рыбные промыслы, например, монастырей можно отнести к крупной кооперации со сравнительно слабо развитым разделением труда. Большинство крупнейших предпринимателей изучаемого региона, имели рыболовецкие промыслы и в других районах страны, прежде всего в Поморье. Но именно Понизовое Поволжье являлось главным поставщиком товарной и потребительской продукции в рыболовецком хозяйстве крупнейших корпоративных предпринимателей страны.

Рассматривая наиболее значимые промысловые комплексы всего Юго-Востока Европейской России, особенности социальных, экономических и технологических отношений, возникающих в результате их деятельности, необходимо высказать свое мнение о природе этих отношений. Следует согласиться с Л.В. Миловым, считавшим, что в это время в российском производстве складываются только «неадекватные формы капитала», которые «не обладали качественной определенностью. ... Sporадическое появление их в толще феодальной системы производственных отношений не сказывается сколько-нибудь существенно на развитии старого способа производства; они, так сказать, уживаются с ним»⁴⁶.

Можно сделать вывод, что промысловое рыболовство являлось структурообразующей отраслью экономики для Понизового Поволжья. В нем в разной степени было занято большинство постоянного и временного населения территории региона, лежащей вне зоны земледельческого расселения. Развитие этой отрасли, транзита ее продукции, сыграло огромную роль в складывании единого промыслового, торгового и в определенной степени социально-политического пространства Юго-Востока Европейской России, постепенного преращения его во «внутреннюю окраину» Российского государства.

Примечания

¹ Не рассматривая специально историографию данной темы, отметим, что ее изучали такие крупные исследователи, как И.В. Степанов, С.В. Бахрушин, Н.Б. Голикова, Л.К. Ермолаева и др. В последние годы

попытку комплексного исследования развития промыслового рыболовства на Юго-Востоке Европейской России предпринял автор этой статьи.

² Исследования о состоянии рыболовства в России. СПб., 1861. Т. 4. С. 1. В более осторожной форме, на столетие раньше, об этом же писал П.С. Паллас. См.: Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч. 1. С. 199.

³ Исследования о состоянии рыболовства в России. СПб., 1860. Т. 2. С. 21.

⁴ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1; Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1763 и 1769 годах. СПб., 1775. Ч. 1; Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. Часть вторая. Путешествие от Черкаска до Астрахани и пребывание в сем городе: с начала августа 1769 по пятое июня 1770 года. СПб., 1777; Описание Колы и Астрахани. Из сочинений Академика Николая Озерецковского. СПб., 1804; др. авторы.

⁵ Дубман Э.Л. Промысловое предпринимательство и освоение Понижового Поволжья в конце XVI – XVII вв. Самара, 1999. С. 5–6.

⁶ Казанская история. М.; Л., 1954. С. 66.

⁷ Штылько А.Н. Астраханская торговля в старину // Исторические очерки. Астрахань, 1909. С. 9.

⁸ Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923. С. 91–92.

⁹ Подробно рыбные промыслы в «астраханских водах» рассмотрены в работах ряда авторов. См.: Пруссак А. Положение рабочих на рыбных промыслах Астрахани в XVII веке // Исторический сборник. Л., 1934; Степанов И.В. Хозяйственная деятельность Московского правительства в Нижнем Поволжье в XVII веке // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. № 48. Вып. 5. Л., 1939; и др.

¹⁰ Ермолаев И.П. Казанский край во второй половине XVI – XVII вв.: Хронологический перечень документов. Казань, 1980. № 471. С. 74.

¹¹ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 281. Д. 10838. Л. 1–2.

¹² Каптерев Л.М. Нижегородское Поволжье X–XVI веков. Горький, 1939. С. 161–162.

¹³ Зерцалов А.Н. Материалы по истории Симбирского края XVII-го и XVIII-го вв. Симбирск, 1900. С. 3–5.

¹⁴ РГАДА. Ф. 281. Д. 11526. Л. 1.

¹⁵ Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914. С. 10.

¹⁶ Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР (вторая половина XVI – середина XVII в.). Тексты и комментарии. Казань, 1990. С. 51–52.

¹⁷ Рукописный отдел Астраханского историко-архитектурного музея-заповедника (далее РО АИАМЗ). КП 41422/5. Л. 9; Савинский И. Истори-

ческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ее существования (с 1602 по 1902 год). Астрахань, 1903. С. 17; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 1. № 193. С. 357.

¹⁸ Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф. Очерки истории Юго-Востока Европейской России. Самара, 2004. С. 40–47, 252–257,

¹⁹ Кафенгауз Б.Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века (По материалам внутренних таможен). М., 1958. С. 147–149, 190, 203–206 и др.; Тверская Д.И. Москва второй половины XVII века – центр складывающегося всероссийского рынка. М., 1959. С. 81–82.

²⁰ Вишняков В.И. Рыболовство и законодательство. СПб., 1884. С. 436–441.

²¹ Наиболее полно они нашли свое отражение в законодательных актах начала XVIII в. об «оброчных статьях». См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое с 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб., 1830. Т. 4. № 1956, 2007. С. 276–278 и др.

²² Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. По материалам церковно-монастырских владений. Куйбышев, 1991. С. 13–22.

²³ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846–1872. Т. 6. № 60. С. 243; Кунцевич Г.З. Грамоты Казанского Зилантова монастыря. Казань, 1901. С. 19–25; РГАДА. Ф. 281. Д. 11536. Л. 2; Зерцалов А.Н. Материалы для истории Симбирска и его уезда (Приходо-расходная книга Симбирской Приказной Избы) 1665–1667 гг. Симбирск, 1896. С. 135; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки Ф. Погодина. № 1910. Л. 157 – 157 об.; др. мат.

²⁴ РГАДА. Ф. 281. Д. 6099. Л. 108–109; Степанов И.В. Хозяйственная деятельность Московского правительства в Нижнем Поволжье в XVII веке. С. 126.

²⁵ Архив Музея Ново-Девичьего монастыря. Д. 145. Л. 4–5.

²⁶ Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. С. 18–22.

²⁷ Бахрушин С.В. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII веке // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 2. М., 1954; Дариенко В.Н. Классовая борьба на Яике в XVII – начале XVIII вв. М., 1966; Его же. Основание города Гурьева // Вопросы истории: сб. ст. Вып. V. Алма-Ата, 1973.

²⁸ Струбалина Н. Из истории освоения рыбных богатств Каспия и Астраханского края. Волгоград, 1989. С. 3.

²⁹ Гераклитов А.А. Самара и Самарский уезд XVII в. (По записным книгам Печатного Приказа) // Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 38. Оп. 1. Д. 72. Л. 76; Классика самарского краеведения: антология. Вып. 2. Самара, 2006. С. 218–224.

³⁰ Более доказательное и репрезентативное обоснование этих промысловых районов можно найти в работе: Дубман Э.Л. Промысловое рыбо-

ловство и освоение Юго-Востока Европейской России в конце XVI – XVII вв. // Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф. Очерки истории Юго-Востока Европейской России. Самара, 2004. С. 20–31.

³¹ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 35. 1684. Л. 30–31, 70, 104 и др.; Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи; Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1766 и 1769 годах; Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. 2.

³² РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 55. Ч. 1. Л. 25–26, 322 об., 353; Ч. 2. Л. 28 об.; Степанов И.В. Хозяйственная деятельность Московского государства в Нижнем Поволжье в XVII веке. С. 126.

³³ Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф. Указ. соч. С. 74–84.

³⁴ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 55. Ч. 1. Л. 4 об. – 11 об., 23–26, 98 об.

³⁵ Там же. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 3.

³⁶ Там же. Ф. 26. Оп. 1. Д. 12. Л. 264 – 267 об.; Ф. 235. Оп. 2. Д. 84; Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 3. Л. 195 – 202 об., 426–234.

³⁷ Зерцалов А.Н. Указ. соч. С. 138.

³⁸ Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1896. Вып. 20. С. 214–215.

³⁹ РГАДА. Ф. 281. Д. 11528. Л. 5.

⁴⁰ Там же. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. 9. Л. 20–31; Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф. Указ. соч. С. 54.

⁴¹ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 29. 1683. Л. 1–8; Д. 35. 1684. Л. 1–144; Ф. 159. Оп. 1. Д. 59. 1692–1694. Л. 1–19; Ф. 11. Д. 70. Л. 20–31; Ф. 26. Д. 54. Ч. IX. Л. 74 об. – 75, 84, 89–91.

⁴² Там же. Ф. 281. Д. 11562.

⁴³ Там же. Ф. 125. Оп. 1. Д. 35. 1684. Л. 1–144; Ф. 11. Д. 70. Л. 74 об. – 75, 84 об., 89–91; Ф. 26. Оп. 1. Д. 54. Ч. IX. Л. 20–31; Оп. 2. Д. 58. Л. 118, 290–291.

⁴⁴ Там же. Ф. 11. Д. 70. Л. 74 об. – 75, 84 об., 89–91; Ф. 26. Оп. 1. Д. 54. Ч. IX. Л. 20–31; Оп. 2. Д. 58. Л. 118, 290–291; Гераклитов А.А. Указ. соч. С. 230; Бахрушин С.В. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII веке. Т. 2; Дубман, Э.Л. Надеинское Усолье // Самарский земский сборник. Самара, 1995; Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. С. 41–51.

⁴⁵ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 242–243; Борисов А.М. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI–XVII веках. Петрозаводск, 1966. С. 170–171; Степанов И.В. Хозяйственная деятельность Московского государства в Нижнем Поволжье в XVII веке. С. 116–121.

⁴⁶ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 486.

НАДЕИНСКОЕ УСОЛЬЕ

Так называемое Надеинское Усолье, занимавшее в XVII в. западную часть Самарской Луки, является одним из самых значимых мест Южного Средневожья¹. В этот период территория Надеинского Усолья практически оставалась неизменной. Только в начале XVIII в., после перехода владения к «светлейшему князю» А.Д. Меншикову, границы этой местности начали размываться. В XVIII–XIX вв. теряется ее историко-культурная и территориальная обособленность и целостность. Таким образом, о Надеинском Усолье как о едином целостно развивавшемся достопримечательном комплексе мы можем судить только по данным XVII в.

Надеинское Усолье (или Надеино Усолье) получило свое название от первого владельца – богатого ярославского предпринимателя Надеи Светешникова². Светешников принадлежал к числу богатейших русских людей первой половины XVII в. Его имя упоминается в связи с действиями второго ополчения, освобождавшего Москву от иноземцев. Чин «гостя», полученный Надеей по специальному царскому указу, позволил предприимчивому ярославцу распространить свою торгово-предпринимательскую деятельность почти на всю территорию России. Приказчики Светешникова скупали меха в Сибири, плавил медь в Башкирии, добывали соль в Прикамье и под Астраханью, торговали со Швецией, Ираном, Польшей³. Неизвестно, как узнал Светешников о возможности заведения соляного промысла на Самарской Луке, но уже в 1631/32 гг. он получил право на оброчное владение обширными территориями в западной части Самарской Луки⁴. Границы этих земель начинались несколько северо-западнее современного с. Усолья (у современного с. Акуши), переходили на левый берег Волги и охватывали значительные массивы в районе Ягодного яра и современного Тольятти. В окрестностях г. Жигулевска к западу от старинной деревни Моркваши, ныне слившейся с г. Жигулевском, они вновь переходили через Волгу на Самарскую Луку, пересекали ее по линии Морквашинские вершины – Брусянские вершины – устье Брусянского оврага (так называемая, речка Сухая Брусянка), снова выходили на берег Волги и спускались вниз по течению до современного с. Переволоки; там по узкому перешейку переходили на реку Усу, поднимались вверх по течению до устья р. Тишерека и, наконец, через Кузькин Ключ (где в настоящее время располагается село Кузькино) вновь выходили на Акушу.

К этому оброчному владению были примежеваны значительные рыболовные угодья⁵.

Вся территория Усолья занимала примерно 1,5 тыс. кв. км. В него вошли такие уникальные природные комплексы, как междуречье Волги и Усы, Переволока между этими двумя реками, западные остроги Жигулевских гор (так называемые, Соляные и Морквашские горы), соляные источники, обширный Муранский бор, значительные степные и лесостепные пространства пригодные для земледелия.

До сооружения Сызрани, Кашпира и других укрепленных пунктов Предволжья в 1680-х гг. Надеинское Усолье являлось крайним пограничем по правому берегу Волги. При этом границы уже освоенного и защищенного ареала сельскохозяйственных поселений Среднего Поволжья находились намного севернее и северо-западнее, так что Надеинское Усолье вместе с другими населенными пунктами Самарской Луки оказалось как бы островом в кочевом лесостепном пространстве.

В литературе распространено суждение о том, что соляной промысел на Самарской Луке был заведен предпринимателями Строгановыми в начале 80-х гг. XVI в.⁶ В качестве основания для такого заключения приводится текст, содержащийся в одной из сибирских летописей грамоты Ивана Грозного. В ней царь жалует братьев Строгановых за «сибирский поход» и присоединение Западной Сибири, «Большой и Малой Солью на Волге». Под «Малой Солью» и подразумевалось будущее Надеинское Усолье. Исследователи предпринимательства Строгановых считают, что данных о солеварении гостей в районе Самарской Луки нет. Да и текст самой грамоты вызывает сомнения. Скорее всего, по поручению Строгановых, он был придуман в качестве оправдания их участия в организации похода казачьей вольницы в Западную Сибирь⁷. К тому же под «Большой и Малой Солью» подразумеваются вполне реальные соледобывающие промыслы на Волге, а именно пригороды Нерехте неподалеку от Костромы. Позднее, уже в 1614 г., во время астраханского мятежа И. Заруцкого на устье Усы строил острожек стрелецкий голова Гордей Пальчиков. Однако ни о каких промыслах соли, принадлежащих Строгановым, а тем паче о населенных пунктах, он не сообщал⁸. Документы, посвященные начальной деятельности приказчиков Надеи Светешникова под «соляными горами» свидетельствуют, что заведенные здесь купцом-промышленником крупный промысел и поселения были основаны на пустынном месте, а переведенные и принятые крестьяне и мастеровые являлись первыми постоянными жителями этой местности⁹. Таким образом, в споре за пальму первен-

ства освоения этих пустынных мест между двумя династиями именитых русских предпринимателей побеждает Надея Светешников.

Обороняться от набегов кочевников жителям Усолья помогали укрепленные городки, выстроенные рядом с промыслами, и уникальные природные условия. И все же население купеческого владения жило в более опасном районе, чем крестьяне восточных территорий Самарской Луки, значительно лучше защищенных излучиной Волги.

Получив Усолье, Надея Светешников предпринял энергичные меры для освоения его территории. В первую очередь он позаботился о переводе населения из своих владений в Соли Камской, Костроме и т. д. Кроме того, в Усолье «за льготу» селились гулящие люди, беглые, «вольные», которыми была так богата Волга. Уже в середине 30-х гг. XVII в. здесь был оборудован соляной промысел, а рядом с ним устроили слободы и соорудили хорошо вооруженный городок. Все эти поселения и промысловые предприятия занимали сравнительно небольшую локальную территорию «под горами» северо-восточнее современного расположения с. Усолья (эта местность «под Белым камнем» ныне затоплена водами Куйбышевского водохранилища).

В середине 40-х гг. XVII в. Надея Светешников запутался в расчетах с казной, и его, несмотря на заслуги перед правительством, поставили на правож. Собрать вовремя необходимую сумму денег не удалось, промышленник не выдержал наказания и умер¹⁰. В 1646 г. Надеинское Усолье было отписано государству. В Самарский край приехали приказные люди для описания промысла. Судя по данным описных книг, в Надеинском Усолье в 1646 г. насчитывалось 108 взрослых мужчин (без духовенства). Из них 33 пищальника занимались охраной владения, 30 крестьян было занято в сельском хозяйстве, 28 бобылей и 13 работных людей работали на соляном и рыбном промыслах; а кроме того, специально были выделены такие квалифицированные специалисты, как городельщик, часовник и неводчик. Все население Надеинского Усолья жило в слободке под защитой небольшой крепости, расположенной южнее, ближе к степи. Первым «архитектором» Надеинского Усолья был дворовый человек Надеи Игнат Кириллов. Он-то и построил вокруг усадьбы крепость. Сама усадьба, где жили приказчики, представляла собой небольшое подворье с горницей на подклетьях и бревенчатыми сенями. Рядом располагались службы: баня, изба хлебная, поварня, амбары (3), ледник, две избы, где жили слуги и работные люди. В усадьбе была устроена небольшая деревянная церковь во имя

«Нерукотворенного Образа» Богородицы Казанской и Климента Папы Римского. Рядом с церковью располагалась колокольница, представлявшая собой сооружение из 4 сосновых столбов, на которых висело 6 небольших колоколов. К колоколам были «приведены часы боевые с четвертьми». Игнат Кириллов, основная специальность которого была «харчевник», окружил господскую усадьбу палисадом — «острогом» с двумя воротами и калиткой. За стенами палисада были устроены специальные осадные избы с «обламы и с бойницами и с кровлею». Особые укрепления окружали скотный двор. Поселок, где жило население промысла, также укрывался за валом и палисадом. В самой бобыльской слободке установлена башенка из судового леса. Весьма значительным можно назвать вооружение крепости: 16 пушек, 15 мушкетов, 7 самопалов и т. д.¹¹ По количеству огнестрельного оружия усольский острожек мог соперничать со многими пограничными городами России. Крепость и валы защищали промысловые сооружения от «степи». Варницы находились ближе к горам, под их прикрытием. Попытка начать добычу соли «в степи» за укреплениями кончилась плачевно: варницы разорили кочевники. Судя по летописным сведениям и преданиям, бытовавшим в XVIII—XIX вв., для предупреждения нападения кочевников был устроен сторожевой пост, находившийся на вершине горы Караульной (позднее — Светелки), возвышавшейся над промыслом. В случае появления отряда ногаев или калмыков караульщики зажигали лагун с дегтем, а люди, трудившиеся на удаленных от крепости полях, собирались под защиту стен острожка.

Весной 1646 г. сын Надеи Светешникова Семен смог выкупить у казны промысел¹². Однако он вскоре умер, и в семье Светешниковых не осталось взрослых мужчин, способных эффективно вести дела. В связи с этим с начала 50-х гг. XVII в. Надеинское Усолье сдавалось на оброк богатому предпринимателю К. Климшину. В 1659—1660 гг. государство выкупило у семьи Светешниковых Усолье за громадную по тем временам сумму в 6500 рублей¹³.

Надеинское Усолье при Светешниковых не могло оказывать сколько-нибудь значительного воздействия на освоение прилегающих к нему территорий. Значительно большее влияние на колонизацию Самарской Луки оказывало в это время сельскохозяйственно-промысловое владение самарского Спасо-Преображенского монастыря, располагавшегося в юго-восточной части Луки, «под горами».

В 1660 г. Надеинское Усолье получило нового владельца. Им стал подмосковный звенигородский Савво-Сторожевский (нередко также пишут: Саввин Сторожевский) монастырь. История этой обители в

XVII в., особенно во второй его половине, весьма любопытна. Основанный в конце XIV в. учеником и сподвижником легендарного Сергия Радонежского Саввой, монастырь едва ли не до середины XVII в. был небогат, малолюден и не играл сколько-нибудь заметной роли в духовной жизни страны. При Алексее Михайловиче монастырскому клиру удалось войти в доверие царской семьи, в том числе и самого государя. Обитель на Сторожевской горе стала любимым местом богомолья для царского окружения, фактически летней резиденцией. С этого времени богатства братии растут в геометрической прогрессии. У обители появились приписные монастыри, многочисленные села и деревни, вотчины в самых различных уездах страны, в том числе и Надеинское Усолье. Хозяйственными делами монастыря руководил практически сам государь через свои дворцовые приказы¹⁴. Естественно, что такие «тепличные условия» создавали на местах для монастырских правителей режим наибольшего благоприятствования, ограничивали произвол и вмешательство местных воевод.

После Светешниковых самарские промыслы продолжали разрастаться. Более чем в полтора раза выросло население. В 1663–1664 гг. в селениях Усолья насчитывалось уже 165 дворов: 3 – духовенства, 3 – монастырских слуг, 96 – крестьян, 50 – бобылей, 12 – чувашских и 1 – мордовский. Вдоль р. Усолки и у подножия гор, рядом с волжской поймой, вытянулась цепочка поселений – Верхняя, Средняя, Выползово тож и Нижняя Усольские слободы. В устье Шоркинского оврага, в широкой долине между гор, рядом с Волгой появился починок Шоркин. Пятью верстами южнее слобод на окраине Теплового леса чуваша основали свою деревню Теплый Стан. Старый укрепленный городок к этому времени захирел и был заброшен. В конце 50-х – начале 60-х гг. был построен новый, поставленный ближе к горам. Недаром старый городок называли «степным». Светешниковы не могли освоить и заселить всю отданную им в оброчное владение территорию Усолья. Сельскохозяйственные и промысловые поселения локализовались в районе Соляных гор, ближе к волжской пойме в междуречье Усы и небольшой речки Усолки. Пахотные угодья уходили к югу в «степь», граничили с Теплым лесом и Муранским бором. Все остальные пространства использовались только эпизодически – для заготовки дров на выварку соли, промысла рыбы, охоты и т. д.¹⁵

На первых порах Надеинское Усолье досталось монастырской братии в оброчное «безсрочное» владение. Оброчные платежи в государеву казну с соляного промысла составляли 496,5 руб. в год «против

большого оклада, как было на откупу у Киприяна Климшина». Значительный доход приносили государству пошлыны с производства соли, в отдельные годы доходившие до 150 рублей, а также оброчные платежи за использование рыбных ловель. Сборы оброка и пошлыны, надзор за промыслом осуществляли приказчики из Симбирска¹⁶. Неизвестно, сколь аккуратно платил монастырь эти сборы, однако после завершения крестьянской войны под предводительством Степана Разина старцы все чаще обращались к царю с челобитными, где жаловались на тяготы, оскудение промысла, просили снять сборы и пошлыны и вообще передать Усолье в вотчину. С начала 70-х гг. XVII столетия начал формироваться новый режим владения промыслом. На него распространились вотчинные права, были сняты все пошлыны и оброчные платежи. Надеинское Усолье изъяли из-под юрисдикции сначала симбирских, а затем и казанских воевод. Оно стало управляться непосредственно из Москвы. Владение фактически получило право экстерриториальности, многочисленные тарханские привилегии¹⁷. Промышленники Надеинского Усоля, посылавшиеся для управления промыслом из метрополии, вели себя вызывающе по отношению к местным властям, принимали беглых, не пускали в вотчину сыщиков. В таком благоприятном режиме вотчина жила до середины – конца 80-х годов XVII в.

«Охлаждение» к церковным владениям в 90-х годах XVII в. коснулось и Надеинского Усоля. Вотчина в это время переживала кризис и застой. В начале XVII в. правительство Петра I начинает срочно изыскивать дополнительные средства для ведения Северной войны. Под жесткий контроль поставили недвижимое имущество церковных собственников. В их владения направили специальных приказчиков, которые фактически явились полновластными распорядителями во всех хозяйственных и финансовых делах. К тому же вскоре центр взял под контроль все оброчные угодья в стране: рыбные ловли, соляные и поташные промыслы, бобровые гоны и т. д. Эта мера ударила прежде всего по экономике крупнейших предпринимателей страны – монастырей, купцов и т. д. Новая государственная политика сказалась на хозяйстве Надеинского Усоля самым отрицательным образом. Упадок промыслового владения стал затяжным. До 1710 г. оно находилось в распоряжении Монастырского приказа и лишь формально числилось за братией Савво-Сторожевского монастыря. В 1710 г. Усолье, как и рядом расположенные Новопречистенская, Черемшанская и другие волости, отошли А.Д. Меншикову¹⁸. Надеинское Усолье в начале XVIII в. потеряло свои особенные специфические черты, как бы слилось с окружающей сельскохозяйственной и промысловой округой.

Если при Светешниковых Усолье начало формироваться как уникальный центр расселения русского и чувашского населения, его хозяйственной деятельности, то во времена Савво-Сторожевского монастыря произошло окончательное становление его самобытного облика; сложился специфический для XVII в. тип промыслового и сельскохозяйственного комплекса на территории Симбирско-Самарского Поволжья.

Рассмотрим более внимательно этот период в истории местности. В 60-х – начале 70-х гг. XVII в. монастырские власти не уделяли должного внимания развитию Надеинского Усолья. Промысел, доставшийся братии как царский подарок, являлся для нее второстепенным. Главный центр производства соли и добычи красной рыбы монастырь пытался создать в Прикамье, где он владел значительными участками земли и камской акватории¹⁹. Возможно, монастырские власти не имели достаточного опыта или местность и природные условия не благоприятствовали хозяйственной деятельности, но солидного промыслового центра на Северо-Востоке Европейской России создать не удалось²⁰. Это обстоятельство окончательно выяснилось только в конце 60-х – начале 70-х гг. До этого времени Надеинским Усольем старцы монастыря интересовались пока постольку-поскольку. Его сдавали в оброчное пользование другим промышленникам, тому же К. Климшину. Здесь хозяйствовали монастырские старцы-промышленники, курировавшие камские промыслы (Самуил Савинский и другие). Владение находилось под контролем приказчиков из Симбирска. Они распоряжались промыслом, а на устье Усы, рядом с новопостроенной деревней Жигулевкой, в конце 60-х годов даже устроили государев рыбный двор²¹. Несмотря на разногласия в управлении, даже в эти годы промысловое владение постепенно расширялось, обустривалось. Увеличивалось население, появились новые селения. В конце 60-х годов рядом с устьем Усы, в овражной долине за Усинским курганом, на берегу Волги была основана деревня Жигулевка, возникшая, по всей видимости, на месте бывшего здесь ранее рыболовецкого стана²². Симбирские власти утверждали, что Жигулевку основали беглые крестьяне из Симбирского уезда, и поэтому всех жителей необходимо вернуть назад к их прежним владельцам. Промышленники монастыря выдвинули иную версию. По их словам, на месте деревни всегда находились рыболовные ватаги монастыря, и поэтому рыбные ловцы по указу монастыря и основали деревню²³. Скорее всего, истина лежала где-то посередине. На наш взгляд, основателем деревни, одним из первопоселенцев, давшим ей имя, был коренной (то есть еще «све-

тешниковский») житель промысла «Семка Жигуль» из Устья Великого (или его потомки)²⁴.

Основание Жи(е)гулевки, Жи(е)гулей или Жи(е)гулихи (с переменными гласными и-е) положило начало освоению жителями Надеинского Усолья территории к востоку от р. Усы, то есть собственно «малой» Самарской Луки.

В те же 1660-е гг. продолжилось заселение местности в районе Соляных гор и Муранского бора. Под Теплым лесом появилась первая чувашская деревня Теплый Стан, или, как она впоследствии стала называться, Старый Теплый Стан²⁵. Кроме русских, основное население Надеинского Усолья составили именно чувашаи. Мордовские дворы являлись редким исключением. Впоследствии, когда старожилов чувашей спрашивали о времени их появления в этой местности, они обычно говорили, что «здесь они издавна, еще их отцы и деды жилали здесь за Светешниковым». Насколько верна эта формула, неизвестно. Однако в описании Надеинского Усолья 1663 г. чувашаи не фигурируют. В отличие от русских селений, устраиваемых в открытых местах, удобных для сообщения, заведения промысловых предприятий, земледелия, чувашские деревни прятались в глухих местах, вдалеке от реки, на лесных полянах, на значительном удалении от сельскохозяйственных угодий.

Вслед за А. Олеарием, давшим краткую характеристику Усолья в середине 1630-х гг.²⁶, в 1660-х гг., проплывая по Волге, сделал свое известное описание береговых селений и промыслов Надеинского Усолья голландец Ян Стрейс. Он видел соляной и рыболовный промыслы, недавно отстроенную деревню в устье р. Усы, то есть Жигулевку²⁷.

Во времена «Разинщины» Надеинское Усолье стало одним из главных эпицентров движения, местом скапливания сил повстанцев. Выгодное стратегическое место Усолья, как едва ли не последнего плацдарма для наступления на Симбирск и укрепления Симбирско-Корсунской и Закамской черт, обуславливало появление здесь повстанческих отрядов. После очередного поражения повстанцы уходили вниз по Волге в усольские слободы. Так было после разгрома основных сил Степана Разина под Симбирском, так получилось и после неудач второго подхода разинцев под предводительством Федора Шелудяка вверх по Волге летом 1671 г. Причем сравнительно небольшое по тем временам население усольских слобод ухитрилось принимать крупные отряды разинцев численностью от 500 до 2000 человек²⁸. Неизвестно, останавливались ли в Усолье С. Разин или Ф. Шелудяк, но вот имя одного из крупных разинских атаманов

Ромашки Тимофеева настолько глубоко запечатлелось в памяти местных жителей, что спустя десятилетия после завершения разинского движения переписчики со слов местного населения фиксировали в межах и гранях дорогу «проклятого вора Ромашки». Население Усоля практически полностью перешло на сторону Разина. К крестьянам и работным людям присоединились монастырские слуги. Священники и даже промышленники должны были сделать вид, что поддерживают повстанцев. Когда осенью-зимой стало очевидно, что разинцы потерпели поражение, жители Усоля во главе с промышленником принесли повинную в Симбирск. Правда, это не помешало им летом 1671 г. с хлебом и солью принять разбитые отряды Шелудяка. Что происходило с хозяйством промысла в эту бурные годы, неизвестно. Монастырские промышленники и власти Савво-Сторожевского монастыря писали, что из-за событий казацко-крестьянского движения «промысел разорился вконец», и на этом основании просили снять денежные подати. Насколько велико было «разорение», об этом документы умалчивают. Сколько-нибудь значительных военных столкновений на территории Усоля не было. Жители смогли мирно поладить с отрядами повстанцев и в то же время не подвергались карательным акциям правительственных войск.

Надеинское Усолье сравнительно благополучно пережило эти бурные годы. В середине 1680-х годов его население насчитывало около двух тысяч человек, число дворов приближалось к 300²⁹. Это было крупное, хорошо организованное промысловое и сельскохозяйственное владение, полностью обеспечившее свои потребности и дававшее значительный доход в метрополию. Центром вотчины по-прежнему оставался небольшой район у подножья Соляных гор, в нижнем течении речки Усолки. Здесь концентрировался солеварный промысел, находились крупнейшие поселения, размещалась администрация. Вместо старого «степного» городка Светешниковых на рубеже 50–60-х гг. XVII в. был устроен новый. Он располагался значительно ближе к подножию гор, в 3 верстах от старого, на берегу Усольского озера (ныне затопленного водами водохранилища) примерно в 1,5–2 км от Волги. Не совсем ясно, о какой крепости, старой или новой, говорится в отказных книгах Тимофея Коноплева, датированных 1659–1660 г. Коноплев описал деревянный городок с деревянной же церковью «во имя святого Нерукотворного Образа». Даже по сравнению со временами Светешникова (а может быть, в наследство от них) городок был неплохо вооружен. В нем насчитывалось 3 медные и 6 железных пушек, 6 пушек железных «дробовых»³⁰. В отказных книгах Якова Руднева 1673–1674 г. речь шла о новом

городке. Он был обнесен деревянным палисадом с 4 башнями по углам, с двумя воротами. За стенами городка находились две кельи, 3 амбара, 3 погреба, изба хлебная и поварня. Рядом располагалась «брусная» церковь «Николая Чудотворца». О вооружении крепости сказано лишь, что на башне была пушка железная³¹. Возможно, что такое скудное вооружение острожка осталось в результате посещения его отрядом Степана Разина. После поражения восстания городок был переустроен. Местные жители сообщали, что старец Леонтий Моренцев заставлял их заниматься строительными работами, возить камень на церковь. И действительно, судя по описаниям середины 80-х годов XVII в., к одной из стен городка примыкала каменная Преображенская церковь (по всей видимости, одно из первых каменных сооружений в крае) с двумя приделами. За крепостными стенами находилось несколько дворов, хозяйственные постройки, конюшня. Солидными выглядит вооружение: 6 пушек, 30 ружей. Необходимо учесть, что в это время промысел был защищен от внезапного набега защитными сооружениями Сызрани и Печерского. В исторической литературе, на картах, обозначающих расположение Сызранской черты, ее восточный фланг доводят до Усольского городка и тем самым включают его в систему оборонительных сооружений черты. Вряд ли это соответствует истине. Сызранская линия так и не была построена (сохранились только отдельные ее укрепления). В ее состав не планировалось ввести городок на Усольском озере.

В отличие от старого «степного», вновь построенный городок не просто защищал дальние подступы к промыслу, а являлся центром, сердцем усольских слобод. Небольшая слободка находилась рядом с самой крепостью. Два из трех усольских поселений: слободы Верхняя и Средняя соседствовали с Усольским озером и самим городком; третья – Нижняя находилась ниже по течению реки Усолки. Нижнюю слободу порой называли «Выползово». Это название свидетельствует о более позднем ее происхождении по сравнению с двумя другими селениями. В каждой из этих слобод в 80-х годах насчитывалось от 40 до 50 крестьянских, бобыльских и работничьих дворов. По абсолютным размерам и по населению отдельные слободы уступали только Жигулевке. Общее количество жителей, их населявших, составляло около половины всего населения вотчины. Позднее, уже в XVIII в., все эти три селения слились в одно и образовали село Усолье. В ближайших окрестностях этого жилого комплекса селениями-спутниками его являлись д. Шоркин Буерак, в XVIII в. перенесенная ближе к устью р. Усы (ныне д. Березовка), и расположенная

5 км южнее чувашская деревня Старый Теплый Стан. Местность, выбранная для поселения Шоркин Буерак, не благоприятствовала значительному разрастанию населенного пункта. Межгорная долина ограничивала возможности для расширения его территории, сельскохозяйственные угодья и, прежде всего, пашенные земли находились за горным хребтом, и добраться к ним было не так-то просто. На протяжении всего XVII в., в отличие от других поселений Надеинского Усолья, Шоркин Буерак так и оставалась небольшой деревушкой, затерянной в овражной долине, на берегу волжской поймы. В середине 1670-х гг. в ней насчитывалось всего 8 дворов, а спустя десятилетие, по данным писцовой книги 1685–1686 г., – 18 дворов. Сельские жители в основном работали на варницах и рыболовных ватагах, занимались земледелием. Первое упоминание о слободе-деревне имеется у Я. Стрейса, который писал в 1665 г.: «5 августа мы дошли до рыбацкого поселка... там видна река Уса»³². Следы деревни в настоящее время вряд ли возможно обнаружить. В XVIII в. она была перенесена на новое место, ближе к устью р. Усы, и устроена на равнинной местности, примыкающей к восточной оконечности Соляных гор. В XVIII в. это поселение получило новое имя – д. Березовка.

В последней четверти XVII столетия крупнейшим селением Надеинского Усолья стало с. Вознесенское, деревня «Жигулевка тож». По переписным книгам 1678–1679 г. в нем насчитывалось 84 крестьянских и бобыльских дворов³³, по дозорным – 1683 г. – 101 дв. (без дворов духовенства)³⁴, наконец, в писцовых книгах Я. Левашова было обозначено 78 дв. (без дворов духовенства)³⁵. Такое различие в данных обуславливалось крайне негативным отношением руководства вотчины, да и самого населения, к действиям писцов и переписчиков. Любой лишний двор, обнаруженный писцами, приводил к разрастанию государственных податей и повинностей, к увеличению тягла. Потому-то, несмотря на разногласия в подсчетах количества дворов, численность населения стабильно увеличивалась. Количество человек, населявших один двор, могло внезапно возрасти. В целом в середине 1680-х гг. в селе насчитывалось около 500 человек обоюбого пола, что по тем временам представлялось весьма значительной величиной.

Селение вряд ли оказывало большое влияние на освоение принадлежавшей монастырю западной части «малой» Самарской Луки. Взгляды жителей Жигулевки, монастырских управителей были устремлены прежде всего к рыбным богатствам Волги, к соляному производству Усольских слобод. Да и само расположение селения пре-

допределяло такую направленность интересов. Село находилось на краю первой надпойменной террасы, при выходе к Волге мощной овражной долины, у северо-восточного склона Усинского кургана. Оно занимало прибрежную полосу, тянувшуюся от устья оврага к устью р. Усы. Все равнинное пространство западной части Самарской Луки оказалось за горой, на втором плане. Перед глазами жителей всегда была Волга с ее рыбными богатствами. При таком расположении поселка крайне неудобно было заниматься сельским хозяйством и, прежде всего земледелием, так как основные пахотные угодья находились далеко от поселения, «за горой». В XVIII в., когда рыболовство начало отходить на второй план, все недостатки такого расположения проявились с особой силой. Тогда-то село было перенесено за гору, вглубь территории Самарской Луки, где и располагается в настоящее время. От первого месторасположения у подножья Усинского кургана в почве остался значительный по мощности культурный слой, насыщенный остатками дерева, фрагментами керамики, металлическими изделиями и т. д.

Первое описание селения приведено в отказных книгах Я. Руднева 1673–1674 г. «На устье Усы на берегу Волги реки в деревне Жигулевке церковь божия во имя Вознесения Христова... около церкви шесть келей, а в них живут старцы. Около монастыря ограда да подле ограды из Симбирска построен государев рыбный двор. А кругом монастыря и рыбного двора крестьянские дворы...»³⁶. В середине 1680-х гг. вместо государева рыбного двора был построен монастырский (или государев перешел монастырю), в котором жили посельские старцы, посылаемые из метрополии для управления промыслом.

Последнее крупное русское поселение в пределах Надеинского Усолья было основано в 1680 г. на переволоке и получило от названия местности имя — слобода Переволокская или д. Переволоки³⁷. Не давая описания д. Переволоки, остановимся лишь на особенностях ее появления. На примере Переволок видно, насколько активно монастырские власти занимались освоением стратегически важных для них районов Надеинского Усолья. Близ с. Переволоки занималась добычей рыбы одна из крупнейших монастырских ватаг — Переволокская. Местным промышленникам необходимо было создать для нормального функционирования этой ватаги постоянную базу — поселение с рыбным двором. Монастырским властям пришлось выдерживать длительную тяжбу с самарскими воеводами за право распоряжаться землями в районе перешейка. Только апелляция в центральные приказы помогла решить дело в пользу старцев. В этом

соперничестве любопытен один характерный момент. В представлении властей Самары территория Надеинского Усолья ограничивалась только небольшим районом соляных промыслов. Все остальное пространство они рассматривали как ничейную землю и при случае использовали ее в своих интересах. Так, например, на Переволоке построили несколько острожков и направляли туда караулы самарских воинских людей. Район Яблоневого оврага считали исконно землей Самарского уезда и поселили там мордовскую деревню³⁸. После завершения в крае событий «Разинщины» по 50 стрельцов ежегодно посылали из Самары на «Переволоку» для службы³⁹. Да и сами местные монастырские промышленники до тех пор, пока самовольные попытки Самары не сталкивались напрямую с их коренными интересами, не реагировали сколько-нибудь резко на такие поползновения. Соблюдался некоторый нейтралитет. Тяжбы возникали или в конкретных случаях (из-за Переволок или мордовской деревни Яблонной), или когда самарские воеводы проявляли уж слишком дерзкие попытки захватить монастырскую собственность (например, Иван Колобакин в 1693 г. пытался поселить своих служилых людей на практически неосвоенных пространствах западной части Самарской Луки, но эти попытки до конца XVII в. не приводили к успеху).

Если на формирование русских промысловых селений, архитектурный облик важнейших общественных и промысловых сооружений власти вотчины оказывали непосредственное влияние, то процесс переселения чувашского и мордовского заселения на территорию Надеинского Усолья в гораздо меньшей степени поддавался такому контролю. В первой половине 1670-х гг. (до 1677–1678 г.) на правом берегу Усы в районе современного с. Большая Рязань, так называемых «Бруснянских вершинах», появился маленький починок в 4 двора выселенцев из Старого Теплового Стана. К середине 80-х гг. в деревне насчитывалось уже 14 чувашских дворов. Называться поселение стало д. Новый Теплый Стан на Бруснянском Ключе или попросту Брусняны (не путать с современными Бруснями). Так начала осваиваться территория глубинных районов западной части Самарской Луки⁴⁰.

В начале 80-х гг. XVII в. переселенцами из Старого Теплового Стана был основан еще один выселок — деревня Новый Теплый Стан на Ногайском Ключе (позднее на его основе возникло с. Шигоны)⁴¹. Она появилась благодаря приказу монастырских промышленников.

Так к 80-м годам XVII в. окончательно сформировался крупный промысловый и жилой комплекс в западной части Самарской Луки, получивший историческое название Надеинское Усолье.

Из людей, непосредственно занимавшихся управлением промышленного владения, несомненно, выделяется фигура соборного старца Савво-Сторожевского монастыря промышленника Леонтия Моренцова. Моренцов был рачительным хозяином. При нем в конце 70-х — начале 80-х гг. укрепления, соляные варницы и другие хозяйственные заведения Усолья были перестроены, промысел приносил значительный доход.

Старец не отличался примерным поведением и в предыдущей период своей жизни (например, будучи «житенным» старцем Ипатьевского монастыря за «слова и действие» он был взят под караул и направлен для исправления в Кирилло-Белозерский монастырь)⁴². Но позднее, попав в Савво-Сторожевский монастырь, он смог заслужить доверие его властей⁴³. В оторванном от всего мира Надеинском Усолье Моренцов почувствовал себя бесконтрольным владыкой. Все его дурные наклонности проявлялись самым ярким образом. Он создал себе «гвардию» из местных жителей. Пожалуй, не было такого преступления, которого бы не совершил этот человек (убийства, изнасилования, незаконные поборы и т. д.). Многочисленные жалобы местных жителей долго не имели последствий, пока наконец все население вотчины в 1684 г. не выступило против Моренцова⁴⁴. Нестового старца отозвали, но нужно сказать, что нравы других руководителей промысла были немногим лучше. Свидетельства о постоянных насилиях промышленников то и дело мелькают в документах того времени.

В 90-х гг. XVII в. монастырь потерял покровительство царской семьи. Это сказалось самым непосредственным образом на экстерриториальности Надеинского Усолья. В вотчине начали появляться сыщики, они разоряли налаженное хозяйство, уводили беглых, составлявших большинство населения. Монастырские старцы начали жаловаться на то, что вотчина приходит в упадок, ее экономика «порушена».

После строительства Сызрани началось быстрое освоение Правобережья Волги. Надеинское Усолье оказалось по соседству с многочисленными владениями помещиков, общинами служилых людей по «прибору» и государственных крестьян. Уникальный промысловый центр становится одним из рядовых крупных владельческих имений Симбирско-Самарского Поволжья.

Примечания

¹ Бахрушин С.В. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII веке // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 2. М., 1954; Дубман Э.Л. История солеваренного промысла Надеинского Усолья в XVII веке. Куйбышев, 1983. Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 14015 от 29.09.1983; Его же. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. По материалам церковно-монастырских владений. Куйбышев, 1991. С. 41–65.

² Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 224–225.

³ Более подробно об этом в следующих работах: Ермолаева Л.К. Торговые связи Астрахани в XVII – первой половине XVIII вв. С. 153–156; Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 228–229.

⁴ РГАДА. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11540. Л. 1.

⁵ Там же. Д. 15553. Л. 3-11об.

⁶ Садовников Д. Жегули и Усолье на Волге // Беседа. 1872. № 12. С. 59; Емельянов М.А. Самарская Лука и Жигули. Краеведческие очерки. Куйбышев, 1955. С. 11; др. работы.

⁷ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1986. С. 34.

⁸ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 3. С. 419.

⁹ Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 228–247.

¹⁰ Там же.

¹¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. 1646. Д. 253. Л. 1–73; Бахрушин С.В. Указ. соч.. С. 228–247.

¹² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. 1646. Д. 253. Л. 90.

¹³ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – ДАИ). СПб., 1857. Т. 6. С. 303–304; РГАДА. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11540. Л. 1.

¹⁴ Смирнов С. Историческое описание Саввина Сторожевского монастыря. Изд.2, испр. и доп. М., 1860. С.70–72; Дементьев Е.И. Савво-Сторожевский монастырь и его крестьяне во второй половине XVII в.: автореф. ... дис. канд. ист. наук. М., 1984. С. 13.

¹⁵ Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 246–247.

¹⁶ ДАИ.Т. 6. С. 303–304; РГАДА.Ф. 281. Д. 11540. Л. 1.

¹⁷ РГАДА. Ф. 281. Д. 11540. Л. 1; Д. 11548. Л. 1; Д. 11562. Л. 36–38; Ф. 1199. Оп. 1. Д. 66. Л. 64–66, 72; Ф. 125. Оп. 1.Д. 53. 1686. Л. 1.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 7. Д. 159; Горчаков М. Монастырский приказ (1649–1725 гг.). Опыт историко-юридического исследования. СПб., 1868. С. 70–72.

¹⁹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Собрание М.П. Погодина. 1910. Л. 89–90.

- ²⁰ РГАДА. Ф. 125. Оп. 2. Д. 323 А. Л. 1–246.
- ²¹ ДАИ. Т. 6. С. 303–304; РГАДА. Ф. 281. Д. 11540. Л. 1.
- ²² РГАДА. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11541. Л. 1–7; Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1957. Т. 2. С. 191.
- ²³ РГАДА. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11514. Л. 1; Д. 11542. Л. 1–3.
- ²⁴ Дубман Э.Л. Жигулевские горы. Происхождение названия // Краеведческие записки. Вып. VI. Куйбышев, 1986. С. 19.
- ²⁵ Государственный архив Ульяновской области. Ф. 732. Оп. 2. Д. 451. Л. 9 об.; РГАДА. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11541. Л. 2.
- ²⁶ Олеарий А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах. М., 1870. С. 426.
- ²⁷ Стрейс Я.Я. Три путешествия. М., 1935. С. 189.
- ²⁸ Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сб. документов. Т. 2. № 156. С. 184–185; № 160. С. 189–190; Т. 3. № 109. С. 118–119.
- ²⁹ Зерцалов А.Н. Материалы для истории Симбирского края 17 и 18 веков. Симбирск, 1900. С. 44–55; РГАДА. Ф. 281. Оп. 1. Д. 11562. Л. 4 об. – 41.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 18. Д. 151. Л. 23 – 23 об.
- ³¹ Там же. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11541. Л. 3.
- ³² Стрейс Я.Я. Указ. соч. С. 189.
- ³³ РГАДА. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 66. Л. 64–66.
- ³⁴ Там же. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11553. Л. 39 об. – 50.
- ³⁵ Там же. Д. 11562. Л. 21 б. – 28 об.
- ³⁶ Там же. Д. 11541. Л. 1–4 и далее.
- ³⁷ Там же. Д. 11553. Л. 49 об.–54 об.; Ф. 125. Оп. 1. 1679. Д. 6. Л. 1–11.
- ³⁸ Там же. Д. 11562. Л. 74 об.
- ³⁹ Там же. Оп. 16. Д. 10845. Л. 6–7.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 66. Л. 65 об.; Ф. 281. Оп. 17. Д. 11562. Л. 33 – 33 об.
- ⁴¹ Там же. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11553. Л. 58 об.; Ф. 281. Оп. 17. Д. 11562. Л. 34 – 34 об.
- ⁴² Акты Кирилло-Белозерского монастыря XVII в. в Парижской Национальной библиотеке // Советские архивы. 1979. № 4. С. 39–40.
- ⁴³ РГАДА. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 1. Л. 21
- ⁴⁴ Там же. Ф. 125. Оп. 1. 1684. Д. 54. Л. 1–26; Ф. 141. Оп. 6. Д. 112. Л. 1–4.

СОЛЯНОЙ ПРОМЫСЕЛ

Надеинское Усолье – сравнительно небольшой солеваренный промысел на северо-западе Самарской Луки, возникший в начале 1630-х гг. и существовавший до начала XVIII в. Развитие промысла при его первых владельцах рассмотрено С.В. Бахрушиным¹. История Надеинского Усолья, после того как оно перешло к Савво-Сторожевскому монастырю, также исследована². Поэтому, ограничившись изложением основных выводов, сделанных в вышеуказанных работах, мы более подробно остановимся на моментах, еще не становившихся предметом изучения исследователей. Речь прежде всего идет об особенностях технологического процесса, характерных для местного солеваренного производства.

В спорах, касающихся попыток типологии крупного солеваренного промысла, постоянно поднимается вопрос о том, что же следует считать в качестве его основного производственного предприятия – единичную варницу или весь комплекс по добыче рассола, заготовке дров, ремонту оборудования, выварке соли, ее хранению и реализации, находившийся в собственности одного владельца. Автору ближе последнее мнение.

Исследуя российское солеварение XVI–XVII вв., историки пришли к выводу, что в этой отрасли в первой половине XVII столетия произошел ряд серьезных изменений. Это выразилось в первую очередь в становлении огромного промышленного центра в Прикамье, снабжавшего своей продукцией всю страну, и в значительном увеличении производительности единичных варницы и соляной трубы. Последнее достигалось за счет получения из-под земли более насыщенных рассолов, в частности вследствие глубинного бурения; за счет градирования, увеличения размеров црена, усовершенствования печей и цренов. Переход в ряде солеваренных центров к цренам площадью 4–5 кв. саженей (16–20 кв. м) привел к тому, что производительность, даже при слабонасыщенных растворах, выросла в несколько раз – до 4–6 тысяч пудов соли с одной варницы в год. Типичным примером подобных усовершенствований может служить промысел в Старой Руссе³.

Рядом с таким «средним» техническим и технологическим уровнем солеварения существовал и более высокий, характерный в основном для Соли Камской, где размеры цренов достигали 16 кв.

саженей, а крепость рассолов – 12–15 %. Соответственно, и годовая производительность 1 варницы составляла до 30 тысяч пудов⁴. Отметим, что в целом технологический уровень солеварения в России XVII в. значительно уступал западноевропейскому⁵.

Надеинское Усолье среди российских промыслов занимало место посредине, соответствуя общему уровню солеваренного производства XVII в.

Несмотря на сравнительно скромное место Надеинского Усолья среди других солеваренных центров страны и короткий срок его существования, этот промысел не был забыт. В изданном при Екатерине I Уставе «о соляных промыслах» 1727 г. среди прочих соляных заводов, которые следует поддерживать в производстве или вновь запустить, упоминалась и Соль Надеинская⁶.

Соледобывающий район располагался на северо-западе большой Самарской Луки за устьем р. Усы, у западной оконечности так называемых Соляных гор, входящих в состав Жигулей. Здесь, в волжской пойме, плавно переходящей в первую надпойменную террасу, в среднем течении небольшой речки Усолки, по руслу и вдоль ее узкой правой подгорной террасы по бичевнику, било из-под земли множество небольших соляных ключей. Сам район выхода соленосных потоков занимал сравнительно небольшую территорию, затапливаемую весной паводковыми волжскими водами.

По мнению геологов, соляные источники имели восходящий характер и вытекали из дислокационной трещины, находящейся в нескольких километрах юго-западнее их выхода на поверхность, в районе р. Подстепной. Таким образом, залежи каменной соли и линзы, заполненные насыщенным рассолом соли, находились далеко в стороне от места выхода на поверхность соляных ключей, а соленосные потоки, спускавшиеся под землей параллельно руслу р. Усолки, имели небольшую мощность⁷.

Концентрация рассола составляла около 5 %. Качество вывариваемой соли не могло быть хорошим из-за большого количества примесей. Дебит наиболее крупных источников в начале XX века давал возможность получать в сутки около 1700 пудов соли⁸.

Добыча соли в долине р. Усолки началась задолго до появления здесь русского населения. В начале 1950-х гг. при раскопках срубного поселения бронзового века в окрестностях села Усолье, в районе соляных источников были обнаружены полые глиняные трубки. Они идентичны орудиям, найденным на территории Германии и использовавшимся там для добычи соли. По мнению археологов, постоян-

ная заселенность этих мест, начиная с эпохи бронзы и кончая средневековьем, свидетельствует в пользу существования здесь с древнейших времен соляных промыслов, продукция которых вывозилась далеко за пределы данного района⁹. Однако промышленное производство соли началось только с 30-х гг. XVII в., когда владельцем окружающей местности стал Н. Светешников.

Приказчики Светешниковых и пришедшие за ними на Самарскую Луку монастырские промышленники не довольствовались слабонасыщенным соляным раствором из ключей. Они пытались заниматься бурением скважин, устроить рассолоподъемные трубы. Об этом свидетельствуют данные о наличии специальных инструментов для прохождения породы, указания на особые трубные «проверченные» деревья; наконец, упоминания о дворах трубных мастеров. Но все эти попытки должны были закончиться неудачно. Глубинное бурение не могло дать дополнительного эффекта, не помогало в получении более насыщенных растворов.

В Надеинском Усолье необходимы были сравнительно неглубокие колодцы в местах выхода из-под земли соляных ключей. По всей видимости, вскоре промышленники пришли к выводу, что проведение буровых работ в долине р. Усолки не требует значительных затрат времени и трудовых ресурсов.

Дебит отдельной скважины был невелик. Получаемого из трубы рассола, хватало только для работы одной варницы. Потому-то соотношение варниц и труб составляло один к одному¹⁰.

Обычно в источниках по Усолью при обозначении рассолоподъемных труб употребляется общепринятая терминология, как, например, труба с оцепом и крюком, колодезь и т. д. Не совсем понятно, почему в ряде описаний отдельно используются такие термины, как «трубы соляные и рассольные». Например, в писцовых книгах 1686 г. указывается на трубы соляные с сохами и оцепами как на устройство, с помощью которого добывался из-под земли соляной раствор. Далее в тексте упоминаются и трубы рассольные без какой-либо характеристики их функционального использования¹¹. В отказной книге 1646 г. именно трубы рассольные указаны с сохами и оцепами, то есть как сооружения для добычи рассола¹². Известно, что в Надеинском Усолье рассол из колодезей-труб носили к варницам в бадьях на специальных шестах. Поэтому интерпретировать какие-либо из этих «труб» как подводящие соляной раствор от места его получения к месту выварки вряд ли возможно. Остается лишь предположить, что у составителей описаний были какие-то веские

причины для того, чтобы по-разному называть в общем однотипные сооружения.

При Надее Светешникове, в начальный период существования промысла, соляные растворы пытались добывать в двух местах:

— в «степи», то есть к юго-востоку от защищенной горами местности, примерно в 2–3 км от волжской поймы. К 1646 г. этот центр, состоявший из 2 варниц и труб к ним, запустел из-за калмыцких набегов и так и не смог возродиться¹³;

— под горами, у Усольского озера под защитой городка. Здесь, видимо, одновременно со степным сложился второй более крупный центр добычи подземных рассолов, который оставался основным на всем протяжении времени существования промысла.

Остатки сооружений для выкачивания рассола описали П.С. Паллас, И.И. Лепехин в 1760-х гг. и П.Н. Ефимов в начале 1920-х гг. Так как в начале XVIII в. солеварение в Надеинском Усолье было запрещено, то, скорее всего, вид и устройство колодцев оставались с тех пор неизменными¹⁴. Всего сохранилось 6 колодцев. При их расчистке на глубине около 2 метров от поверхности были обнаружены круглые срубы диаметров 2,8 метра, состоявшие из дубовых пластин, укрепленных стоймя. В каждом колодце имелось по 1 дубовой трубе, поставленной посередине дубового сруба и служившей для выкачивания рассола. Уровень соленой воды в колодцах на 1,6 м превосходил обычный уровень в р. Усолке.

Выкачивание рассола из труб, как и на других промыслах, производилось с помощью бадей с кожаными помпами — «дыхлами». К каждой такой трубе (всего 7) устраивалась, по данным отказных книг 1646 г., «соха с очапом и с крюком». В описании 1677 г. у двух варниц из шести, были сохи с очепами, крюками и с лапой; у трех — только очепы с крюками и лапой. Известно, что для очепов использовались еловые стволы — «чигилины» — длиной до 9 сажень¹⁵.

Вряд ли «соха» Надеинского Усолья соответствует тем «сохам» Соли Камской, которые устраивались для проведения глубинных буровых работ. В данном случае мы имеем дело с устройством типа деревенского колодезного журавля, но только более значительного по размерам, для выкачки рассола из трубы и разлива его по бадьям. Возможно, соха с очепом самарских промыслов была сходна с журавцом промысла Вознесенского монастыря в Соли Камской¹⁶.

Главным предприятием соледобывающего комплекса, несомненно, являлась варница. На протяжении всего времени существования промысла одновременно работало не более 6 варниц. Возможно, толь-

ко в 1630-х — начале 1640-х гг., при Надее Светешникове, соль варили в 8 варницах (дополнительно, в тех самых двух в степи, которые разорили калмыки). В 1630-х — 1680-х гг. состав варниц и их названия были стабильны. Только вместо «Орла», существовавшего при Надее Светешникове, при его сыне был выстроен «Любим». Варницы, как и соляные трубы, являлись наиболее сложными сооружениями технологического цикла, и по их развитию можно говорить о крупных изменениях на самом промысле.

Для российского XVII столетия характерно размещение каждой варницы в отдельном, специальном устроенном, помещении. То же самое можно сказать и о Надеинском Усолье. Большинство источников позволяют именно так истолковывать имеющиеся в них сведения. Только в писцовых книгах 1686 г. совершенно неожиданно указывается, что 6 действовавших тогда в Надеинском Усолье варниц размещались в 3 сараях¹⁷. Чем вызвано это разногласие в источниках, неизвестно. Либо составители писцовых книг ошиблись, либо в последние годы перед описанием была произведена перестройка варничного хозяйства.

Наиболее полное и подробное описание варничного хозяйства Надеинского Усолья относится к 1677 г., поэтому используем его как основу. Помещение варницы строилось из соснового леса, рубилось в лапу, стены устраивались «со связми». Крыша крылась дранью или дранью и лубьем. К зданию примыкала (или находилась поблизости) труба с сохой, очепом и т. д. Нередко в помещении на стене висела икона («... варница Новик. А в ней образ Савы Чюдотворца ...»). Скорее всего, варница топилась по-черному, хотя точных сведений об этом нет. Главными сооружениями в варнице являлись печь, выложенная кирпичом, и црен. Кирпич изготавливался здесь же, в Надеинском Усолье.

Кроме концентрации рассола важнейшим фактором, определявшим производительность работы варницы, являлся размер цренов. Выше уже говорилось, что для XVII в. наблюдаются значительные расхождения в площади цренов: от 12–16 кв. саженей (то есть до 60–65 кв. м) на варницах Камского Усолья до 1,5–2 кв. саженей (6–8 кв. м) на варницах старого типа в центральных районах страны и в Западном Поморье. Црены в самарских варницах занимали среднее промежуточное место в этом ряду, имея площадь в 4 кв. сажени (около 16 кв. м). В описании варниц 1677 г. говорится: «Црен почат делать вновь, полотенцо зделано в длину и поперег по две сажени, а в нем двесте семьдесят полиц новых»¹⁸. Под «полотенцем», по всей

видимости, подразумевались «порубни» — длинные металлические полосы, из которых сшивались боковые стенки црена¹⁹. В XVII в. чаще всего использовались полицы стандартного размера — длиной 27–30 см, шириной 20–21 см и толщиной 0,5 см при весе 2,4–3 кг каждая. Расчеты показывают, что в Надеинском Усолье для устройства цренов использовались полицы именно такого стандартного размера.

Однако это верно только для последней трети XVII в. В более раннем описании промысла 1646 г. мы встречаемся с данными о том, что у Н. Светешникова в Усолье было: «110 полиц большие руки, 140 полиц средние руки, 77 полиц меньшие руки...»²⁰

При Светешниковых в каждой варнице для рассола находилось по 8–9 колод «рассольных» или «сливальных». Под колодами размещалось по 5–6 корыт, иногда с «приколодком». Кроме того, практически в каждой варнице имелся «жолоб сливальной». В одной варнице насчитывалось 5 ковшей сливальных, в другой — 6, в остальных это орудие труда не указывалось. Для вываренной соли в помещениях варниц были устроены «лари дощаные с жолобом, что кладут соль». Для измерения количества вываренной соли имелся ящик дощаной, над ним меряют соль», а также «мерники липовые», контари, безмены и гири.

И наконец, для хранения полученной соли был построен специальный амбар, перегороденный надвое²¹. При переходе промысла к Савво-Сторожевскому монастырю вышеуказанное оборудование варниц изменилось незначительно. Увеличилось до 10 количество колод, появилось четкое обозначение «жолоба згребального з застилкой».

В течение примерно 70 лет существования солеваренного промысла в Надеинском Усолье он неоднократно перестраивался и не раз переживал тяжелые времена. В конце 1630-х — начале 1640-х гг. из-за набега кочевников погибли трубы и варницы «в степи». В 1646 г., после смерти Надеи Светешникова и перехода владения в дворцовое ведомство, добыча соли здесь резко сократилась: «И на тех Надеинных варницах почели соль варить на одной февраля з 1 числа, а на другой варнице учили соль варить февраля ж со 2 числа. А три варницы стоят пусты потому, что попортились и работных людей нет»²². Сын Надеи Семен, видимо, смог снова наладить производство. Вскоре оно перешло к новому арендатору К. Климшину. Старцы Савво-Сторожевского монастыря также вначале не могли справиться с промыслом, и им управляли приказчики, присылаемые из

Синбирска. Пребывание повстанческих отрядов Степана Разина и его сподвижников также не способствовало процветанию солеварения. Не зря монастырские власти жаловались, что от воровских людей «промысел разорился вконец».

Только после того как Надеинское Усолье перешло в вотчинную собственность монастыря, его власти основательно занялись переоборудованием производства. В далекий промысел вкладывались большие средства, сюда присылались наиболее деятельные промышленники. Из них следует выделить соборного старца Леонтия Моренцова. Время его правления — 1674—1684 гг. — стало периодом расцвета промысла. Моренцов перестроил практически все варницы, вычистил и обновил соляные трубы, реконструировал городок и прочие сооружения. Уже в первые годы своего пребывания на Самарской Луке — до 1677 г. — он обновил практически все варницы и трубы. В документах того времени обычными были выражения, типа: «Анбар большой соляной новой соснового лесу строение соборного ж старца Леонтия Моренцова мерою в длину тринадцать сажен поперег семь сажен, изнутри вытесан, а в верху четыре связи двойные брусяные на дубовых сваях, а на связях вдоль положено пять досок больших насадного лесу, мост елевой тесаной»²³.

После смещения Моренцова начался постепенный упадок солеварения. В 1684 г. и последующие 3 года вместо 6 работало 4 варницы, не более того и в 1690-е гг.

Устройство труб и варниц, размеры цренов на протяжении всего времени существования промысла вряд ли значительно менялись. Поэтому имеющиеся данные о производительности одной варницы и всего промысла в 1684—1687 и 1692—1693 гг. можно интерпретировать и на все время действия промысла Средняя годовая производительность 1 варницы составляла 5800—6000 пудов²⁴. Таким образом, при 6 одновременно работающих варницах в Надеинском Усолье могли получать 35—36 тысяч пудов соли, в 1677 г., когда соль варили на 5 варницах, — до 30 тысяч пудов, во второй половине 1680-х гг. и позднее — не более 23—24 тысяч пудов в год. В первые годы работы промысла при Надее Светешникове, когда, по-видимому, одновременно работали 8 варниц, уровень производства мог достигать почти 50 тысяч пудов. В любом случае по объему своего годового производства Надеинское Усолье занимало, пожалуй, одно из последних мест среди других солеваренных центров Европейской части России и ни в коей мере не могло оказать сколько-нибудь заметного влияния на экономику страны.

За год на 1 варнице (в последней четверти XVII в.) производилось примерно 42 вари. В течение каждой из них получали 140–145 пудов соли. Прямых указаний на длительность 1 вари нет. Если учесть, что варницы не работали во время весенних разливов и ежегодного ремонта оборудования, то ее продолжительность составляла не более 1 недели, а возможно, и того меньше, примерно 4–6 дней²⁵.

Данные об использовании рабочей силы на соляном промысле при Светешниковых и Савво-Сторожевском монастыре приведены в работах С.В. Бахрушина и Э.Л. Дубмана²⁶, поэтому, не останавливаясь на рассмотрении этого аспекта, заметим лишь, что по профессиональному составу рабочей силы Надеинское Усолё ничем особым не выделялось среди других центров солеварения. Перед нами возникает предприятие с достаточно разветвленной устойчивой структурой рабочих мест, разработанной системой оплаты труда, выделением целого ряда профессий. Численно малоквалифицированная рабочая сила преобладала, но основную роль на промысле играли профессионально хорошо подготовленные рабочие. Тип предприятия с подобной организацией труда был возможен только при условии достаточно крупных размеров производства.

Необходимо отметить, что на других промыслах страны на одной варнице работало меньшее количество людей²⁷.

Общие доходы от солеварения значительно превышали расходы. В середине 80 гг. XVII в. в Надеинском Усолё в среднем для постоянной работы одной варницы в течение 1 года затрачивалось 185–190 руб., а соли вываривалось на ней на 396 рублей. Соответственно, на весь промысел 739–755 руб. и 1584 руб. Если не учитывать «скрытые» расходы, доход на вложенный в промысел рубль составлял 2,09–2,14 руб.

На протяжении всего изучаемого периода промысел имел товарный характер, работал на рынок. Лишь небольшая часть добываемой соли использовалась внутри монастырского хозяйства: для соления рыбы, расчетов с заготовителями дров и т. д. Основные свободные денежные средства в бюджете — чистый доход, в среднем за год около 650 руб., казна Савво-Сторожевского монастыря получала именно от солеварения²⁸.

Таковым представляется нам соляное производство на северо-западной оконечности Самарской Луки. Это предприятие можно отнести к типу крупной кооперации, но в его организации, технологическом процессе, связи с рынком можно уже увидеть отдельные черты мануфактурного производства. «Вкрапленность» в крепостническую систему хозяйствования, господствовавшую в монастырских

вотчинах во второй половине XVII в., сказавшись на специфике складывания производственных отношений на этом довольно передовом для того времени предприятии. К середине 80 гг. XVII столетия полностью завершился процесс вытеснения на солеваренном промысле вольнонаемного труда оплачиваемым принудительным трудом феодально-зависимого населения.

Примечания

¹ Бахрушин С. В. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII в. С. 224–255.

² Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. По материалам церковно-монастырских владений. Куйбышев, 1991; Его же. Надеинское Усолёе // Самарский земский сборник. Самара, 1995. С. 36–49; Его же. Описание Усольского городка и соляных варниц 1676 г. // Самарский земский сборник. Самара, 1996. С. 91–96; и др. работы.

³ Рабинович Г.С. Город соли – Старая Русса в конце XVI – середине XVIII в. Л., 1973. С. 48, 60–61.

⁴ Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. М., 1957. С. 314.

⁵ Бакс К. Богатства земных недр. М., 1986. С. 55, 73–75.

⁶ Розен Б.Я. Северная соль. Архангельск, 1957. С. 93.

⁷ Ефимов П.Н. К изучению ископаемых богатств Средне-Волжской области. Усольские соляные ключи // Бюллетень общества археологии, истории, этнографии и естествознания. Самара, 1925. Вып. 5. С. 1–9.

⁸ Там же. С. 1–9.

⁹ Трубникова Н.В. Некоторые итоги археологических исследований по р. Усе // МИА. М., 1958. № 61. С. 181–202.

¹⁰ ОР РНБ. Собрание М.П. Погодина. 1910. Копийная книга Савво-Сторожевского монастыря. Л. 143 об. – 147.

¹¹ РГАДА. Ф. 281. Д. 11562. Л. 4.

¹² Там же. Ф. 214. Оп. 3. Д. 253. Л. 40.

¹³ Там же. Л. 46.

¹⁴ Паллас П.С. Путешествия по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч. 1. С. 268–269; Записки путешествий Ивана Лепехина // Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1821. Т. 3. С. 330; Ефимов П.Н. Указ. ст. С. 1–9.

¹⁵ ОР РНБ. Собрание М.П. Погодина. 1910. Л. 148 об.

¹⁶ Устюгов Н.В. Указ. соч. С. 37.

¹⁷ РГАДА. Ф. 281. Д. 11540. Л. 1; Д. 11562. Л. 1–8.

¹⁸ ОР РНБ. Собрание М.П. Погодина. 1910. Л. 145об.

¹⁹ Устюгов Н.В. Указ. соч. С. 38; Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М., 1962. С. 168.

- ²⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 253. Л. 41 об.
- ²¹ Там же. Л. 39–41.
- ²² Там же. Л. 11.
- ²³ ОР РНБ. Собрание М.П. Погодина. 1910. Л. 147 об. – 147.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 35. 1684. Л. 1–144; Ф. 159. Оп. 1. Д. 59. 1692–1694. Л. 1–19.
- ²⁵ Там же. Ф. 125. Оп. 1. Д. 35. 1684 Л. 74, 107.
- ²⁶ Бахрушин С.В. Указ. соч.; Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке.
- ²⁷ Устюгов Н.В. Указ. соч. С. 230; Рабинович Г.С. Указ. соч. С. 59; Заозерская Е.И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI–XVII веков. С. 155.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 35. 1684. Л. 1 – 144 об.

«ПО ДОСМОТРУ И ПО ОПИСИ И ПО ЧЕРТЕЖУ... СТРОИТЬ НОВУЮ ЧЕРТУ»

Тема военно-государственного освоения Сызранского правобережья одна из самых неизученных и слабо обеспеченных источниками в истории Южного Средневожья. Неизвестно, как рождался замысел строительства в этом регионе системы городов-крепостей и других военизированных поселений. Непонятно, почему правительство сначала основало здесь Сызрань и ряд слобод, населенных служилыми людьми, затем «неожиданно» решилось на создание засечной линии и вскоре внезапно отказалось от ее возведения. Не очевидна мотивация действий местных властей после отказа в Москве от этой идеи. Зачем понадобилось дублировать Сызрань рядом основанным Кашпиром? Количество этих и других возникающих вопросов явно превосходит возможные ответы на них.

Необходимость закрытия «чертой» междуречья Волги и Суры на широте современной Сызрани была совершенно очевидной в последние десятилетия XVII в., когда в расположенном севернее районе Симбирского правобережья уже сложился ареал оседлого земледельческого расселения. Именно здесь проходили сакмы, по которым отряды кочевников прорывались в районы сначала нижегородского и алатырского, а затем и симбирского Предволжья. В Москве в конце 1670-х – начале 1680-х гг. хорошо понимали необходимость создания крупных протяженных оборонительных систем, для того чтобы закрыть границы со степью. В годы Чигиринской войны первостепенным, разумеется, являлось укрепление южного пограничья, где была построена Изюмская линия¹. Вместе с тем практически одновременно, во второй половине 1670-х гг., возводилась еще одна линия, защищавшая юго-восточные границы «Дикого поля» – Пензенская². Вполне очевидно, что правительство стремилось укрепить наиболее слабые места по всему периметру лесостепного европейского фронта. В этом отношении интерес представляют сведения из опубликованной А.А. Голомбиовским «Выписки в Разряд о построении новых городов и черты» 1680/81 г. В перечне сакм, по которым «...в те времена Ордынские цари и Нагайские Мурзы с татары приходили в Российские места войною», на первом месте указаны «...из-за Волги, на Царицынской и на Самарской перевозы...», «перешод реку Волгу, а Дону реки не дошод, промеж реки Хапра и Суры».

После образования Крымского ханства, по словам составителей выписки, появились для походов на Русь «новые сакмы», но использовались и «старые», а именно «...промеж же рек Волга и Дону прежними Сакмами, которые писаны выше сего приходили на Рязанския места и в Низовые города Озовцы и Нагайские кочевые татарова», «...вверх по Волге реке нагорною стороною к Казани, а от Казани на Нижегородския и Муромския и Касимовския и иныя тамошня места»³. Из содержания этого документа становится ясно, что в последней четверти XVII в. в Москве смотрели на пространство между Волгой и Сурой (после строительства Пензенской линии) как на участок русского пограничья, который необходимо серьезно укрепить от набегов крымцев и малых ногаев, а также калмыков из-за Волги.

На рубеже 1670–1680-х гг. положение на волго-сурском фронтире становится чрезвычайно нестабильным. Резко усиливается опасность нападений кочевников⁴. В ответ на этот вызов правительство в первую очередь попыталось выяснить, насколько ранее построенные укрепленные линии смогут выдержать натиск степняков. В 1680 г. пензенский воевода П.П. Языков должен был досмотреть и починить всю Пензенскую черту. О состоянии же Симбирской линии после ее осмотра было указано отписать в приказ Казанского Дворца симбирскому воеводе стольнику Я.Ф. Долгорукову⁵.

В российской историографии второй половины XIX–XX вв. сложилось устойчивое мнение о том, что Пензенская черта, доведенная до р. Суры в середине 1680-х гг., была продолжена Сызранской и доведена до Волги в районе Сызрани или Надеинского Усолья. Такая точка зрения, не имеющая под собой фактически никакой серьезной источниковой базы, получила широкое распространение как у региональных, так и у столичных исследователей. Подробно история формирования этого историографического казуса изложена в работах В.И. Лебедева. Вместе с тем ему же удалось обнаружить в делопроизводстве Разрядного приказа документы, подтверждающие, что у российского правительства было намерение начать строительство этой линии⁶.

Приводя тезисно систему доказательств Лебедева, мы ограничимся только некоторыми уточнениями его концепции, не внося в нее каких-либо существенных новаций. Отметим лишь, что одним из первых о существовании Сызранской черты, основываясь на материалах, отложившихся в более поздних документах конца XVIII – XIX вв., писал К.И. Невоструев⁷. А наиболее «убедительное» обоснование наличия данной линии было приведено в монографии та-

кого известного исследователя начальной колонизации Среднего Поволжья, как Г.И. Перетяткович. При этом историк основывался прежде всего на отдельных встречающихся в документах конца XVII в. упоминаниях о Сызранской черте, но не привел ни одного достоверного факта о ее строительстве и фортификационных особенностях⁸. Эта гипотеза Перетятковича оказалась настолько убедительной, что затем прочно вошла в российскую историческую традицию⁹.

По мнению этого исследователя, правительство, построив систему укрепленных пунктов на пензенском направлении до р. Суры, позднее предполагало довести эту черту до Волги. Накануне строительства ее завершающего участка в середине 1680-х гг. были основаны сначала Налуевская слобода (1681 г.), затем Сызранская крепость (1683 г.), наконец Печерская и другие слободы (1584 г.), населенные служилыми людьми. С основой на этих пунктах и было решено вести новую линию. При этом В.И. Лебедев считал, что с основанием Налуевской слободы связано строительство через весь Большой Сурский лес засеки, хотя никаких документальных подтверждений этому факту не привел¹⁰.

О том, что уже через 2 года после строительства Сызрани, летом 1685 г., был проведен осмотр местности и составлен план будущей укрепленной черты, свидетельствует запись из послужного списка симбирянина С.И. Куроедова: «за службу, что он в прошлом во 193 году был на нашей, великих государей, службе в полку стольника нашего и воеводы Матвея Головина. Как он, стольник и воевода, описывал и досматривал, где быть новой черте и городкам, а он, Сергей, у нашей, великих государей, казны, у пушечного наряду и у всяких пушечных припасов»¹¹. Экспедиция симбирского воеводы М.А. Головина, родного брата знаменитого сподвижника Петра Первого Ф.А. Головина, судя по всему, была весьма масштабной, раз при ней состоял особый начальник артиллерии.

Итогом летней экспедиции явился указ от 23 декабря 1685 г. царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича и их сестры царевны Софьи Алексеевны (с боярским приговором): «По досмотру и по описи и по чертежу стольника и воеводы Матвея Головина за старою Синбирскою и Корсунскою чертою и за новопостроеными селы и деревни для обереганья от приходу воинских людей строить новую черту ему стольнику и воеводе от Казачьих гор до Туруева городища и до реки Суры на семидесят верстах на трехстах на сороке на дву сажнях. И по той новой черте сделать четыре городка, чтоб старая Синбирская и Корсунская черта и тех городов пригороды и арбугинская пашня и села и деревни, которые за старою Синбир-

скою и Корсунскою чертою были в черте. И служилым и всяких чинов и уездным людям жить было безстрашно и на Волге всяким людям от приходов воинских людей разоренья не было»¹². Судя по этому указу, новая линия должна была защитить «новопостроенные села и деревни», а также судовой ход и рыболовецкие предприятия по Волге. Характерно, что начальным пунктом черты на волжском побережье была указана не уже построенная в отдалении от реки, за протоками, Сызрань, а крепость на «Казачьих горах». Именно поставив город в «горах» (будущий Кашпир), можно было создать эффективную защиту «всяким людям» в волжской акватории. В появившемся позднее царском указе, датированном 7 мая 1686 г., говорится о том, что М.А. Головин должен строить «...на Казачьих горах город и от Казачьих гор до Туруева городища и до реки Суры... новую черту»¹³. Можно согласиться с мнением В.И. Лебедева, что конечный западный пункт черты «Туруево городище». Это городище более древней эпохи, находившееся на р. Труев, левом притоке Суры¹⁴. Действительно, строить укрепления предполагаемой черты, далее к западу от «Туруева городища», соединяя ее с Пензенской линией, не имело никакого смысла. Все пространство в огромной дуге, образуемой р. Сурой к юго-востоку от Пензенской крепости, было покрыто труднопроходимым Сурским лесом. В одном из описаний этого района конца XVII в. была дана его следующая характеристика: «А за рекою Сурою большой Сурский лес, а в нем черты и деревянных и земляных крепостей... не бывало, и ныне нет...»¹⁵ Для контроля за всем этим лесным массивом достаточно было организовать систему разъездов, сторожей, что и осуществляли казацки станции из слободы Налуевской, основанной в 1681 г. на одной из полян Сурского леса. От Туруева городища до Волги лучшим вариантом для прохождения новой линии является следование по широте, вдоль долины р. Сызранки и ее притока Канадея. Необходимо было прежде всего перекрыть самый опасный участок водораздела между двумя речными системами, там, где сейчас находится г. Кузнецк и где легче всего было прорываться отрядам степняков, а затем вести систему укреплений по долинам притока Сызранки Канадея и самой Сызранки к Волге. Едва ли не треть всей протяженности линии проходила через лесные массивы, наиболее значительным из которых был начинавшийся от левого притока Томышевки и шедший по левому берегу Сызранки вплоть до самой одноименной крепости, Едаманский (Едамаевский?) лес. В районе этого леса и верховьев р. Томышевки по документам конца XVII в. шла Большая Карaulьная дорога, само название которой свидетельствует о наличии

здесь «караулов»¹⁶. Достаточно адекватно природно-географическую ситуацию в районе предполагаемого строительства черты (и наиболее приблизительно к тому времени, когда она строилась) отражает «ланткарта», составленная в 1765 г. подполковником А.И. Свечиным и «геодезии капитаном» Кушниковым¹⁷.

Самая пространная информация о подготовке к строительству новой линии, составе рабочей силы, необходимом инструментарии, сроках начала работ и т. д. содержится в царском указе от 23 февраля 1686 г.¹⁸ Отметим несколько характерных особенностей этого указа. Он был написан от имени только двух государей Ивана и Петра Алексеевичей (без указания царевны Софьи и без боярского приговора) и адресован думному дьяку, судье Разрядного приказа В.Г. Семенову. Последнего обязали принять все необходимые меры для обеспечения начала строительства новой черты с 1 мая 1686 г. Фактически за 2 месяца после появления указа (март и апрель) судья Разряда должен был урегулировать с руководством приказа Казанского Дворца и местными уездными властями все мероприятия по мобилизации рабочей силы и воинский частей и добиться, чтобы они к началу мая по еще не просохшим дорогам добрались до Сызрани — места, где был назначен сборный пункт. «Городовое и валовое и засечное дело» (таков был набор основных работ на предполагаемой черте) следовало «начать делать в нынешнем во 1686-м году не испустя летнего времени». Несомненно, что наиболее сложным делом являлась быстрая мобилизация рабочей силы для строительства черты

Посошные люди собирались из уездов, находившихся в ведении различных приказов — Казанского, Разрядного и других. Перечень в указе владельческой принадлежности дворов, с которых собирались посошные люди, показывает отсутствие в нем указаний на дворцовое население. Вместе с тем в строительстве должны были принимать участие не только русские, но и коренные жители юго-восточных уездов Европейской России. Согласно указу: «...к тому городовому и острожному и засечному и валовому делу взять тех же городов работных посошных людей, деловцов, которыми города преже сего строена старая Симбирская и Корсунская черта Казанского уезду (То есть в конце 1640-х гг. Симбирско-Корсунская линия начала строиться именно на территории Казанского уезда, выделившейся с построением Симбирска в отдельный Симбирский (одно время по этой линии существовало даже 2 уезда — Симбирский и Корсунский. — Э.Д.) с митрополичьих, и с монастырских, и с помещиковых, и с вотчинниковых, и с мурзенских ж, и с татарских

дворов, да из Свияжска, и с Чебоксар, и с Цивильска, и с Кузьмодемьянска, и с Василь города, и с Кокшаска, с Курмыша, из Ядрина, с Олаторя, с Уржума, и с Царево Кокшаска, и с Царева Санчюрска, из Яранска, и с Темникова, и с Кадома, из Шацкого, с Ынсар, из Саранска, и с Касимова, из Нижнего Новогороде, и с Арзамаса патриарших, митрополичьих ж и с монастырских, и с посацких, и уездных, с помещиковых, и с вотчинниковых, с крестьянских и з бобыльских, с русских и с ясашных з десяти дворов человека да с пятнадцати дворов лошадей. А работных людей велено нарезать, чтоб у всякого человека было по топору, по заступу, по лопате, да у дву человек по кирке. А лошади с телеги и с ужищи»¹⁹. Отметим, что сбор посошных людей для строительства Сызранской линии (1 человек с 10 дворов) был значительно более легкой повинностью по сравнению с мобилизацией рабочей силы при возведении Симбирско-Корсунской линии (1 чел. с 5 дворов)²⁰.

Создается впечатление, что в указе были выделены две группы территорий, с которых собирались работные люди: «...которыми города преж сего строена старая Синбирская и Корсунская черта...» – и указанные затем Свияжск, Чебоксары и другие «города». Вторая группа является более представительной по категориям населения, обязанным участвовать в строительстве линии. В нее дополнительно включены патриаршие крестьяне и посадские люди. Определить «города» первой группы крайне сложно из-за слабой сохранности документов конца 1640-х – начала 1650-х гг. Судя по отдельным фрагментам Корсунских строельных книг Б.М. Хитрово и А. Волынско-го, «деловцами» черты выступали подымовные люди с «Курмышских и с иных городов с уездов» по одному человеку с 5 дворов со всех сел и деревень, примыкавших непосредственно к строящемуся участку черты, которые «за Сурою рекою на карсунской стороне», и с тех сел и деревень, которые расположены в пределах 50 верст «по Корсунской засеке».

Видимо, в них входили Казань (земли севернее Камы) и другие города с уездами. Но вопрос об их количестве и перечне остается открытым, т. к., например, указанный в строельных книгах Курмыш в указе отмечен среди городов второй группы.

Набор инструментов для строительства новой черты, которые должны были взять с собой «деловцы» (топоры, лопаты, заступы и кирки), был весьма ограниченным и примитивным. Возможно, что-то должны были изготовить на месте в Сызрани или во временных рабочих лагерях, устроенных вдоль строительства новой черты. Однако сведений об этом мы не имеем. В связи с тем что указ был

адресован руководству Разрядного приказа, в ведении которого находилось население Нижегородского, Арзамасского и Шацкого уездов, именно по этим уездам, в соответствии с переписными книгами 1678 г., приводится точное количество работных людей — 5380, взятых из 53 801 дворов, которые должны были отправиться в Сызрань. Наиболее многочисленную группу выделил Нижегородский уезд — 2518 чел. Необходимо сказать, что составителями указа в данном случае допущена ошибка. По Нижнему Новгороду записано 2540 «деловцов», вместо 2518, которых должны были взять с 25 186 дворов. За Нижегородским шел Арзамасский уезд — 1464 и, наконец, Шацкий — 1397 чел. В данном случае мы имеем дело с черновым вариантом указа в Разрядный приказ, и в нем очень интересна приписка, сделанная в процессе правки документа, другими чернилами. Она свидетельствует, что в 1685 г. работные люди из этих уездов были «у валового дела в Козлове... и велено их изготовить (для строительства Сызранской черты. — Э.Д.) с апреля месяца нынешняго 1686 года». Отметим, что в указе числился и Касимовский уезд, но, как разъяснили в Разряде, «...Касимов ведом в приказе Большаго дворца и что по переписным книгам 1677/78-го году в уезде дворов, того... в Разряд не прислано». Исходя из сводных результатов переписных книг 1678—79 гг.²¹ по владениям светских (помимо дворцовых) и церковных феодалов, можно определить количество работных людей из уездов, находившихся под управлением приказа Казанского Дворца (2192), а также Касимовского уезда (294 чел). Сложно судить о числе мобилизованных из уездов первой группы, население которых строило еще Симбирско-Корсунскую черту. По самым предварительным подсчетам, вряд ли их количество могло превысить 1000 чел.²² Таким образом, общая численность крестьян, бобылей и посадских людей, мобилизованных на строительство Сызранской линии весной 1686 г., составляла с учетом различных погрешностей не более 8500—9000 чел. По проекту протяженность линии равнялась 72 верстам 342 сажням, то есть около 152 км. В данном случае имеется в виду межевая верста, составлявшая в конце XVII в. 2,16 км. Видимо, правительство посчитало необходимым возвести новую оборонительную систему в более короткие сроки, чем находившуюся севернее Симбирско-Корсунскую. Последняя строилась около шести лет, и «работных людей у валов его острожного дела было 1654 года во всякое лето по 3326 и по 4898 человек»²³.

Для охраны района строительных работ, «обереганья тех посошных людей» следовало использовать полк М.А. Головина с «ратными людьми московского чину». В придачу к ним указали быть прико-

мандированными «...дворяном, и детям боярским, и иноземцом, и новокрещеном, и мурзам, и татаром полковые службы, и копейщиком, и реитаром, и салдатом, и стрельцом, и казаком всем по списком» из Свяжска, Арзамаса, Нижнего Новгорода, Касимова и Шацка. Характерно, что специально было оговорено «...опричь казанцов дворян и детей боярских и всяких чинов служилых людей»²⁴. Точные данные о количестве служилых людей, прикрепленных к полку Головина, в указе содержатся только по тем же трем городам, которые были ведомы в Разрядном приказе, да и то лишь по категориям дворян и детей боярских. Из Арзамаса направлялось 41, Нижнего Новгорода – 128, Шацка – 65 человек, всего – 234 чел.²⁵

Не совсем ясно, являлся ли Разрядный приказ главным координирующим учреждением при мобилизации рабочей силы и служилых людей для строительства новой линии. Хотя, казалось бы, тексты сохранившихся указов свидетельствуют именно об этом. В него поступали памяти из Казанского и других приказов; через него же от имени государей посылались указы в Нижний Новгород и другие города²⁶.

Сохранился черновик еще одного царского указа от 22 марта 1686 г. к судье приказа Казанского Дворца кравчему князю Б.А. Голицыну, но в нем не содержится сколько-нибудь новых данных по сравнению с другими приведенными нами документами. Отметим лишь, что количество дворов, с которых следовало брать лошадей с телегами, в тексте этого документа было уменьшено до 13²⁷.

Однако все указанные выше подготовительные мероприятия не были завершены. Неизвестно, начали ли собираться посошные и служилые люди в «Сызранске», так как уже 13 апреля в приказ Казанского Дворца был направлен царский указ, в котором говорилось об отмене строительства новой линии: «...И апреля в 13 день нынешняго ж 194-го году за тою Синбирскою и Корсунскою чертою тех городов и валового и засечного дела делать великие государи не указали. И арзамасцом и нижегородцом и иных верховых городов всяких чинов служилым и жилецким людям для того городского и валового дела в полку стольника и воеводы Матвея Головина быть не велено». Этот законодательный акт не сохранился, а сведения о нем содержатся еще в одном указе от 7 мая 1686 г., адресованном в Разряд, думному дьяку В.Г. Семенову, в котором «...великие государи цари и великие князья Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всеа великия и малыя и белыя России самодержцы указали о том для ведома ис приказу Казанского дворца отписать в Разряд»²⁸. Какими причинами был обусловлен отказ от строительства,

неизвестно. Возможно, изменением во внешнеполитической линии России, когда заключение Вечного мира с Польшей потребовало концентрации всех сил на южном направлении.

Однако, несмотря на это решение, полк М.А. Головина летом 1686 г. все же был выдвинут в район планируемого строительства, о чем свидетельствует челобитная старцев Чудова монастыря, в которой они просили государя «и в полку на Казачьих горах стольнику и воеводе Матвею Алексеевичу Головину» отвести место под рыбный двор²⁹.

Таким образом, городовое, валовое и засечное дело «по той новой черте» было приостановлено. Мы сознательно говорим, «приостановлено», ибо позднее отдельные сооружения новой черты все-таки были построены, а именно: у Волги город Кашпир и земляной вал около него; у Тураева городища – казачья Торуевская слобода.

В исторической литературе дата строительства Кашпира – 1687 г. – до настоящего времени не находит твердого документального подтверждения. Свидетельством в пользу именно этого года является фрагмент из жалованной грамоты указанному ранее С.И. Куроедову о дополнительном земельном и денежном окладе за его службы, в том числе: «Да за службу, что он в прошлом, во 195 году был на нашей, великих государей, службе, на Казачьих горах у Кашпирского городского строенья в полку у него ж, столника и воеводы Матвея Головина, у синбирян, дворян и у детей боярских сотенным головою – помесного сто дватцать четей, денег двенатцать рублей»³⁰.

Вполне очевидно, что Кашпир являлся одним из 4 городков, которые и должны были составлять костяк Сызранской черты. Именно его гарнизон должен был способствовать тому, чтобы «...на Волге всяким людем от приходов воинских людей разоренья не было»³¹. Соответственно, и строился Кашпир «...по досмотру и по описи и по чертежу стольника и воеводы Матвея Головина», составленных в 1685 г. при проектировании Сызранской линии.

Сохранился уникальный чертеж укреплений этого городка, относящийся к концу XVII в.³² Деревянная дубовая крепость с 8 башнями имела почти правильную квадратную форму «в длину 46 сажен с аршином, поперег – 50 сажен, вокруг города – 245 сажен»³³. Четыре угловые башни были восьмигранными; остальные 4, располагавшиеся на пряслах стен, – квадратными. Все они увенчивались шатрами. Три из них – северная Спасская, южная Саратовская и восточная – имели ворота. Стены крепости, «в вышину 2 сажени пол 2 аршина»³⁴, с 3 сторон были устроены на валу, окружены рвами и надолбами («Около города с 3 сторон вырыт ров»). По более позднему опи-

санию второй половины XVIII в. высота стен составляла не менее 3,5 м³⁵. С восточной стороны в дополнительных укреплениях надобности не было, т. к. склон холма круто обрывался к Волге. Въезд и выезд из городка осуществлялся через Спасскую и Саратовскую башни по специальным деревянным мостам, переброшенным через ров. Еще один выход был через башню в «пряслях» восточной стены. Наиболее уязвимой стороной крепости являлась южная — широкое основание возвышенного мыса. Строители дополнительно укрепили это направление. От южной стены городка, от угловых башен на восток, вниз по крутому берегу к Волге и на запад к долине р. Кашпирки, шли деревянные палисады (а перед ними рвы), заканчивающиеся 2 сторожевыми башнями: «От города ж к речке Кашпирке вал и острог, по конец вала башня. По мере того вала и острогу 405 сажен 2 аршина. А от той башни надолобы до реки Волги, да от другой наугольной башни по горе до реки Волги надолобы ж». При въезде в городок у ворот Спасской башни была устроена таможня. Внутри городка размещался воеводский двор со строениями, приказная изба, две караульни и склад боеприпасов, так называемая «зеленая изба». Сторожевая башня у р. Кашпирки по плану проектировщиков должна была соединяться с укреплениями Сызранской линии, однако эта часть проекта так и не была осуществлена. К сожалению, составленная в 1688/89 г. С.К. Дмитриевым строельная книга Кашпира, которая могла бы уточнить ряд деталей, не сохранилась³⁶.

Гарнизон крепости был сформирован из переведенных служилых людей с Симбирской черты, городов Среднего Поволжья. Его первыми поселенцами стали 188 солдат, которым в 1689 г. «вместо денежного и хлебного жалованья было отведено под пашню земли и сенных покосов и всяких угодий против сызранских солдат»³⁷.

Сложно сказать, насколько остальные 3 городка Сызранской черты по своим конструктивным особенностям повторяли оборонительные сооружения Кашпира. Возможно, они были однотипными.

Защиту междуречья Волги и Суры вместо гарнизонов, расселенных по так и не построенной черте, должны были замещать военизированное население Сызрани и Кашпира; жители казачьих, солдатских, служилых татарских, чувашский и мордовский селений; а также казаки и солдаты, расселенные в более глубинных районах Симбирского уезда. Например, в царской грамоте о наделении сенигилеевских станичных казаков землей, говорится, что в «...той Сенигилеевской слободе и службы де они всякия Великаго Государя городовыя и объездныя служат и на нашу Великаго Государя службу ходят по очередь и ряду, по дважды в году, и в новопостроенном

городе Сызрани и на Кашпире со своею братиею станичными казаками с Тетюш и Карлинска и стоят ради сбереженья от неприятельских людей попеременно и в проезжия, подзорныя станицы по Симбирской и по Корсунской черте ездят безпрестанно...»³⁸.

Примечания

¹ Загоровский В.П. Изюмская черта. Воронеж, 1980.

² Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Пенза, 2006. С. 44–49.

³ Известия Тамбовской ученой архивной комиссии, XXXIII, Тамбов, 1892. С. 49–56.

⁴ Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. Научное наследие. М., 1994. С. 113.

⁵ Там же. С. 113–114.

⁶ См.: Лебедев В.И. Из истории правительственной колонизации Среднего Поволжья в конце XVII в. // Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма. Куйбышев, 1985. С. 54–60; Его же. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Саратов, 1986. С. 113–120; Его же. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Пенза, 2006. С. 73–77. Его же. К вопросу о так называемых Сенгилеевской и Сызранской чертах XVII века // Из истории области. Очерки краеведов. Пенза, 1990. Вып. II. С. 113–129.

⁷ Невоструев К. Сведения о построении города Сызрани // ЖМВД. Ч. XXVIII. Декабрь, Кн. 12. 1849. С. 473–475.

⁸ Перетяткович Г.И. Поволжье в XVI и начале XVIII веков. Очерки из истории колонизации края. Одесса, 1882. С. 237, 239, 241, 247 и др.

⁹ См., например: Очерки русской культуры XVII века. Часть первая. М., 1979. С. 493; Богданов А.П. Несостоявшийся император Федор Алексеевич. М., 2009. С. 199, 204; др. работы.

¹⁰ Лебедев В.И. Указ. соч. С. 45–48.

¹¹ Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Ф. 732. Оп. 3. Д. 314.

¹² Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 674. Л. 488. К сожалению, сам указ не сохранился, и его основные положения известны по более поздним царским указам первой половины 1686 г.

¹³ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 674. Л. 418.

¹⁴ Лебедев В.И. Указ. соч. С. 50.

¹⁵ Цит. по: Лебедев В.И. Указ. соч. С. 47.

¹⁶ РГАДА. Ф. 281. Оп. 8. Д. 11572. Л. 253 об.

¹⁷ Из достаточно значительного массива карт и планов отдельных местностей и всего Среднего Поволжья именно карта А.И. Свечина наиболее

лее адекватно позволяет представить местность, по которой в конце XVII в. должна была пройти Сызранская черта. См., например: Гуркин В.А. На берегах русского Нила. История изучения территории Симбирского Поволжья. М., 2005. С. 89–93.

¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 674. Л. 488–492.

¹⁹ Там же. Л. 489.

²⁰ Зерцалов А.Н. Материалы по истории Симбирского края XVII–XVIII вв. Симбирск, 1900. С. 17.

²¹ Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977. С. 226, 228–229.

²² Там же. С. 214–215.

²³ Зерцалов А.Н. Указ. соч. С. 16, 18, 20, 32–33.

²⁴ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 674. Л. 490.

²⁵ Там же. Л. 491.

²⁶ Там же. Л. 493–497.

²⁷ Там же. Л. 500–502.

²⁸ Там же. Л. 418–419.

²⁹ Там же. Ф. 281. Оп. 8. Д. 11560. Л. 1.

³⁰ ГАУО. Ф. 732. Оп. 3. Д. 314.

³¹ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 674. Л. 488.

³² Налетов А.Г. План города Кашпира конца XVII в. // Архитектурное наследство. 1972. № 19. С. 93–95.

³³ Все цитаты по Кашпиру взяты из описания состояния крепости, сделанному в 1703 г. См.: Лебедев В.И. Города, пригороды и остроги оборонительных черт Пензенского края на рубеже XVII–XVIII вв. (по материалам ЦГАДА) // Из истории области. Очерки краеведов. Вып. III. Пенза, 1992. С. 99–100.

³⁴ Высота стен по более позднему описанию второй половины XVIII в. составляла не менее 3,5 м. См.: Зерцалов А.Н. Краткий историко-географический очерк Симбирска, Сызрани и Кашпира во II половине XVIII века. Симбирск, 1896.

³⁵ Там же.

³⁶ РГАДА. Ф. 281. Оп. 7. Д. 10857. Л. 2.

³⁷ Там же. Ф. 1209. Оп. 7. Д. 159. Л. 395; Перетяткович Г.И. Указ. соч. С. 237–238.

³⁸ Из: Красовский В.Э. Столетие города Сенгиля (Краткий исторический очерк). Симбирск, 1902. С. 2–3.

ВМЕСТО СЫЗРАНСКОЙ ЧЕРТЫ...

Рассматривая причины появления царского указа об отмене строительства Сызранской черты, можно предположить, что московское правительство посчитало возможным защитить волго-сурский водораздел протяженностью около 152 км иным, более экономичным способом. Строительство Сызрани в 1683 г. и основание в междуречье совокупности сельских военизированных поселений дало сторонникам этого мнения вполне убедительные аргументы для доказательства своей правоты.

Действительно, сводные источники конца XVII – начала XVIII вв. свидетельствуют о том, что на всем протяжении бассейна р. Сызранки и ее притоков с восточной волжской стороны и р. Луевки – с западной сурской – располагалась достаточно крупная группа военизированных поселений выборных солдат, казаков, мурз, служилых чуваш и т. д.¹ Однако определить, как происходил процесс переезда служилых людей в Сызранское Поволжье и формирования на его территории совокупности военизированных поселений, крайне сложно из-за скудности источниковой базы. Делопроизводство приказа Казанского Дворца и местных съезжих изб практически не сохранилось. В связи с этим необходимо обращаться ко всей совокупности документальных источников, имеющих отношение к рассматриваемому региону, и акторам, действующим на его территории в конце XVII – начале XVIII в. Определенные результаты для реконструкции конкретной картины формирования поселений служилых людей дает кропотливая работа с материалами межевых и спорных дел, связанных с распределением земель, их наследованием и т. д. Причем изучать следует не только совокупность источников, сложившихся в период самого расселения 1680-х гг., но и в более поздний период вплоть до начала XIX в.

Уже в 1681 г. в Сурский лес на р. Луевку «на проходное место для обережения от приходу воинских людей» было направлено для поселения 50 служилых людей из Саранска, основавших Налуевскую слободу. Главной их обязанностью являлась «засечная сторожевая служба»². Позднее в 1,5 верстах от Налуевской слободы появилась еще одна, заселенная стрельцами и казаками из пригородов и слобод Симбирской черты. Вскоре оба поселения слились в одну Налуевскую слободу³. Ее основание фактически стало реальным продолжением Пензенской черты.

Еще через два года была основана Сызрань. Однако в соответствии с существовавшей тогда практикой решение о ее возведении наверху принималось значительно раньше, в 1681 — начале 1682 г., в конце царствования Федора Алексеевича⁴. В последнюю декаду июня 1683 г. к устью р. Сызранки был послан полк под командованием симбирского воеводы Г.А. Козловского, а уже 13 сентября князь доложил, что «Сызран» построен⁵.

О том, что Сызрань являлась по тем временам достаточно крупной крепостью, свидетельствует «Выписка из синбирских отводных книг отвода синбирянина Антипы Заборовского и подьячего Осипа Тихомирова, данная сызранским солдатам на отведенную им землю» в 1690 г.⁶ По ней пахотные земли и угодья получили в 1684 г. 418 переселенцев «против синбирских валовых казаков»⁷. Однако «по окладу» землю выделили 480 солдатам. Ее отмежевали за пределами «порозжей земли», которую «отвели от города Сызрана всяких чинов градским жителям на выпуск по указу Вел. Государей и по уложению от города по две версты»⁸.

Между строительством Сызрани и появлением царского указа об отказе от возведения одноименной черты прошло немногим более двух с половиной лет. За этот достаточно короткий период имеется ряд документальных свидетельств об активных действиях уездной администрации, направленных на создание в регионе совокупности военизированных поселений. Инициаторами переселения могли выступать как местные власти, так и сами ратные люди, представлявшие различные категории военизированного населения симбирского Предволжья.

Значительную группу таких переселенцев составляли солдаты полков нового строя, которых направляли в гарнизоны, как правило, вновь построенных в пограничье городов. Еще одна группа — станичные казаки относились к старинным традиционным категориям приборных людей. И наконец, ряд деревень были основаны представителями служилых слоев коренного населения Среднего Поволжья — мурзами, служилыми чувашами и мордвой. Среди всей это пестрой массы переселенцев крайне лишь изредка встречались представители служилых людей по отчеству.

Несмотря на опасность расселения в пограничье, всех этих служилых людей привлекали сюда земельные «порозжие» богатства, возможность получить кроме определенной по закону нормы земельных угодий еще и «примерные земли», которые нередко превышали поместные наделы.

Создается впечатление, что некоторые поселенцы присмотрели для себя новые плодородные угодья еще до строительства Сызрани.

Об этом свидетельствуют данные о том, что первые селения возникли в этом районе еще до 1683 г. или одновременно с сооружением крепости.

Расселение солдат выборного полка А.А. Шепелева на свободных землях Симбирского уезда началось вскоре после подавления «Разинщины»⁹. А.В. Малов пишет: «...после каждой серьезной кампании... следовало верстание за безупречную службу новых, еще не верстанных солдат. За походы, бои и службы против разинцев, всех неверстанных участников должны были поверстать поместными и денежными окладами. Таким образом, все солдаты, которые добросовестно прошли через горнило Разинщины, должны были переместиться из списка вольных людей в единый список с детьми боярскими»¹⁰. Верстание их на территории Симбирского уезда происходило в основном южнее Симбирско-Корсунской черты «за валом», на свободных землях. Массовый характер испомещение выборных солдат приобрело после основания Сызрани. Населенные ими слободы стали появляться значительно южнее пожалований предшествующего десятилетия, «под Ильинскими горами», по р. Усе, Тишереку и другим.

В 1683–1684 гг. выборные солдаты основали вдоль правобережья Волги ряд селений: Л.И. Неклюдов. П. Поляков «с товарищи» обустроились под Ильинскими горами (д. Подвалье)¹¹. Несколько севернее на р. Елаур получил земли выборный солдат «новокрещен» С. Жоин с «товарищи» (1683/1684 г. – Елаур)¹². В следующем, 1684 г. «против челобитья выборного генерала думного Агеева полку Алексеевича Шепелева солдатом Федору Алферову сыну Галке с товарищи пятидесяти человекам» они получили для поселения на р. Усе (при впадении р. Тишерек) «по дватцети четьи в поле а в дву потому ж»¹³ и устроили там Усинскую слободу. Несколько выше по течению реки была основана Суринская слобода (в начале XVIII в. – с. Суринское, Троицкое тож).

Как правило, солдаты обосновывались неподалеку от волжского побережья. В более удаленных глубинных районах, по широте Сызрани их поселения возникали значительно реже. Так, например, появилась Архангельская слобода (Бекшанка тож), которую основали в то же время солдаты выборного полка А. Ходыков с товарищами, получившие поместную землю на притоке Сызрани р. Б. Бекшанке¹⁴. Перед солдатами этой слободы вместе со служилыми татарами и чувашами рядом лежащих селений (Сайман, Чувашской Бекшанки и других) была поставлена задача закрыть наиболее опасное направле-

ние набегов отрядов степняков по водоразделу между притоками рек Волги и Суры вглубь Симбирского, Алатырского и других уездов.

Станичные казаки основали Печерскую и Жемковскую слободы. Казачьи слободы, как правило, были обеспечены пахотной землей и прочими угодьями на 50 поселенцев. Например, в 1684 г. переведенные станичные сызранские казаки Савва Богомолов «с товарищи», основав Печерскую слободу, получили пахотные земли на 50 человек по 20 четвертей (в одном поле), а всего соответственно 1000 четвертей¹⁵. Появление таких слобод или пожалование земель казакам происходило иногда еще до строительства Сызрани. Так случилось, например, с казаками Жемковской слободы, получившими земельные угодья в 1682 г.¹⁶ В начале XVIII в. жители слободы так охарактеризовали свои службы: «...все высланы на службу и донныне служат, а которые де остались за старостью и те де непрестанно были в работе на Камышенке и в посылках и на караулах на Сызране и в подвотчиках»¹⁷. Следует отметить, что история многочисленных казачьих слобод Предволжья фактически завершилась в последние годы XVII в., когда с 1696–1697 гг. начался перевод значительных контингентов местных служилых людей в Азов. Из Симбирского уезда отправили на «вечное житье» жителей 25 казачьих слобод¹⁸, из Пензенского – казаков с семьями из 14 слобод, из Инсарского – 5 и из Саранского – также 5¹⁹. Помимо Азова, правительство пыталось таким же образом заселить построенный на р. Медведице г. Новопетровский и на р. Вороне – Новопавловский.

Однако гарнизон Сызрани, солдаты выборного полка и станичные казаки не могли полностью перекрыть от нападений кочевников волго-сурское междуречье. Местные власти делали все возможное для расселения в этом районе служилых татар, чуваш и мордвы. Им позволяли основывать свои деревни на новых территориях в обмен на сторожевую станичную службу и нередко специально переводили в сызранское пограничье. Такая военизированная колонизация пространства между Волгой и Сурой по р. Сызранке, Канадею и их притокам, соседним речным системам стала особенно необходимой с начала 1680-х гг., когда завершилось строительство Пензенской линии²⁰. В отличие от сельского расселения русских казаков, солдат и детей боярских, о наделении поместными землями которых сохранились достаточно репрезентативные источники, по служилым людям из коренных народов Среднего Поволжья таких данных выявлено крайне мало. Далеко не всегда известно, когда и каким образом их испомещали. Например, в 1684 г., когда при впадении р. Тишерек в Усу отводили землю солдатам выборного полка

Ф. Галке «с товарищи» (будущее с. Усинское), часть своих «поместных» земель им отдали служилые татары и чувашаи расположенной неподалеку на р. Усе д. Ногайский Брод. Свидетелями этого межевания были служилые татары и чувашаи деревень Теренгул, Алшее, Тукшум, Янтуганов Тукшум²¹, которые располагались севернее по Правобережью по притокам Усы (Теренгульке, Тукшуму), небольшим речкам, впадающим в Волгу²². Например, д. Тукшум основали служилые мурзы, татары и чувашаи²³. В какое время возникли д. Ногайский Брод и другие селения служилых татар и чувашей, бывших при межевании, неизвестно.

Такие свидетельства приобретают особую значимость в тех случаях, когда подобные селения основывали совместно представители различных этносов и социальных групп: служилые чувашаи и татары, примкнувшие к ним ясачные крестьяне. Так произошло, например, в 1685/1686 г., когда в верховьях р. Сызранки были отведены земли по челобитью служилого «чувашина» Ч. Якшитова «с товарищи» (9 чел.) и 5 ясачных крестьян, основавших д. Сайман. Здесь же, неподалеку, «особо» поселились вышедшие из разных уездов служилые татары (27 человек), основавшие селение Ахметлей. Все они получили по 50 четвертей земли²⁴.

В ходе такого расселения могли происходить не совсем объяснимые в связи с отсутствием источников изменения в статусе жителей тех или иных селений. Например, по данным начала XVIII в., жителями д. Байдеряково и Малячкино являлись ясачные чувашаи²⁵. Однако крестьяне позднее, во второй половине столетия, утверждали, что их предки (д. Байдеряково) были выходцами из служилых сенгилеевских казаков, а первые жители д. Малячкино появились в этой местности вскоре после взятия Казани²⁶. В пользу начальной принадлежности жителей д. Малячкина (Казанбаевка) к служилым людям свидетельствуют данные конца XVII в.²⁷.

В приволжских, восточных районах волго-сурского междуречья селения служилых татар, мордвы и чувашей по Усе, Тишереку и другим рекам, скорее всего, появились ранее строительства Сызрани. Такому расселению способствовало наличие в западной части Самарской Луки сложившегося в начале 1630-х гг. частновладельческого Надеинского Усолья (до 1658 г. оброчное владение гостей Светешниковых, с 1660 г. — звенигородского Савво-Сторожевского монастыря). Несколько позднее, в 1660-х гг., между Симбирском и Надеинским Усольем сложилась совокупность слобод с русским служилым населением «за валом» (на Арбугинских горах и т. д.).

Наиболее уязвимым для прорыва кочевников в глубинные районы Предволжья являлось пространство между верховьями Сызранки, Канадея и небольших речек, впадающих в Суру слева, с востока. Это был водораздел между Волгой и Сурой, своеобразный «хребет», который должна была защищать западная часть планируемой Сызранской линии. Создается впечатление, что данная территория была заселена служилыми людьми из коренного населения Среднего Поволжья целенаправленно, во время обследования всего маршрута будущей черты симбирским воеводой М.А. Головиным²⁸. В пользу этого предположения свидетельствует одновременное появление всех этих селений: Сайман, Евлеево, Ахметлей, Бекшанка «Салтанова тож», Торуевские Вершины и, возможно, других в 1685/1686 г.

Именно в это время была дана выпись с отводных книг М.А. Головина на землю служилым чувашам «Чинайке Ешкитову с товарищи» 20 чел. по притоку Сызрани р. Бекшанке, основавшим здесь одноименное селение (Бекшанку, Салтанову тож)²⁹. Скорее всего, тогда же темниковские служилые татары основали д. Торуевские Вершины. Она находилась у истока р. Евлей (вариант названия – Уразлей), впадающей в Суру, и у Торуевской дороги (вершины р. Труев (Торуев, Туруев – левый приток Суры³⁰, на котором и находилось Тураево городище).

Таким образом, в первой половине – середине 1680-х гг., ко времени принятия решения о строительстве Сызрани и Сызранской линии, возникает система поселений служилых татар, чувашей и мордвы (Торуевские Вершины (видимо, в это время), Чувашская Бекшанка, Еделево, Сайман, Ахметлей в верховьях р. Сызрань, в западном районе предполагаемой черты; Ногайский Брод (Уса), Малячкино (Казанбаевки) и, видимо, ряда других – в восточной части). Традиционно эти селения прижимались к кромке леса, возникали на лесных полянах. Разрешение селиться в новых местах и земельные угодья симбирские власти давали, как правило, по челобитьям. Жители этих деревень должны были нести сторожевую службу и вместе с русскими станичными казаками и солдатами защищать все пространство между Сурой и Волгой.

Характерно, что несколько позднее, на рубеже XVII–XVIII вв., куст селений, жителями которых были в основном служилые татары (Терешевские Вершины, Татарская Кулатка и др.), возник южнее Сызрани, в верховьях р. Терешки и ее притоков. А рядом с ними появились деревни ясашных чуваш и представителей других народов Среднего Поволжья³¹.

Особенностью заселения нового района стало крайне незначительное количество на его территории владений служилых людей по отечеству – дворян и детей боярских. В гарнизонах Сызрани и построенного в 1687 г. Кашпира таковых практически не было. Земельные поместья в районе новых пригородов Симбирского уезда приобретали те, кто участвовал в их строительстве, либо посылался на воеводство и другие службы. Сводка таких сведений за два последних десятилетия XVII в. позволяет сделать вывод о том, что такие испомещения хотя и были сравнительно многочисленны, но назвать их массовым явлением в распределении свободных земель нельзя. Причем характерно, что ряд таких пожалований появился одновременно или даже ранее строительства Сызрани. Например, в 1682/1683 г. землю по рекам Тишереку и Усе получил Е. Губин. По соседству с ним пожаловали поместьем дворянина С. Нагаткина, чуть дальше к Волге – В. Аверкиева и Д. Ильина. Средств для освоения поместий у них, судя по всему, не было. Только Губин основал небольшую деревеньку и поныне носящую его имя, а остальные вскоре обменяли свои земли на имения в более обжитых краях.

Новым хозяином владений Аверкиева и Ильина в 1692 году стал московский Вознесенский монастырь³². В челобитной властей Чудова монастыря от 1686 г. говорилось о том, что монастырь просит отвести место под рыбный двор ниже места, где получили землю в поместье И. Кротков и А. Ртищев³³.

Однако, даже получив землю, далеко не все служилые люди по отечеству переводили сюда крестьян и основывали новые поселения. На начало XVIII в. имелось всего несколько небольших поселений, принадлежавших местному симбирскому дворянству – д. Кушниковва (С.П. Кушников), Голодяевка («разные помещики»), Репьевка (А.Г. Репьев), Губино (Е. Губин и другие помещики) и т. д.³⁴

Видимо, одним из главных опорных пунктов так и не построенной Сызранской черты должен был стать Кашпир, основанный в 1687 г.³⁵ Но строить другие укрепленные городки (всего их планировалось поставить на линии четыре) правительство отказалось. Впрочем, как и объединять эти городки в единую систему укреплений рвами, валами и засеками.

Таким образом, даже принятое правительством решение об отмене строительства Сызранской линии не повлияло существенным образом на набиравший силу процесс освоения нового региона. И особую роль в этом освоении сыграла военно-государственная колонизация края, «насытившая» его служилыми людьми и позволившая в определенной степени обезопасить от нападений кочевников³⁶.

Примечания

¹ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX. Л. 130 – 131 об.; Ф. 26. Оп. 1. Д. 20. Л. 90 – 90 об.

² Там же. Ф. 1209. Оп. 7. Д. 159. Л. 33–37; Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Пенза, 2006. С. 47.

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 7. Д. 159. Л. 269 – 269 об. В конце XVII в. служилых людей из этих слобод (198 чел.) перевели в Азов, а их земли (3180 четв. (2), есть и другие данные – 3720 четв.) в 1698 / 99 г. передали московскому Новоспасскому монастырю (Л. 270 об.).

⁴ Алферова Г.В. Русские города XVI – XVII веков. М., 1989. С. 86–149.

⁵ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 647/4. Л. 3–8.

⁶ Материалы исторические и юридические района бывшего Приказа Казанского Дворца. Т. II. Симбирск, 1898. № 41. С. 97–100.

⁷ У Г.И. Перетятковича ошибка. Он указал на 148 человек сызранцев, пожалованных землей. См.: Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (Очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882. С. 236.

⁸ Речь идет о статье из главы Соборного уложения 1649 г. См.: Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 10 т. Акты Земских соборов. Т. 3. М., 1985. С. 203.

⁹ Мартынов П. Селения Симбирского уезда (Материалы для истории Симбирского дворянства и частного землевладения в Симбирском уезде). Симбирск, 1903. С. 10, 12, 48, 112, 119, 132–134 и др.

¹⁰ Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656–1671 гг. М., 2006. С. 554. См.: Крестьянская война в России под предводительством Степана Разина. М., 1962. Т. 3. № 144. С. 157–159.

¹¹ РГАДА. Ф. 281. Оп. 8. Д. 11569. Л. 1

¹² Там же. Д. 11568. Л. 1 – 3 об.; Д. 11569. Л. 1 – 7 об.

¹³ Сызранский филиал Центрального государственного архива Самарской области (далее – Сызранский филиал ЦГАСО). Ф. 97. Оп. 1. Д. 567. Л. 89 об.

¹⁴ Там же. Д. 627. Л. 46.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 7. Д. 159. Л. 63, 64 – 70 об. Сначала дали землю С. Богомолу и еще 7 казакам, но выделили на 50 человек «впредь для новых» (Л. 64). Характерная запись, что со всеми угодьями, пашней в 3 полях и дворовыми местами им дано 2000 десятин и далее: А сверх дач во владении Печерским казакам будет 10375 десятин (Л. 70 об.).

¹⁶ Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Библиотека. Материалы исторические и юридические района бывшего Приказа Казанского Дворца. Т. IX. I. Челобитные и различные прошения. № 7.

¹⁷ Там же. Л. 365 об.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. II. Д. 5186. Л. 106, 122.

¹⁹ Там же. Л. 132, 136 об., 140 об. и др.

²⁰ Мясников Г.В. Город-крепость Пенза. Саратов, 1984. С. 133–140.

²¹ Сызранский филиал ЦГАСО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 249. Л. 90–91; Д. 534. Л. 504 об.

²² Здесь в 1680–1690 гг. существовал целый куст селений, основанных служилыми татарами и чувашами. См., например: РГАДА. Ф. 281. Оп. 8. Д. 11569. Л. 1.

²³ РГАДА. Ф. 281. Оп. 8. Д. 11570. Л. 4.

²⁴ Сызранский филиал ЦГАСО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 627.

²⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 7. Д. 159. Л. 56 об., 58 об.; РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX. Л. 229 об.

²⁶ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. ВУА. Д. 19026. Масленицкий Т.Г. Топографическое описание Губернии Симбирской 1785 г. Л. 209–210. Возможно, в случае с д. Малячкиной можно говорить о создании сторожевой службы, организованной в начале 1670-х гг. князем М. Воротынским.

²⁷ См., например: Сызранский филиал ЦГАСО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 620. Если в данном случае не произошла путаница в названиях соседних селений.

²⁸ ГАУО. Ф. 732. Оп. 3. Д. 314.

²⁹ Сызранский филиал ЦГАСО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 627. Л. 43–44. Кстати, рядом с чувашской Бекшанской до 1690/91 г. уже существовала мордовская ясашная Бекшанка. См.: Сызранский филиал ЦГАСО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 627. Л. 45 – 45 об.

³⁰ Полубояров М.С. Древности Пензенского края в зеркале топонимики. Изд. второе, испр. и доп. М., 2010. С. 184

³¹ РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Д. 20. Л. 90 – 90 об.

³² Там же. Ф. 281. Оп. 8. Д. 11561.

³³ Там же. Д. 11560.

³⁴ Там же. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX. Л. 130 – 131 об.; Оп. 1. Д. 20. Л. 90 – 90 об.

³⁵ ГАУО. Ф. 732. Оп. 3. Д. 314.

³⁶ Мы специально не рассматриваем процесс формирования в крае крупной земельной собственности, получивший развитие после отмены действия законодательства о «заказных городах. См.: Дубман Э.Л. Формирование сельского населения в Симбирско-Самарском Поволжье в XVII – начале XVIII вв. // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1990. С. 19–25.

КРУПНЫЕ ВОТЧИНЫ СИМБИРСКОГО ПРАВОБЕРЕЖЬЯ

Во второй половине XVII – начале XVIII вв. территория Симбирского уезда являлась неотъемлемой юго-восточной частью лесостепного фронта Европейской России, протянувшегося от границ с Речью Посполитой до Башкирии. Именно в пространстве этого фронта, глубина которого составляла несколько сотен километров, наблюдались наиболее интенсивные миграционные процессы, происходила массовая колонизация «порозжих» земель, складывалась социальная структура приграничного населения. Среди жителей пограничных территорий преобладали служилые люди «по прибору» и «по отечеству», обеспеченные земельными наделами, но не владеющие крепостными (будущие однодворцы).

О том, как расширялись границы Симбирского уезда, каким образом происходило распределение земельных угодий и формирование населения, позволяют судить материалы писцового и актового делопроизводства¹. Исследователи считают, что во второй половине XVII в. на территории уезда господствовало мелко и среднепоместное землевладение служилых людей по прибору и отечеству². По данному показателю волжское Правобережье стоит в одном ряду с другими территориями южной и юго-восточной окраины, располагавшимися вдоль линии оборонительных линий.

Следует отметить, что наиболее высокая концентрация служилых людей наблюдалась в уездах, находившихся непосредственно на «черте», где особую значимость приобретали задачи обороны от нападений степняков. Так, например, для Среднего Поволжья в первой половине 60-х годов XVII в. таковыми являлись Симбирский, Саранский и закамские земли Казанского уезда. Из примерно 17 000 однодворцев, насчитывавшихся в это время во всех уездах Востока и Юго-Востока³, в трех указанных было размещено почти 13 000. Абсолютные показатели численности однодворцев в каждом из этих трех уездов были самыми высокими во всей полосе прохождения засечных черт⁴.

Контингент землевладельцев Симбирского уезда до середины 80-х – начала 90-х гг. XVII в. формировался, за редким исключением, из местных служилых людей⁵. В большинстве своем это были мелкие собственники, в поместьях и вотчинах которых насчитыва-

лось не более 10 дворов крепостного населения (в пределах территории данного уезда)⁶.

Массовое появление крупной земельной собственности привилегированных светских и церковных землевладельцев центра страны началось здесь только в последние десятилетия XVII в., когда на территории Симбирского уезда возникают вотчины московских Чудова, Новодевичьего, Новоспасского и Вознесенского монастырей, подмосковного Воскресенского Новоиерусалимского, костромского Ипатьева и ряда других⁷. Приволжские земли стали разбирать такие представители знати, как Ф.А. Головин, В.В. Долгоруков, Н.М. Зотов, А.И. Репнин, Ф.Ю. Ромодановский, И.Б. Троекуров, И.Ю. Трубецкой Большой, Ю.Ю. Трубецкой и другие⁸. Большинство их вотчин оказались крупнейшими как по территории, так и по населению, и занимали наиболее удобные, близкие к путям сообщения местности.

Объяснение такого «внезапного» появления крупного землевладения в условиях пограничного региона (и отсутствия его в предшествующий период) можно найти в том, что Симбирск с округой входил в число уездов, на которые распространялись нормы законодательства «о заказных городах», своеобразной покровительственной политики по отношению к местным служилым людям⁹. Суть этой политики заключалась в том, что правительство пыталось защитить мелко- и среднепоместных местных служилых людей от конкуренции со стороны привилегированных феодалов центра. Тем самым оно сохраняло боеспособность своей главной военной силы на юге и юго-востоке. На протяжении почти всего XVII в. практически не допускалось появление крупного землевладения в пограничных уездах, находившихся в ведении Разрядного приказа¹⁰ и приказа Казанского Дворца¹¹. Политика «заказных городов» оставалась действенной до конца 80-х гг. XVII в. В более позднее время, по мере снижения военной опасности на Юге, ее нормы практически перестали соблюдаться.

Предположение о распространении сферы действия покровительственной политики правительства по отношению к мелко- и среднепоместным служилым людям Симбирского, возможно, и ряда других уездов Среднего Поволжья, позволяет лучше понять специфические черты социально-экономического развития данных территорий, проследить дальнейшие судьбы сословий «однодворцев» – государственных крестьян, мелких и средних помещиков.

В последние два десятилетия XVII в. в связи с активной государственной политикой на Юге и Юго-Востоке страны значительно снизилась угроза нападений кочевников. Был завоеван Азов, развер-

нулось широкомасштабное строительство канала между Волгой и Доном. К концу столетия граница сельского расселения в Симбирском Предволжье спустилась значительно ниже Сызрани и Капшира, достигла широты Саратова. Роль служилых людей Симбирского уезда в обороне юго-восточных границ страны снизилась. Вопрос о сохранении и охране землевладения этой категории населения пока не был снят, однако законодательство о «заказных городах» фактически перестало действовать. Реальная правительственная политика и динамика развития землевладения на Юге и Юго-Востоке все более расходились с существующими правовыми нормами. Об этом свидетельствует ряд фактов. Например, в 1683 г. московский Новодевичий монастырь получил в вотчину «Атрубские» рыбные ловли, примыкающие с севера к «водам» Надеинского Усолья, и к ним значительный участок волжского берега (500 на 500 саженой) для устройства рыбного двора. В результате обменов, прямого захвата земель в руках церковных властей скопилось около 100 тысяч десятин различных угодий¹². Новопречистенская (или, как ее еще называли, Атрубская) вотчина монастыря являлась самой крупной среди остальных его владений¹³.

Практика пожалования к рыболовным угодьям ограниченного участка побережья для заведения рыбного двора стала общераспространенной. В 1685 г. по просьбе властей Чудова монастыря к их рыбным ловлям «под селитьбу крестьянских дворов» был пожалован огромный участок правобережья Волги, общей протяженностью около 40 верст. Свое прошение монастырские власти объясняли необходимостью оградить рыбные ловли от возможной конкуренция со стороны сызранских служилых людей, владения которых приблизились к монастырским водам. Однако до 1692/93 г. эти земли лежали неразмежеванными¹⁴, а заселяться стали еще позже. Характерно, что монастырь, уже получив их, в 1686 г. просил рядом со своими рыбными ловлями выделить небольшой участок (20x30 саженой) под строительство рыбного двора¹⁵. Таким образом, в первой половине – середине 1680-х гг. крупные центральные монастыри – предприниматели пытались обойти запретительные акты правительства просьбами о выделении небольших участков земли к промысловым водам. Свои действия они аргументировали необходимостью строительства рыбных дворов. Но уже через несколько лет – к началу 1690-х гг. ситуация изменилась коренным образом и возникли реальные возможности для приобретения действительно крупных земельных владений. Рассмотрим более подробно основные варианты расширения земельной собственности.

В 90-х годах XVII в. на территории Симбирского Предволжья началась раздача «порозжих» земель в «указное число». Свои просьбы о пожаловании монастырские власти обычно мотивировали стереотипной фразой: «...мало домовых вотчин и те в разных уездах, а многим монастырям дают домовые вотчины, а им нет...»¹⁶. В 1692 г. такое пожалование получил московский Вознесенский монастырь, а в 1698–1699 гг. — московский Новоспасский и подмосковный Воскресенский Новоиерусалимский монастыри¹⁷. Характерно, что власти Вознесенского монастыря, мотивируя свою просьбу о выделении им участка волжского побережья в «указное число», ссылались на пример Савво-Сторожевского, Новодевичьего и Чудова монастырей, получивших земли якобы на том же основании. Однако это утверждение, по крайней мере по отношению к Савво-Сторожевскому монастырю, не соответствовало действительности. Согласно нормам «указного числа», Вознесенский монастырь получил 800 четвертей земли в одном поле со всеми угодьями, остальные монастыри — по 500. Однако при фактическом наделении монастырей землей и угодьями встретился ряд сложностей и, прежде всего, их нехватка. Дело в том, что монастырские власти сами подыскивали себе земельные угодья в «указное число», а затем уже должны были просить о пожаловании. Однако свободных участков на правобережье Волги вплоть до устья р. Терешки (несколько выше Саратова) в эти годы уже не хватало. Часть земель, прилегающих к рыболовным угодьям Новоспасского монастыря, оказалась занятой симбирскими и сызранскими помещиками. Старцам пришлось выдержать тяжбу с таким владельцем М. Дмитриевым, присвоившим себе участок волжского правобережья, протяженностью до 15 верст¹⁸. В наиболее сложной ситуации оказался московский Вознесенский монастырь, приискавший себе в «указное число» земли, расположенные в густонаселенном освоенном районе западной части «большой» Самарской Луки, несколько выше Сызрани. Его будущие владения оказались в «примерных», «излишних», «за дачами» землях, занятых местными служилыми людьми. Монастырским властям так и не удалось добрать до «нормы» 350 четвертей пашни¹⁹.

Земли на луговой левобережной стороне Волги при этом не учитывались. К владениям Вознесенского, Новоспасского и Воскресенского, как ранее Чудова, Савво-Сторожевского, кашпирского Вознесенского монастырей, примезывались огромные участки левобережья. Но эксплуатация их вследствие постоянной опасности со стороны кочевников была возможна только наездом.

К землям в «указное число» полагались участки волжских вод. Это являлось особенностью раздач владений в Симбирско-Самарском Поволжье. Например, Вознесенскому монастырю были пожалованы «Сокские волжские воды», примыкающие к устью р. Сок. Без рыболовных угодий остался Воскресенский монастырь, так как угодья в окрестностях Саратова к концу XVII в. были уже распределены²⁰.

В конце XVII — начале XVIII в. известны случаи пожалования земель на территории Симбирско-Самарского края в качестве компенсации за вотчины, взятые в казну в центральных районах. В 1697/98 гг. более 3000 четвертей получил таким образом в Симбирском уезде Новоспасский монастырь²¹. По количеству своих вотчинных владений Новоспасский монастырь превратился в одного из крупнейших собственников Южного Средневожья.

Существенным источником увеличения земельных владений духовенства в регионе в последнее двадцатилетие столетия стали обмены. О широком их распространении по всей стране свидетельствуют исследования А.Е. Чекуновой, Ю.Н. Иванова, Г.И. Слесарчук и других историков²².

В ряде случаев обмен с местными служилыми людьми становился отправной точкой для формирования на рассматриваемой территории крупного вотчинного землевладения. Именно так появились у входа в горловину Самарской Луки владения московского Вознесенского монастыря, когда в 1690/91 г. власти выменяли у местных помещиков «из диких поль остаточной земли» 60,75 четвертей пашни, 66 десятин сенных покосов с угодьями и с «перехожими четьми»²³. Насколько велико было значение обмена для формирования земельных владений духовенства, свидетельствует пример Новопречистенской вотчины Новодевичьего монастыря. Здесь из земель, полученных законным путем, не учитывая захваченных самовольно, подавляющее большинство — до 1500 десятин — было приобретено с помощью обмена и «поступки». 300 четвертей к своим 500, данным в «указное число»²⁴, выменял Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. Более трети вотчины московского Вознесенского монастыря также состояло из выменянных земель²⁵. Как правило, местные помещики, солдаты, служилые чуваша обменивали сравнительно небольшие участки земли — от 30 до 100 четвертей. Только в двух случаях величина надела была значительной (300 и более четвертей в одном поле). Преобладал неравноценный обмен, когда монастырские власти отдавали совершенно несравнимые, незначительные наделы

от полчетверика до 5 четвертей. Такая форма обмена наблюдается в 7 случаях. Что стояло за ним – заклад, продажа, поступка, неясно.

Перераспределение собственности на территории края шло и путем прямых захватов. Фонд свободных земель в освоенных районах быстро истощился, и всевозможные прирезки, примежевания; которые зачастую использовали землевладельцы, привели к появлению массы спорных дел. Точных данных о количестве земель, присоединенных подобным образом к владениям духовенства, нет. В.Н. Нечаев, специально изучивший складывание землевладения в Новопречистенской вотчине Новодевичьего монастыря; считал, что большая часть ее территории была незаконно захвачена у окрестных жителей²⁶.

Массовому появлению на территории Симбирского Правобережья земельных владений московской знати способствовал перевод значительных контингентов местных служилых людей в Азов. Он начался с 1696/97 г. Из Симбирского уезда отправили на «вечное житье» жителей 25 казачьих слобод²⁷, из Пензенского – казаков с семьями из 14 слобод, из Инсарского – 5 и из Саранского – также 5²⁸. Помимо Азова, правительство пыталось таким образом заселить построенный на р. Медведице г. Новопетровский и на р. Вороне – Новопавловский. В результате оказались свободными 39 410 четвертей пахотной земли (2) и 1496 десятин сенных покосов²⁹, значительные площади, бывшие под усадьбами, а также жилые и хозяйственные постройки. Их-то и начали раздавать «по челобитьям». В итоге такой раздачи к 1702 г. они оказались:

- за боярами – 10,
- за генералом – 1,
- за «адмиралтецом» – 1,
- за думным дворянином – 1,
- за думным дьяком и за монастырем – 1,
- за постельничим – 2
- за стряпчим с ключом – 1,
- за стольниками – 25,
- за дьяками и подьячими – 5,
- за Новоспасским монастырем – 2³⁰.

Так в Симбирском уезде появились вотчины А.С. Шеина, М.Я. Черкасского, Б.А. Голицына, А.Ф. Нарышкина, Н.И. Репнина, Ф.Ю. Ромодановского, Я.П. Салтыкова, И.Ю. Грубецкого, Н.М. Зотова, И.И. Бутурлина и других представителей московских знатных фамилий³¹. О появлении крупного светского землевладения на территории региона свидетельствуют также материалы Генерального Двора

в с. Преображенском³². «Описание оброчных статей» Симбирского уезда, проведенное в 1704 г. для Ингерманландской канцелярии, позволяет достаточно точно локализовать такие владения³³. Правительственная политика начала XVIII в. остановила рост крупной собственности церкви на территорию края и способствовала новому ее перераспределению. Апофеозом такого перераспределения стало оформление к 1710 г. огромных владений А.Д. Меншикова, в которые вошли приволжские владения московских Новодевичьего и Новоспасского, звенигородского Савво-Сторожевского монастырей³⁴.

Столь интенсивный процесс формирования крупной привилегированной собственности на землю и другие угодья, перевод крупных групп зависимого населения из других районов страны, протекавший на территории Симбирского уезда, несомненно, являлся уникальным и практически не имел аналогов на других пограничных территориях.

Примечания

¹ Книга строельная города Синбирска. Симбирск, 1897; Зерцалов А.Н. Материалы для истории Симбирска и его уезда (Приходо-расходная книга Симбирской Приказной Избы 1665–1667 гг.). Симбирск, 1896; Опись городу Синбирску и его уезду в 1678 году (Переписные книги Приказа Казанского Дворца). Симбирск, 1902; Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1209. Оп. 4. Д. 5039; и др. К сожалению, делопроизводство приказа Казанского Дворца, в ведении которого находилось все Среднее Поволжье и другие территории, погибло во время пожара начала XVIII в.

² Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века (Очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882. С.74–78, 140–166; Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века. М., 1977. С.107, 110, 180–182; Водарский Я.Е., Павленко В.В. Помещики и помещичьи крестьяне Среднего Поволжья XVII – начале XVIII вв. // Вопросы аграрной истории Поволжья (XVII – начало XX вв.). Саранск, 1979.

³ По районированию см.: Водарский Я.Е. Указ. соч. С. 107.

⁴ Там же.

⁵ Лишь единичными уникальными случаями можно назвать появление в Предволжье крупной вотчины звенигородского Савво-Сторожевского монастыря, в Заволжье – земельного владения Патриаршего дома при Никоне по р. Утке и Майне.

⁶ Опись городу Синбирску и его уезду в 1678 году (Переписные книги Приказа Казанского Дворца). С. 57–115; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 5039.

⁷ Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. По материалам церковно-монастырских владений. Куйбышев, 1991. С. 19–21.

⁸ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. 9. Л. 1–361.

⁹ Новосельский А.А. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. // Исторические записки. 1938. № 4. С. 21–40; Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке (По материалам южных уездов России). Воронеж, 1974.

¹⁰ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Л., 1986. С. 177. № 239. По мнению В.И. Корецкого и А.Л. Станиславского, такое законодательство на Юге начало складываться значительно раньше, однако для рассматриваемых нами территорий эта тема становится актуальной с началом строительства Симбирско-Корсунской и Закамской линий и массового испомещения под их защитой служилых людей. См.: Корецкий В.И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 361–362; Станиславский А.Л. Указ об ограничении землевладения столичного дворянства 1619 г. // Теория и методы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. М., 1985. С. 72–77.

¹¹ Дубман Э.Л. Формирование сельского населения в Симбирско-Самарском Поволжье в XVII – начале XVIII вв. // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1990. С. 19–25.

¹² РГАДА. Ф. 281. Д. 11567. Л. 3.

¹³ Архив Музея Ново-Девичьего монастыря. Д. 146. Л. 16, 47.

¹⁴ РГАДА. Ф. 281. Д. 11586. Л. 1; Д. 11574. Л. 1–6.

¹⁵ Там же. Д. 11560. Л. 1–2.

¹⁶ Там же. Д. 11580. Л. 1 об.

¹⁷ Там же. Д. 11561. Л. 2 – 2 об., 3 об; Д. 11585. Л. 1–3; Д. 11580. Л. 1–3; Д. 11533. Л. 1–4; Ф. 280. Оп. 3. Д. 375. Л. 504 – 504 об.

¹⁸ Там же. Ф. 280. Оп. 3. Д. 375. Л. 504 об. – 507 об.

¹⁹ Там же. Ф. 281. Д. 11572. Л. 37–46.

²⁰ Там же. Д. 11580. Л. 7 об. – 8.

²¹ Там же. Ф. 1209. Оп. 7. Д. 159. Л. 38, 90, 271 об. – 272.

²² Чекунова А.Е. Вотчинное хозяйство и крестьяне в конце XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Донского монастыря): дис. ... канд. ист. наук. М., 1979; Иванов Ю.Н. Феодальное землевладение в Казанской епархии (вторая половина XVI – XVII вв.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1981; Слесарчук Г.И. Хозяйство и крестьяне Спасо-Евфимьева монастыря в первой четверти XVIII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1955.

²³ РГАДА. Ф. 281. Д. 11588. Л. 2.

²⁴ Воскресенский Новоиерусалимский монастырь в 1698 г. получил «из диких поль в указанное число» (500 четв.) земли в «Сызранском уезде» от

устья р. Багай (от межи Чудова монастыря) по Терешке и Волге до устья р. Березовки и «до Волги». См.: РГАДА. Ф. 281. Оп. 8. Д. 11585. Л. 1–3. Характерно, что еще раньше, в 1694/95 г. симбирянин Г.И. Полдомасов променял свою поместную землю в «Змеевых горах» властям Воскресенского монастыря с устья р. Терешки вверх до впадения в нее р. Березовки. См.: РГАДА. Ф. 281. Оп. 8. Д. 11581. Л. 1. Таким образом, монастырь получил все земли между р. Волгой и Терешкой, от устья последней и до впадения в нее р. Багая. По другим данным, Полдомасов владел едва ли не всей землей до Багая. См.: РГАДА. Ф. 281. Оп. 8. Д. 11580. Л. 5–8.

²⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 7. Кн. 159. Л. 121, 123, 128, 181 об.; Ф. 281. Д. 11566. Л. 1–3; Д. 11567. Л. 4; Д. 11581. Л. 1; Д. 11588. Л. 2–9 об.; Д. 11561. Л. 2–12 и др.

²⁶ Архив Музея Ново-Девичьего монастыря. Д. 145. Л. 5–6.

²⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. II. Д. 5186. Л. 106, 122.

²⁸ Там же. Л. 132, 136 об., 140 об. и др.

²⁹ Там же. Л. 141.

³⁰ Там же. Л. 141 об. – 143.

³¹ Там же. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. II. Д. 5186.

³² Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII – первая половина XVIII в. М., 1989. С. 108–109, 118–119.

³³ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX

³⁴ Там же. Ф. 11. Д. 70. Л. 66 об., 70 об., 76 об. – 77.

АВТОРСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ

(Статьи и монографии, в которых нашли отражение еюжеты, рассмотренные в данной книге)

1. Дубман Э.Л. Надеинское Усолъе // Самарский земский сборник. Самара, 1995.

2. Дубман Э.Л. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI – XVII вв. Самара, 1999.

3. Дубман Э.Л. Князь Григорий Засекин – строитель волжских городов. Самара, 2002.

4. Самарская соль в XVII веке // Самарский край в контексте российской истории: II международная научно-практическая конференция (11 – 14 июня 2002 г.). Самара, 2002.

5. Дубман Э.Л. Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф. Очерки истории Юго-Востока Европейской России. Самара, 2004.

6. Дубман Э.Л. Особенности системы кочевания у ногайского сообщества середины XVI в. (на примере ногаев Волго-Уральского междуречья) // Краеведческие записки. Вып. XII. Самара, 2005.

7. Дубман Э.Л. О некоторых особенностях функционирования системы волжских «перевозов» в конце XVI – XVII вв. // Самарский земский сборник. 2005. № 3(11).

8. Дубман Э.Л. До русской крепости (поселение «Samag» и «Самарское урочище» в XVI – XVI вв.) // Самара: от прошлого к настоящему: сб. ст. учащихся самарских школ и ученых-историков. Самара, 2007.

9. Дубман Э.Л. Взгляд со стороны (Самарское Поволжье в описании секретаря голштинского посольства Адама Олеария) // Performance. 2005. № 1.

10. Дубман Э.Л. Английские путешественники на Волжском пути (вторая половина XVI в.) // Вестник СамГУ. Сер.: Гуманитарная. 2007. № 5 (3).

11. Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – XVII вв. / под ред. Э.Л. Дубмана и П.С. Кабытова. Самара, 2007.

12. Смирнов Ю.Н., Дубман Э.Л. Самара в Смутное время // Центр и периферия. 2009. № 1.

13. Дубман Э.Л. Понизовой фронтир Московской Руси: век семнадцатый // Центр и периферия. 2011. № 1.

14. Дубман Э.Л. Проект Сызранской линии: предыстория, создание и судьба // Известия СИЦ РАН. 2011. Т. 13. № 3 (2).

15. Дубман Э.Л. Рыболовецкие промыслы Юго-Востока Европейской России в конце XVI – начале XVIII в. // Российская история 2012. № 3.

16. Дубман Э.Л. Вопрос о сооружении русских городов на Волге в московско-ногайских взаимоотношениях середины 1550-х гг. // Вестник СамГУ. Сер.: Гуманитарная. 2012. № 2 (2).

17. Дубман Э.Л. «На Волге жить – все ворами слыть»: волжское казачество во второй половине XVI – начале XVII в. // Центр и периферия. 2012. № 2.

18. Дубман Э.Л. Строительство Сызрани и начальный этап военно-государственного освоения Сызранского Правобережья // Самарский край в истории России: мат-лы межрегион. науч. конф. Вып. 4. Самара, 2012.

19. Дубман Э.Л. Самарский край в описаниях и на картах иностранцев конца XV – начала XVII в. // Энциклопедия Самарской области. Приложения. Т. 3. Самара, 2012.

Научное издание

ЮГО-ВОСТОК ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

Часть I

Э. Л. Дубман

Поволжский фронтир в середине XVI – XVII вв. Очерки истории

Монография

*Редактор Т. А. Мурзинова
Художественный редактор Л. В. Крылова
Компьютерная верстка, макет Л. Н. Замамыкиной*

Подписано в печать 11.12.2012.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 13,7. Уч.-изд. л. 14,75. Гарнитура «Newton».

Тираж 300 экз. Заказ №

Управление по информационно-издательской деятельности
Самарского государственного университета www.infopress.samsu.ru

Издательство «Самарский университет»

443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Тел. (846) 334-54-23. E-mail: lizam@ssu.samara.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Книга»

г. Самара, ул. Песчаная, 1.

Тел. (846) 267-36-82. E-mail: izdatkniga@yandex.ru

